

D.W. Winnicott

THE PIGGLE

An Account of the Psychoanalytic
Treatment of a Little Girl

Edited by Ishak Ramzy

Penguin Books
In association The Hogart Press
and The Institute of Psycho-Analysis

Д.В. Винникотт

“ПИГЛЯ”

Отчет о психоаналитическом лечении
маленькой девочки

Перевод с английского Л.Н. Боброва
под редакцией М.Н. Тимофеевой

Москва
Независимая фирма “Класс”
1999

УДК 616
ББК 57.3
В 48

Винникотт Д.В.

В 48 **“Пигля”**: Отчет о психоаналитическом лечении маленькой девочки/Пер. с англ. Л.Н. Боброва. — М.: Независимая фирма “Класс”, 1999. — 176 с. — (Библиотека психологии и психотерапии).

ISBN 5-86375-110-X (РФ)

Эта книга является настольной для нескольких поколений психотерапевтов, работающих с детьми. Ей суждено остаться в истории психотерапии красноречивым примером редкой клинической проницательности и бесценной иллюстрацией теории и техники одного из выдающихся и творчески мыслящих мастеров психоаналитического лечения детей — Д.В. Винникотта. Клинические заметки и комментарии самого Винникотта, подробно описывающие его наблюдения, отрывки из писем родителей юной пациентки помогут читателю сформировать суждение о представленном материале и его эволюции.

Книга имеет особую ценность для тех, кто профессионально занимается детьми, однако она представляет интерес и для всех, кто связан с детьми и их развитием.

Главный редактор и издатель серии *Л.М. Кроль*
Научный консультант серии *Е.Л. Михайлова*

ISBN 5-86375-110-X (РФ)

- © 1977, Clare Winnicott
- © 1977, The Winnicott Trust by arrangement with Mark Paterson
- © 1999, Независимая фирма “Класс”, издание, оформление
- © 1999, Л.Н. Бобров, перевод на русский язык
- © 1999, М.Н. Тимофеева, предисловие
- © 1999, В.Э. Королев, обложка

www.kroll.igisp.ru
Купи книгу “У КРОЛЯ”

Исключительное право публикации на русском языке принадлежит издательству “Независимая фирма “Класс”. Выпуск произведения или его фрагментов без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА О ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ЛЕЧЕНИИ МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКИ

*“Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той...”*

Б.Л. Пастернак

“Пигля” является настольной книгой уже для нескольких поколений терапевтов, работающих с детьми, и о ней, без сомнения, можно и хочется написать отдельную книгу. Недаром даже в этом издании данное предисловие является третьим. В нем мне хотелось бы, не останавливаясь на интереснейших вопросах, связанных с “Пиглей” как конкретным клиническим материалом детского психоанализа, сказать несколько слов о том, чем она может послужить для понимания психоанализа как такового.

Наверное, не случайно первая интерпретация, которую доктор Винникотт дает девочке Пигле (когда ей было два с половиной года), и одна из последних в последней сессии — про сон — удивительно похожи тем, что совершенно не понятно, откуда они берутся. То есть, когда интерпретация уже сделана, и тем более после того, как реакция пациентки позволяет сделать вывод о том, что догадка была верной, кажется, что все вполне логично. Но, если вернуться на шаг назад, идеи психотерапевта и его понимание происходящего кажутся чем-то на грани волшебства.

В большей или меньшей мере это относится и ко всей работе Винникотта и его мужественной и умной маленькой пациентки и является удивительным свидетельством того, какой виртуозности и в то же время простоты и естественности может достигать психоанализ в лучших своих проявлениях.

Всю работу целиком можно рассматривать как метафору психоанализа. Причем и отдельно взятого взрослого психоанализа длительностью в тысячу сессий, с началом, концом и специфическими феноменами, и всего современного психоанализа в целом.

Создается впечатление (как при чтении “Толкования сновидений” Фрейда), что почти не существует психоаналитических идей, истоки которых в какой бы то ни было форме не были бы представлены здесь. Обнаружение таких связей делает чтение “Пигли” еще более увлекательным.

В этом отношении интересно, например, следующее высказывание Винникотта: “Для ребенка этого возраста невозможно понять смысл игры, если он в нее не вовлечен и не играет с удовольствием. Важным принципом является то, что аналитик должен дать развиваться удовольствию, прежде чем использовать содержание игры для интерпретаций”. Даже на первый взгляд понятно, что эта фраза не является просто технической рекомендацией по аналитической работе с детьми определенного возраста. Сказанное Винникоттом в полной мере относится и к взрослому анализу, где место игры занимает то, что разыгрывается в трансферентных отношениях. Чтобы ребенок получал удовольствие от игры, он должен чувствовать, что взрослый, с которым он играет, также вовлечен в эту игру. Согласно современным психоаналитическим представлениям, пациент знает (не может не знать и ему полезно знать), что аналитик вовлечен в отношения с ним. Большинство психоаналитиков называют это контрпереносом. Сам психоанализ — принципиально — осуществляется в отношениях, а в значительной степени как раз и заключается в них. И в “Пигле” Винникотт почти в реальном времени показывает нам, *как* это происходит в сказках со счастливым концом.

Недаром некоторые пациенты говорят нам: “Я хочу, чтобы Вы были для меня доктором Винникоттом”.

Мария Тимофеева

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей книге представлены дословные выдержки из записок психоаналитика о лечении ребенка. Они дают читателю редкую возможность проникнуть в таинства врачебного кабинета и наблюдать за работой терапевта с ребенком. Хотя эта книга имеет особую ценность для лиц, профессионально занимающихся детьми, она представляет интерес и для всех, кто связан с детьми и их развитием.

Особый интерес “Пигля” представит для тех, кто знаком с трудами ныне покойного доктора Винникотта. Его комментарии и другие эпизодические заметки для читателя дают описание хода лечения и теоретические разъяснения происходящего. То, *что* он сказал и *как* выразил это, ярко иллюстрирует его вклад в психоаналитическую теорию и технику лечения детей. Но это не тяжеловесный учебник. Это — живой рассказ о двух людях, работающих и играющих вместе с намеренной интенсивностью и удовольствием. С точки зрения Винникотта, “для ребенка такого возраста невозможно понять смысл игры, если, прежде всего, он в эту игру *не играет и не получает от этого удовольствия*”. Именно через удовольствие можно справиться с тревогой и сдерживать ее в целостном опыте (“Тринадцатая консультация”).

Читатели почувствуют то удовольствие, которое сам Винникотт получает от игры с ребенком. Он ощущает и принимает перенос, но делает гораздо больше: он его осуществляет, проигрывая различные отведенные ему роли. Драматизация внутреннего мира девочки позволяет ей переживать и играть с теми фантазиями, которые больше всего ее беспокоят. Это происходит с малых доз и в обстановке, достаточно безопасной благодаря искусству терапевта. Творческая напряженность в переносе и уровень беспокойства и тревоги ожидания удерживаются в пределах возможностей ребенка, так что игра может продолжаться.

Доктор Винникотт приспособлял свою технику к требованиям каждого конкретного случая. Если был нужен и возможен полный психоанализ, он этот анализ проводил. При иных обстоятель-

ствах он варьировал свою технику от регулярных сеансов лечения до сеансов “по требованию”, либо до одновременных или расширенных терапевтических консультаций. В данном случае использовался метод работы “по требованию”.

В рукописи настоящей книги доктор Винникотт пометил, что ему нужно сделать комментарий о том, как он работал с родителями пациента. К сожалению, он так и не написал его полностью, но схематические заметки дают некоторое представление о его рабочих взаимоотношениях с ними. В заметках доктора Винникотта говорится: “Разделить материал с родителями — не семейная терапия — не обсуждение истории болезни, — а *partage* (разделенный, совместный) психоанализ. С их стороны никакого подрыва доверия и никакого вмешательства”.

В другой пометке указывается, что и разделение с родителями имеющегося материала, и чередование собеседований создавали условия для предотвращения монополии на данный материал, и тем самым для свободного развития отношений пациентки со своими родителями в ходе целостного терапевтического процесса. Читатели должным образом оценят тот факт, что в случае с “Пиглей” речь идет о родителях — профессионалах, знакомых с психотерапией. Их участие имело первостепенное значение для итогов этой работы.

Терапия проводилась в течение двух с половиной лет, причем встречи происходили не часто. В перерывах между ними пациентка зачастую отправляла весточки и рисунки в письмах своих родителей, тем самым сообщая доктору Винникотту, как она себя чувствует. Чрезвычайно важным для решения данной терапевтической задачи было то, что непосредственные встречи организовывались по просьбе ребенка, и эта техника имела исключительное значение для поддержания отношений. Интенсивный перенос сохранялся в течение всего курса и в конечном счете был разрешен трогательным и убедительным образом к взаимному удовлетворению.

**Клэр Винникотт,
Р.Д. Шеперд**

Комиссия по изданию трудов Винникотта

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА

Представить настоящую книгу ныне покойного доктора Дональда В. Винникотта для меня — привилегия и честь. Он написал этот проникновенный и завораживающий клинический документ и отложил его за несколько лет до того, как решился представить его каким-либо читателям, кроме г-жи Клэр Винникотт и родителей своей маленькой пациентки. Я узнал о рукописи во воле случая, устроить который мог только такой человек, как Винникотт, за полтора года до своей смерти в 1971 году. Записи наших продолжительных дискуссий с ним в течение лета 1969 года и наша последующая переписка в целях содействия ему в подготовке книги к изданию послужили мне ориентиром при ее редактировании. Много из того, что только он мог сделать и намечал сделать, если бы у него хватило времени пересмотреть некоторые отрывки и раскрыть краткие пометки, останется несделанным, дабы сохранить данное произведение в той форме и том стиле, которые изначально установил для него Винникотт. Однако и в том виде, в каком он сделан, ему, вероятно, суждено остаться красноречивым примером редкой клинической проницательности и бесценной иллюстрацией теории и техники одного из выдающихся и творчески мыслящих мастеров психоаналитического лечения ребенка в действии.

Видимо, следует сказать несколько слов о самом Винникотте, особенно для тех читателей, которым, возможно, не довелось познакомиться с его биографией. Будучи сыном типично английских родителей, выросшим в благоприятной среде, Винникотт получил медицинское образование, когда ему было немногим более двадцати лет. Он начал свою карьеру педиатра, работая врачом в Детской больнице Пэддингтон Грин в Лондоне, где в течение примерно сорока лет, по его подсчетам, наблюдал около 60000 матерей и детей. Вскоре после того, как Винникотт стал практикующим педиатром, он обратился к Эрнесту Джонсу*, который направил его на психоанализ к Джеймсу Стрэчи. Вспоминая об этих годах,

---

*Эрнест Джонс (1879—1958) — английский психоаналитик, автор трехтомной документальной биографии З. Фрейда. — *Прим. переводчика.*

Винникотт пишет: “В то время я начинал работать врачом-консультантом по педиатрии, и вы можете себе представить, как увлекательно было изучать бесчисленные истории болезни и получать от необученных родителей из “больничных классов” все необходимые подтверждения психоаналитических теорий, которые обретали для меня смысл в ходе моего собственного анализа. В то время больше не было ни одного психоаналитика, который был бы одновременно и педиатром, и поэтому в течение двух или трех десятилетий я был одиночным явлением*.

Слава и всемирная известность пришли к доктору Винникотту в течение последних пятнадцати лет его жизни. Он не основывал своей школы и не возглавлял никакой группы последователей, которые пропагандировали бы его теории. Он завоевал признание своей скромной, но непосредственной манерой и простым, но неповторимым стилем, в котором представлял свои выводы. В письменной и устной форме он давал яркие примеры своей фактической работы — убедительные свидетельства своих выводов — научным кругам и журналам для специалистов по психиатрии и психоанализу, а еще чаще — гораздо более широким кругам родителей, социальных работников, учителей и всех людей, имеющих какое-либо отношение к воспитательным, психиатрическим и детским лечебным учреждениям. Винникотт внес свой исторический вклад в науку о природе человека благодаря открытию значения того, о чем люди давно знают, не сознавая или не учитывая значения этого знания для развития и формирования человека. Даже не доведенная до последнего дня библиография его опубликованных книг и работ содержит 190 названий**. Чтобы вкратце обобщить хотя бы главные темы такого объемного вклада потребовалась бы целая книга, но изложение его сути можно почерпнуть из введения Масуда Хана к новому изданию собрания сочинений Винникотта “Через педиатрию к психоанализу”***.

Будучи одним из моих наиболее уважаемых учителей, Дональд Винникотт в течение почти двадцати лет был для меня другом и консультантом. Поскольку каждый раз, отправляясь на Международный психоаналитический конгресс в Европе, я обычно проез-

---

*Личный взгляд на вклад Кляйн // Процессы созревания и способствующая среда. Нью-Йорк, “Интернэшнл юниверситиз пресс; Лондон, “Хогарт пресс”, 1965, стр. 172.

**См. “Перечень редактора” в работе “Процессы созревания и способствующая среда”.

***Лондон, “Хогарт пресс”, 1975.

жал через Лондон, в июне 1969 года я написал Винникотту и спросил, не найдет ли он время для встречи и беседы до того, как мы оба окажемся очень заняты подготовкой к мастерским, предшествующим основной программе конгресса. Он быстро мне ответил, предложив провести вместе вечер по моему приезду в Лондон. Но в тот же день я получил от него еще одно маленькое письмо, в котором говорилось:

“У меня для Вас есть новость. Вы этого не знаете, но 22 июля с 14:30 до 16:14 Вы будете *моим* супервизором перед лицом всех гостей, которые соберутся на мастерской перед началом конгресса!

Дело в том, что из-за моей болезни некоторым моим студентам пришлось обращаться за супервизией к другим и у меня как раз сейчас нет студента с очень хорошим клиническим случаем для моей супервизии. Поэтому я попросил разрешения на супервизию, в которой объектом выступаю я сам, и прошу выполнить эту работу Вас.

Я представлю час психоанализа ребенка. Возможно, Вы найдете его довольно ужасным в качестве психоанализа, но это должно вызвать дискуссию. Я ожидаю это событие с энтузиазмом. Когда мы встретимся, я ознакомлю Вас с чем угодно еще, что Вам нужно знать, если необходимо. Я очень надеюсь, что Вы просто сделаете это”.

Вскоре после моего прибытия в Лондон, как-то вечером, после роскошного ужина, который нам приготовила Клэр, Винникотт рассказал мне о намеченном на 22 июля мероприятии, предложенном Британским психоаналитическим обществом, предшествующем основной научной программе конгресса. Когда я спросил, нет ли каких-либо заметок, которые я мог бы прочитать, чтобы ознакомиться со случаем, он полусерьезно сказал, что мне не нужно тратить время на подготовку и забивать голову какими бы то ни было деталями, кроме тех, которые он собирается представить и на которых я смогу основывать свои супервизорские замечания и вести открытую дискуссию на встрече. Лишь после обмена шутивными репликами он вручил мне полный текст случая, отпечатанный на машинке, сказав при этом, что он еще не решил, какую часть представит аудитории.

Вернувшись в гостиницу, я, обеспокоенный возможной перспективой разочарования аудитории тем, что не Винникотт будет выступать с супервизией, а вместо этого сам будет объектом супервизии со стороны менее известного коллеги, наспех перелистал

страницы рукописи, чтобы узнать что-нибудь о ее содержании и понять, как может пойти дискуссия после ее представления. И тут я понял, что попал на клад. То, что я прочел, вызвало во мне такое волнение и восторг, которые развеяли всю мою обеспокоенность и настроили меня на радостное ожидание предстоящего события. Эта рукопись и предлагается читателю в настоящей книге.

В большом амфитеатре все места были заняты, опоздавшим пришлось стоять. Судя по списку зарегистрировавшихся для участия в заседании, присутствовали психоаналитики со всех частей света, и только несколько человек из Англии, поскольку программа мастерской, предшествующей конгрессу, была предложена главным образом зарубежным гостям. Объяснив, почему он не будет демонстрировать собственную супервизию, а вместо этого явится ее объектом, Винникотт мягким голосом, в своей скромной манере приступил к изложению случая и представил работу, проделанную с пациентом на первом сеансе лечения. Один из вопросов, поднятых в последовавшей дискуссии, состоял в том, является ли психоанализом или психотерапией тип лечения, описанный Винникоттом и названный им “психоанализом по требованию”, с его несчастными и нерегулярными сеансами. В ответ Винникотт обратил внимание на то, что он делал с переносом и с бессознательным, а не на формальные стороны психоаналитической ситуации или на частоту или регулярность сеансов психоаналитического лечения. В ходе дискуссии один нетерпеливый слушатель сказал довольно громким шепотом: “Если есть какие-либо сомнения в том, что это психоанализ, почему же тогда случай маленького Ганса* до сих пор считается одним из классических в психоаналитической литературе?” В своем введении к настоящей книге Винникотт рассматривает преимущества метода работы “по требованию”.

Дело в том, что свой взгляд на то, что такое психоанализ, Винникотт определил еще в 1958 году**, когда сказал: “Мне предложили выступить по вопросу о *психоаналитическом лечении*, а для того, чтобы это выступление уравновесить, одному моему коллеге было предложено выступить на тему об *индивидуальной психотерапии*. Я думаю, что у нас с ним одна исходная проблема: как отличать одно от другого? Лично я не могу провести такого различия.

---

*Фрейд З. (1909), “Психоанализ фобии у пятилетнего мальчика”.

**Психоанализ ребенка в латентный период // Процессы созревания и способствующая среда. Нью-Йорк. “Интернэшнл юниверситиз пресс”, 1965; Лондон, “Хогарт пресс”, стр. 115.

Для меня вопрос стоит так: имел ли терапевт какую-либо психоаналитическую подготовку или нет?

Вместо противопоставления этих двух предметов друг другу, мы могли с большей пользой противопоставить оба предмета детской психиатрии. Я лечил тысячи детей этой возрастной группы (латентный период) методом детской психиатрии. С сотнями я (как психоаналитик по образованию) использовал индивидуальную психотерапию. Примерно с 12—20 детьми этой возрастной группы я проводил психоанализ. Границы настолько расплывчаты, что я не могу быть точным”.

Несколько лет спустя (1962)* он вернулся к этой теме и сказал: “Мне нравится заниматься психоанализом и я всегда жду завершения анализа. Анализ ради анализа для меня лишен смысла. Я провожу психоанализ потому, что это то, что нужно пациенту, и его нужно доводить до конца. Если пациенту психоанализ не нужен, я делаю что-нибудь другое. При проведении психоанализа спрашивают: как *много* можно сделать? В моей клинической практике девиз такой: что собой представляет то *малое*, что нужно сделать?”

В заключение той же своей работы он пишет: “По моему мнению, наши цели при использовании стандартной техники не меняются, если мы интерпретируем психические механизмы, которые относятся к психотическим типам расстройств и примитивным стадиям эмоционального развития человека. Если наша цель по-прежнему состоит в том, чтобы формулировать зарождающееся сознательное с точки зрения переноса, значит мы занимаемся психоанализом; а если нет, то мы, будучи психоаналитиками, занимаемся чем-то иным, тем, что считаем соответствующим данному случаю. А почему бы и нет?”

Ицхак Рэмзи,
магистр гуманитарных наук,
доктор философии
Канзас, Топека, октябрь 1974 г.

---

*Цели психоаналитического лечения // Процессы созревания и способствующая среда. Нью-Йорк, “Интернэшнл юниверситиз пресс”; Лондон, “Хогарт пресс”, 1965, стр. 166—70.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга, выходящая под моей фамилией, частично написана родителями девочки, которую прозвали “Пиглей”*. Книга состоит из отрывков из их писем о Габриеле и моих клинических заметок, целью которых было дать подробное описание психоаналитических наблюдений. Я включил в нее и свои собственные комментарии, которые, надеюсь, не помешают читателю сформировать собственное суждение о представленном материале и его эволюции.

Всегда возникают сомнения, допустимо или нет публиковать личные подробности любого психоанализа, но в данном случае решение облегчает то, что речь идет о пациентке, которой в начале курса лечения было только два года и четыре месяца. Кроме того, беря на себя часть ответственности, родители утверждают, что данная публикация описания лечения не повредит Габриеле, если эта книга попадет ей в руки, когда она вырастет**.

Я не считаю это лечение законченным. Мне представляется сомнительным, что детский психоанализ следует полагать завершенным, когда пациент еще так молод, что процессы развития начинают преобладать, как только появляются успехи в анализе. В данном случае очевидно, что вначале определяющим фактором ситуации является болезнь ребенка, поэтому улучшение клинического состояния легко объяснить как результат работы, проделанной в анализе.

Однако со временем ребенок начинает освобождаться от жесткой схемы организации защит, которая составляет болезнь, и тогда становится очень трудно провести различие между клиническим улучшением и эмоциональным развитием, между работой, проде-

---

*В Англии прозвище “Пигля” является ласковым обращением к маленьким детям. Мы решили не заменять его русским эквивалентом, хотя некоторые оттенки прозвища передает слово “свинюшка”. — *Прим. ред.*

**В дальнейшем мать ребенка высказала несколько замечаний по отчетам о сеансах лечения, не относящихся к публикации. Некоторые из этих замечаний включены в книгу.

ланной при лечении, и ныне высвобожденными процессами взросления.

Родители связались со мной в январе 1964 года, когда Габриеле было два года и четыре месяца. Я принял Габриелу “по требованию” 14 раз, начиная с того времени, когда ей было два года и пять месяцев. Четырнадцатый сеанс лечения состоялся, когда ей было пять лет.

Поскольку ребенок жил на значительном расстоянии от Лондона, психоаналитическое лечение в данном случае проводилось “по требованию” и это влияет на вопрос об окончании лечения. Нет причин, чтобы не продолжать лечение “по требованию”, в том числе, возможно, периодически проводить его и в интенсивной форме. Нельзя и не нужно предсказывать отдаленное будущее. Однако в этой связи можно заметить, что психоаналитику свойственно более терпимо относиться к симптоматологии ребенка, чем это делают родители, которые склонны, раз уж ребенка начали лечить, считать, что лечение всегда необходимо возобновлять при появлении симптомов. Когда лечение ребенка начато, упускают из виду обширную симптоматику всех детей, о которых заботятся в их собственных, достаточно благополучных семьях. Лечение ребенка фактически может помешать проявлению очень ценного качества, свойственного семье, которое состоит в умении мириться и справляться с клиническим состоянием ребенка, свидетельствующим об эмоциональном напряжении и временной задержке эмоционального развития или даже самого факта развития.

В этом отношении методика лечения “по требованию” имеет преимущества перед практикой ежедневных приемов пять раз в неделю. С другой стороны, не следует считать компромисс ценной находкой; психоанализ ребенка должен производиться либо в ходе ежедневных сеансов, либо в процессе приемов по требованию. Сеансы лечения один раз в неделю, ставшие почти общепринятым компромиссом, имеют сомнительную ценность, как нечто, находящееся между двумя стульями и не позволяющее вести по-настоящему глубокую работу.

Возможно, читатель найдет удачными описания клинического состояния ребенка в письмах родителей, написанных в промежутках между сеансами лечения. Из этих описаний, сделанных без всякой мысли о публикации, а просто для информирования психоаналитика, видно, что после первых двух сеансов болезнь Габриелы приобрела более доминирующие черты и “организовалась”

как ясный паттерн болезни. Затем постепенно паттерн болезни до некоторой степени разрешился, открыв путь ряду стадий развития, которые потребовалось прорабатывать вновь, хотя они определенно были удовлетворительно пройдены Габриелой уже в младенческом возрасте, т.е. до следующей беременности ее матери. Однако именно из описания психоаналитической работы читатель может увидеть здоровую основу личности этого ребенка — качество, которое всегда было очевидным для психоаналитика, даже когда с клинической и бытовой точек зрения ребенок был действительно болен. Лечение обладало своей собственной динамикой, которая была очевидной с самого начала и несомненно усиливалась доверием к психоаналитику со стороны родителей и пациентки. Описания проделанной работы свидетельствуют о том, что с самого начала Габриела пришла, чтобы работать, и всякий раз, приезжая на лечение, она имела проблему, которую была в состоянии проявить. В каждом случае психоаналитик чувствовал, что ребенок информирует его о конкретной проблеме, хотя было немало случаев неопределенной, казалось, лишенной ориентации игры, поведения и разговора. Эти фазы неопределенной игры очевидно представляли собой важный фактор в том смысле, что из этого хаоса возникало ощущение направленности и ребенок становился способен коммуницировать, исходя из своей реальной потребности — той потребности, которая побуждала девочку просить о следующем приеме. Я преднамеренно оставил неясную часть материала неясной, какой она была для меня, когда я вел свои записи.

Д.В. Винникотт,
член Королевской коллегии врачей
22 ноября 1965 г.

ПАЦИЕНТКА

Выдержка из первого письма от родителей, написанного матерью

4 января 1964 года

“Не могли бы Вы найти время принять нашу дочь, Габриелу, которой два года и четыре месяца? Некая обеспокоенность не дает ей уснуть по ночам и иногда, видимо, сказывается на общем качестве ее жизни и отношениях с нами, хотя и не всегда.

Вот несколько фактов.

О ней трудно говорить как о маленьком ребенке; она производит впечатление человека с большими внутренними ресурсами. О кормлении сказать почти нечего; оно, кажется, проходило легко и естественно, как и отнятие от груди. *Я кормила ее грудью до девяти месяцев**. Она отличалась большой “устойчивостью”, когда училась ходить, — редко падала, а если и падала, то почти не плакала. С самого раннего возраста проявляла сильные, страстные чувства по отношению к отцу, но была несколько своевольной с матерью.

Когда Габриеле был год и девять месяцев, у нее появилась сестренка (которой сейчас семь месяцев), что, я считаю, было слишком рано для нее. И, думается, сам этот факт, а также наша тревожность, связанная с ним, вызвали большие изменения в ней**.

---

*Курсив мой — Д.В.В.

**Я лишь гораздо позже узнал, что сама мать в этом же возрасте испытала похожие переживания, связанные с рождением сиблинга. — Д.В.В.

Она легко впадает в скуку и депрессию, что раньше не проявлялось, и внезапно становится очень чувствительной к отношениям с окружающими и особенно к своей идентичности. Острый дистресс и явная ревность к своей сестре длились недолго, хотя дистресс был очень острым. Теперь оба ребенка находят друг друга очень забавными. К своей матери, чье существование она, казалось, почти игнорировала, Габриела относится с гораздо большей теплотой, хотя и порой с большей злобой. Она стала явно сдержанней по отношению к отцу.

*Клиническое
описание
болезни*

Я не буду обременять вас другими подробностями, но просто расскажу вам о фантазиях, которые заставляют Габриелу звать нас до поздней ночи.

У нее есть черные мама и папа. Черная мама приходит к ней по ночам и говорит: “Где мои нямямки?” (От слова “ням” = кушать. Она показывает на свои грудки, называя их нямянками, и тянет их, чтобы сделать побольше). Иногда черная мама сажает ее на горшок. Черная мама, которая живет у нее в животике и с которой можно разговаривать по телефону, часто болеет и ее трудно вылечить.

Вторая часть фантазий, которая проявилась еще раньше, — о “бабаке”. Каждую ночь она без конца зовет и просит: “Расскажи мне о бабаке, *все* о бабаке”. Черные мама и папа часто в бабаке — вместе или кто-то один. Очень редко появляется и черная Пигля (мы зовем Габриелу “Пиглей”).

Совсем недавно она каждую ночь сильно царапала себе лицо.

Часто она кажется очень живой, непосредственной и вполне активной, но мы подумали о том, чтобы попросить вас о помощи в данный момент, опасаясь, как бы она не ожесточилась из-за своего дистресса, считая это единственным способом справиться с ним”.

Отрывок из письма матери

“С тех пор, как я написала вам, дела нисколько не поправились. Пигля редко играет, сосредоточившись, даже редко позволяет себе быть собой, она либо “баба”, либо, чаще всего, “мама”. “Пига ушла, пошла к бабаке. Пига черная. Обе Пиги — плохие. Мама, поплачь о бабаке!”

*Ухудшение
клинического
состояния*

Я сказала ей, что написала доктору Винникотту, “который хорошо разбирается в бабаках и черных мамах”; с тех пор она прекратила ночные мольбы: “Расскажи мне о бабаке”. Дважды она, как бы ни с того, ни с сего, просила меня: “Мама, отведи меня к доктору Винникотту”.

ПЕРВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

3 февраля 1964 года

“Пиглю” привезли родители, и сначала мы все на некоторое время собрались в кабинете. Габриела выглядела серьезной, и как только она появилась в дверях, мне стало очевидно, что она приехала работать.

Я отвел всех троих в приемную, а затем попытался увести Пиглю обратно в мой кабинет. Она не проявила особой готовности к этому переходу и, пока мы шли, сказала своей матери: “Я слишком стесняюсь!”

*Первое
общение*

Поэтому я позвал мать вместе с ней, но сказал, чтобы она ни в чем не помогала, и она села на кушетку рядом с Пиглей. К этому времени я уже подружился с плюшевым мишкой, который сидел на полу у моего письменного стола. Теперь я находился в задней части комнаты и, сидя на полу, играл с игрушками. Я сказал Пигле (которую фактически не видел): “Принеси сюда мишку, я хочу показать ему игрушки”. Она тут же принесла мишку и стала помогать мне знакомить его с игрушками. Затем она стала играть с ними уже сама, в основном извлекая из груды части игрушечных поездов. Она все время говорила: “Я достала... (и называла, что именно)”. Минут через пять мать выскользнула в приемную. Мы оставили дверь открытой, что было важно для Пигли, которая проверяла обстановку. Потом стала повторять: “Вот еще один ... а вот еще один”. Это говорилось в основном о грузовиках и паровозах, но, казалось, о чем именно, было неважно. Поэтому я использовал ее реплики как коммуникацию: “Еще один ребенок. *Детка-*

*Общение
налаживается*

Сузи”*. Очевидно, это было правильно, ибо она тут же стала мне рассказывать о появлении на свет Детки-Сузи так, как она это помнила: “Я была ребеночком. Лежала в кроватке. Спала. Только-только пососала из бутылочки”. Потом что-то насчет лизания, как я подумал. И я спросил: “Говоришь, ты лизала?” А она: “Нет, не лизала”. (На самом деле, как я выяснил позднее, у нее никогда не было бутылочки, но она видела малыша, изображенного на бутылке). Тогда я повторил: “А потом был *другой* ребенок”, помогая ей продолжить рассказ о рождении.

Затем она взяла круглый предмет с крестовиной, который когда-то был частью вагонной оси, и сказала: “Откуда это?” Я ответил, исходя из практических соображений, а затем спросил: “А откуда появился ребенок?” Она ответила: “Из кроватки”. При этом она взяла фигурку мужчины и попыталась посадить ее в автомобильчик на сиденье водителя. Фигурка была слишком большая и не умещалась; девочка попыталась впихнуть ее через окошко или еще как-нибудь.

“Не лезет; застряла”. Затем она взяла маленькую палочку, просунула ее через окошко и заметила: “А палочка проходит”. Я сказал что-то насчет мужчины, который вставляет что-то в женщину, чтобы делать детей. Она сказала: “У меня есть кошка. В следующий раз я принесу котеночка, в другой день”.

В этот момент ей захотелось к матери и она открыла дверь. Я сказал что-то про разговор с мишкой. Появилась некоторая тревожность, с которой надо было что-то делать. Я попытался это выразить: “Ты напугалась; тебе снятся страшные сны?” — “О бабаке”, — ответила она. Это слово ее мать уже называла мне в связи с малышкой, Деткой-Сузи.

В это время Габриела сняла ленточку с игрушечного барашка и обернула ее вокруг своей шеи.

*Тревожность —
смена темы*

*Контакт
с матерью —
облегчение*

---

*Так Габриела называет свою сестренку Сусанну, которой сейчас 8 месяцев.

Кажется, я спросил ее: “А что ест бабака?” — “Не знаю”, — ответила она. “Я взяла голубой... ой, нет, это воздушный шарик”. (Габриела привезла с собой спущенный шарик, собственно, игра и началась с того, что она тщетно орудовала с этой вещицей, о которой сейчас говорила).

Она взяла маленькую электрическую лампочку с матовой поверхностью, на которой было нарисовано мужское лицо. Сказала: “Нарисуй человечка”. Я нарисовал мужское лицо на лампе еще раз. Габриела взяла пластмассовые корзиночки для клубники и сказала: “Можно я что-нибудь положу сюда?” Затем стала все складывать в коробочки, очень целенаправленно. Вокруг было множество мелочей и штук восемь разных коробок. Я заметил по этому поводу: “Ты делаешь детей, как стряпаешь, собирая все вместе”. Она ответила что-то вроде: “Я должна все прибрать. Нельзя оставлять беспорядок”.

В конце концов абсолютно все, вплоть до самой мелкой вещички, было собрано и сложено в эти шесть коробок. Я думал, как же мне сделать то, что мне нужно было сделать, и я довольно неуместно затеял разговор о черной маме: “Ты когда-нибудь сердисься на маму?” Я связал мысль о черной маме с ее соперничеством с матерью, поскольку они обе любят одного и того же мужчину — папу. Было совершенно очевидно, что она глубоко привязана к своему отцу, и такая интерпретация была вполне обоснована. На определенном уровне это должно быть правдой.

Прибрав все, Габриела произнесла: “Я хотела бы привести сюда папу и маму”. Выходя в приемную, она сказала: “Я убралась”.

*Отказ
от беспорядка*

В течение всего этого времени Габриела вместе со мной складывала игрушки под полку, в том числе и своего собственного мишку, и мы снова завязали бант у барашка на шее.

Затем я побеседовал с матерью, пока отец приглядывал за Пиглей в приемной.

Беседа с матерью

Мать сказала, что в последнее время здоровье Пигли резко ухудшилось. Она не капризничала и хорошо относилась к маленькой. То, что произошло, трудно описать. Но она *не была сама собой*. Фактически, она отказывалась быть самой собой и так и говорила: “Я мама. Я малышка”. К ней нельзя было обратиться, как к ней самой. Она начала лепетать не свойственным ей высоким голосом. Когда она говорила серьезно, голос был намного ниже. Младенцем Пигля была необыкновенно самодостаточна. Когда родилась Сусанна, мать тут же осознала, что Пигле требуется гораздо больше внимания. В доме пели песенку, которая ассоциировалась с младенчеством Пигли*, но когда недавно родители запели ее, она горько заплакала и сказала: “Перестаньте. Не пойте эту песню”. (Со мной она напевала одну мелодию и была очень довольна, когда я говорил: “Проплывают мимо корабли”, я узнал, что этой песне ее научил отец.)

Песня, которая ей не нравилась, была немецкой песней с искусственно подобранными английскими словами и была, очевидно, тесно связана с близким отношением матери к ребенку. Родным языком ее матери был немецкий; отец же был англичанином.

В отношении “черной мамы” и “бабаки” мне еще не все было ясно. Кошмары Пигли могут быть и о “бабаке”, и о поезде. *Дальнейшее описание болезни*

Этот ребенок не был приучен к горшку, но когда в доме появился новый младенец, она научилась им пользоваться за неделю. Она была из тех детей, которые сначала не говорят, но затем внезапно начинают разговаривать свободно. Девочка раньше

---

*Примечание родителей: “Из старой мелодии мы сделали колыбельную, в которой был такой припев: “...И мама с папой будут здесь... (т.е. когда малышка спит). Долгое время на ее глаза наворачивались слезы, когда кто-нибудь напевал эту мелодию. Мы придумали новые слова (первоначально это была прощальная песня); и сейчас она ей иногда нравится, а порой, когда кто-нибудь запевает ее, она кричит: “Стоп!”

все время играла, но с переменной обстановки у нее развилась тенденция лежать в кроватке и сосать большой палец, и при этом совсем не играть. У нее было отличное чувство равновесия, но после произошедших в ней перемен она стала падать, плакать и обижаться. Вела себя своевольно. Матерью только понукала. С шести месяцев обожала отца и уже тогда говорила: “Папа!” Но вскоре забыла это слово, либо просто не могла больше его произносить. С началом перемен, казалось, стала воспринимать мать как отдельного человека, прониклась любовью к ней, и в то же время стала сдержанней по отношению к отцу.

Несколько дней спустя из телефонного разговора с матерью я узнал, что после консультации Пигля, впервые после рождения сестры, позволила считать себя ребенком, вместо постоянного выражения протеста. Собственно, она улеглась в коляске и занялась бесчисленными бутылочками. Однако никому не разрешала называть ее Пиглей. Либо малышкой, либо матерью. Пигли были черные и плохие. “Я малышка”. Мать, похоже, чувствовала, что Габриела не так сильно страдала. Она нашла способ символизировать свои переживания, как мать это выразила. Родители чувствовали свою беспомощность. Они, казалось, были не в состоянии увидеть позитивные аспекты способности ребенка решить свои проблемы с помощью своих внутренних процессов. С другой стороны, были правы, считая ее нынешнее состояние неудовлетворительным.

Пигля лежала в кроватке и беспричинно плакала. Когда они ушли от меня, она сказала: “Бабака”, как будто что-то забыла. Потом сказала: “Доктор Винникотт не знает о бабаках — о бабаке”. Она также сказала, что мишка хочет поехать назад в Лондон играть с доктором Винникоттом, но она не хочет. Между прочим, она чуть не забыла мишку среди других игрушек, но в последнюю минуту вспомнила о нем и взяла с собой. Чувствовалось,

*Вера
в психоана-
литика*

что она все время жалела о том, что не может рассказать доктору Винникотту о бабаке. Родителям это напомнило о прежнем переживании из-за черной мамы и бабаки до тех пор, пока как бы “что-то вдруг оборвалось”. Мать не знала точного происхождения “бабаки”, но это было связано с черным — черной мамой, черной ею самой и черными людьми. На фоне приятных событий Габриела вдруг обеспокоенно произнесла: “Бабака” — и все было испорчено. Это согласуется с идеей, что черное здесь означает появление ненависти (или утрату иллюзий).

*Утрата
иллюзий*

Есть еще одна деталь — иногда мать должна упасть и пораниться, и тогда Пигля помогает маме поправиться. Это дополнительное свидетельство — если таковое требуется — одновременного возникновения ненависти и любви к матери и способности Пигли использовать мать агрессивно. К этому надо суметь добавить другой вопрос: падение означает забеременеть. Таким образом включается агрессия отца.

Амбивалентность

Комментарии

Я чувствовал, что беседа с девочкой и сообщение матери показали, что я правильно выбрал слово “застенчивость” в качестве ключевого. Пациентка вырабатывала новое отношение к матери с учетом того, что ее ненависть к матери исходила из любви к отцу. Любовь к отцу в возрасте шести месяцев не стала частью ее цельной личности, а оставалась таковой наряду с отношением к матери, которая в то время все еще была субъективным объектом*.

Изменение, связанное с рождением нового ребенка, привнесло тревогу и ограничение свободы

---

*О термине “субъективный объект” см. Винникотт, “Игра и действительность”, Лондон, “Тэвисток пабליкейшнс”, 1971, стр. 80. А также “Процессы созревания и способствующая среда”. Нью-Йорк, “Интернэшнл юниверситиз пресс”; Лондон, “Хогарт пресс”, 1965, стр. 180—181.

в игре, а также кошмары. Тем не менее, вместе с этим пришло принятие матери как отдельного человека и, как следствие, самоутверждение собственной личности при тесной связи с отцом. Предположительно, “черная мама” является пережитком ее субъективной предвзятости к матери.

Пересматривая детали данной консультации, я вижу, что наиболее важное событие произошло на раннем этапе. Это было тогда, когда Пигля среагировала на мою интерпретацию по поводу “другого ребенка”, отстаивая свою позицию в качестве ребенка в кроватке, а затем задавая вопросы, относящиеся к проблеме появления детей. Здесь проявляется зрелость, которая не всегда столь очевидна в возрасте двух лет и пяти месяцев.

Среди важных моментов данной консультации отмечу следующие:

1. “Стесняюсь” — свидетельство силы и организации Эго и утверждения психоаналитика, как “папиного человека” (отцовской фигуры).

2. Неприятности начались с появлением в доме нового ребенка, что вынудило Пиглю к преждевременному личностному развитию. Она не была готова к простой амбивалентности.

3. Наличие элементов помешательства: «бабака», система черного, кошмары и т.д.

4. Легкость общения.

5. Временное решение проблемы посредством регрессии к положению младенца в кроватке.

Письмо от родителей, написанное отцом

“То, что Вы нас приняли, было очень мило с Вашей стороны; и нам сильно помогло то, что Вы позвонили как раз в тот момент, когда мы думали, как лучше всего с Вами связаться.

Как Вы теперь знаете, весь день после того, как Пигля была у Вас, она пролежала в коляске, по-

сасывая из бутылочки. Я не думаю, что это ее полностью удовлетворяло в то время, и вскоре она бросила это занятие. Теперь она попеременно малышка и Большая Мама (во всем ей потакающая), но никак не она сама; даже не позволяет нам называть себя по имени. “Пигга (так она говорит) ушла. Она черная. Обе Пигги — черные”.

По-прежнему очень трудно с укладыванием спать; обычно не спит и в девять и в десять “из-за бабаки”. Днем, вволю наигравшись, она дважды сказала: “Мама плачет”. — “Почему?” — “Из-за бабаки”. Бабака, кажется, обычно связывается с черной мамой; но в последние несколько дней впервые появилась и хорошая мама. Сейчас не очень часто она говорит довольно тревожным и строгим, явно не своим голоском. В основном только о своей детке — кукле, не сестре. С Сусанной, ее сестрой (“Деткой Сузи”), у нее хорошие отношения — она, кажется, искренне сочувствует ей, хотя иногда и плохо обращается, они вместе устраивают шумную возню к взаимному удовольствию. Несколько раз она говорила, как бы с сожалением, что доктор Винникотт не знает о бабаке, и попросила: “Не везите меня в Лондон”. Еще упомянула о том, что она неправильно Вам сказала, что приехала на машине [она приехала поездом; хотя, может быть, я что-то не так понял, но не стал ее переспрашивать]. Затем в течение нескольких дней об этом не говорили, до тех пор, пока Габриела не вспомнила какую-то песню и попросила меня отвезти ее к доктору В.; на другой день попросила не делать этого. Потом играла, отправляя поезда с игрушками в Лондон, чтобы “поиграть и поговорить”. Последние несколько дней я должен был быть Пиггой, а она — Мамой: “Я повезу тебя к доктору В. Скажи нет”. — “Почему?” — “Потому что мне нужно, чтобы ты сказала нет”.

В последние два-три дня она очень активно уговаривала меня отвезти ее к доктору В.: первый раз это было, когда я сказал ей, что она выглядит грустной и она ответила, что грустила все утро: “От-

*Негативное:
перенос —
сопротивление*

*Амбивалент-
ность
в переносе*

вези меня к доктору В.”. Я сказал, что напишу и расскажу доктору В. о том, что ее мучает тоска. После кошмарного сна прошлой ночью (о бабаке, черной маме, которая хотела взять ее “ням-нямки”, сделала Пиглю черной и сдавила ей шею), она сказала: “Бабака — это итя”. Когда я ее спросил, что такое “итя”, она сказала, что расскажет доктору В. Теперь у нее новая фантазия, которую она повторяет в различных вариантах, о том, что все шлепают по грязи или “му-мукиному б-р-р-р”.

*Переосмысление
кучи игрушек*

Пигля по-прежнему вялая и грустная, но играет больше и стала снова проявлять интерес к окружающим ее вещам, что нас обнадеживает.

Она по-прежнему сдержанно относится к отцу по сравнению с тем, как относилась к нему до рождения Сусанны; она, кажется, может быть нежной, когда она — малышка. Когда происходит что-то волнующее или новое, или Пигля встречает нового человека, она говорит, что это уже было, “когда я была маленьким ребеночком в своей коляске”. По ночам мы слышим, как она зовет своего ребенка и разговаривает с ним с большой нежностью.

*Память
о доамбивалентной матери
и упрек действительной
реальной матери*

Я думаю, что Вы правы в том, что мы “перусердствовали” в нашем понимании ее дистресса. Мы чувствовали себя очень причастными и виноватыми, потому что не сделали всего того, что надо было сделать, чтобы новый ребенок не появился так скоро, и ее отчаянные мольбы каждую ночь: “Расскажите мне о бабаке” заставили нас искать какой-то вразумительный ответ.

Мы никогда не рассказывали Вам, какой она была в младенчестве; она казалась удивительно сдержанной и тонкой, обладающей какой-то внутренней силой. Мы всячески и, я думаю, успешно старались уберечь ее от обстоятельств, которые могли бы сделать ее мир слишком сложным. Когда родилась Сусанна, Габриела оказалась как бы выбитой из колеи и отрезанной от своих источников питания. Нам было больно видеть ее такой униженной и отринутой и, возможно, она это почувство-

вала. В отношениях между нами (родителями) тоже был напряженный период.

Хотя, как Вы говорите, дела у нее не так уж плохи, кажется, она все же не нашла еще способ восстановить себя в прежней форме. Мы подумали, что Вам, возможно, будет интересно посмотреть некоторые типичные ее фотографии, которые, может быть, лучше наших описаний раскроют Вам ее облик, как его видим мы”.

Письмо от матери

“Я хотела бы послать Вам еще немного заметок о Пигле, прежде чем Вы ее примете.

Кажется, она сейчас очень хорошо с собой справляется и стала осознавать вещи очень разумно и довольно печально. Мы слышали, как она в своей кровати говорила: “Не плачь, маленькая, Детка-Сузи — здесь, Детка-Сузи — *здесь*”. Она говорит о том, как хорошо иметь сестру; но я чувствую все-таки, что это стоит ей больших усилий.

Она тратит массу времени на разборку, чистку и мытье, особенно мытье всего, что попадает под руку. В остальном она много не играет и часто сидит без дела, немного грустная. Довольно много времени тратит на создание уюта для своей детки (куклы, высокоидеализированной фигурки).

Сейчас она гораздо чаще “капризничает”, например, брыкается и кричит, когда надо ложиться спать и т.д. *Развитие Эго в способности капризничать*

Когда она сердится, то часто замирает и поспешно говорит: “Я — малышка, я — малышка”; засыпает с большим трудом, говорит, что это “из-за бабаки”.

Довольно часто в последнее время она говорит так: бабака “несет черноту от меня к тебе, а потом я боюсь тебя”. “Я боюсь черной Пигги”, и “я — плохая”. (У нас не принято говорить ей, что она — плохая девочка или что-либо подобное). Она боится

черной мамы и черной Пигги; говорит: “Потому что они делают меня черной”.

Вчера Габриела сказала мне, что черная мама поцарапала мое (мамино) лицо, вырвала мои ням-нямки, всю меня перемазала и убила с помощью “б-р-р”. Я сказала, что она, должно быть, жаждет снова иметь милую и чистую маму. Пигля ответила, что у нее была такая мама, когда она была еще совсем маленьким ребеночком.

*Ссылка на до-
амбивалентную
субъективную
мать*

Кажется, она была очень довольна, узнав, что Вы ее примете. Когда у нее возникают сложности, она говорит, что надо спросить доктора Винникотта. Как и раньше, играет: “Ты — Пигля, я — мама. Я повезу тебя к доктору Винникотту, скажи нет!” — “Зачем?” — “Рассказать ему о бабесвечке” (вместо бабаки, с хитрой улыбкой в уголках губ, как бы маскируя бабаку).

Между прочим, если ее трудно будет понять: она не говорит “р”. Скажет “Йоман” вместо “Роман”).

Для нас большое облегчение, что Вы ее примете. Я думаю, тот факт, что мы знаем, что Вы ею займетесь, сделал наше поведение более естественным, а не просто неестественно терпимым к ней, и это, кажется, идет на пользу.

*Уменьшение
тревоги
родителей*

Она говорит о поездке к Вам, чтобы рассказать вам о бабаке. Сейчас бабака, кажется, переносит черноту от одного человека к другому”.

Выдержка из письма отца

“Несколько недель назад к нам на чай зашел один мой друг, очень по-отечески добрый священник, и Пигля очень стеснялась. Вчера, вспоминая о нем, она сказала: “Я очень стеснялась”, а я ответил, что он “очень похожий на папу человек” (так она описывала его раньше) и это может вызывать у людей чувство стеснения. Она помолчала и после большого перерыва сказала: “Доктор Винникотт”, а затем снова замолчала. Вот так”*.

---

*Еще одно подтверждение того, что ключом к первому сеансу было: “Стесняюсь”.

ВТОРАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

11 марта 1964 года

Пигля (ей два года и пять месяцев) появилась в дверях со своим отцом (мать осталась дома с Сусанной) и сразу освоилась. Она хотела пройти прямо в кабинет, но пришлось повременить, и они с отцом пошли в приемную. Там поговорили. Отец, вероятно, почитал ей что-то из книжки. Когда я был готов, она бойко вошла одна и сразу направилась к игрушкам, которые были за дверью в глубине комнаты. Она взяла в руки маленький паровозик и назвала его. Затем вытащила одну новую вещь — голубую глазную ванночку во флаконе “Оптрекс”.

“Что это?” Затем ее заинтересовал поезд: “Я приехала на поезде. А это что?” И повторила: “Я приехала на поезде”. Родители девочки хорошо понимали ее язык, но мне он показался несколько странным. Затем она взяла маленькую желтую электрическую лампочку, с которой мы играли прошлый раз и на которой была нарисована рожица. Она сказала: “Сделай, чтобы ее тошнило”, и мне пришлось пририсовать рот. Затем она взяла коробку с игрушками и вывалила все на пол. Выбрала круглую игрушку, продырявленную в центре, которая бог знает откуда появилась.

“Что это? У меня таких нет”. Потом взяла грузовичок и спросила: “А это что? Ты знаешь о бабаке?” Я дважды просил ее рассказать мне, что это такое, но она не смогла ответить. “Это машина Пигли? Это машина малышки?” Затем я рискнул проинтерпретировать это: “Это мамина утроба, откуда рождается ребенок”. Она явно с облегчением ответила: “Да, черная утроба”.

*Ключ
к данному
сеансу*

Как бы в продолжение своих слов, она взяла коробку и намеренно переполнила ее игрушками. Я попытался выяснить, что это означало, путем различных интерпретаций. (Она каждый раз давала понять, считала ли хорошим или плохим то, что я сказал). Кажется, наиболее благосклонно принятая интерпретация состояла в том, что это животик Винникотта, а не черная утроба. Я сказал что-то в том смысле, что понимаю, что туда попало, и вспомнил, как в прошлый раз говорил о появлении ребенка путем наполнения корзинки, из-за прожорливости. Из-за того, что корзина переполнена, оттуда постоянно что-то выпадало. Это был заведомо спланированный эффект. Я интерпретировал так, что это и означало тошнить, и она тут же продемонстрировала, заставив меня нарисовать большой рот на электрической лампочке. Теперь я начинал понимать, что происходит.

*Оральное
зачатие*

Я: Винникотт — ребенок Пигли; он очень жадный, потому что так любит Пиглю и ее мать; он съел так много, что его тошнит.

Пигля: Малыш Пигли съел слишком много. [Затем она сказала что-то о поездке в Лондон на новом поезде].

Я: То новое, что тебе нужно, это Винникотт-ребенок, Пигля-мама, Винникотт, любящий Пиглю [маму], съевший Пиглю так, что его тошнит.

Пигля: Да, правда.

Можно было сказать, что работа, составлявшая цель данного сеанса, была выполнена.

После этого мы долго общались с помощью мимики. Она вращала языком; я подражал, и таким образом мы изображали голод и наслаждение едой с причмокиванием, и вообще оральное сладострастие. Нас это устраивало.

*Бессловесное
общение и*

Я сказал, что внутри может быть темно. В ее животике темно?

интерпретация

Я: Страшно, когда темно?

Пигля: Да.

Я: Тебе снится, что внутри темно?

Пигля: Пигле страшно.

Затем какое-то время Пигля сидела на полу и была очень серьезной. Наконец, я сказал: “Тебе нравится с Винникоттом”. Она ответила: “Да”.

*Закрепление
переноса*

Мы долго смотрели друг на друга. Затем она вернулась и положила еще игрушек в маленькую коробку, для того чтобы еще раз отыграть тошноту. Она протянула мне электрическую лампочку.

Пигля: Подрисуй еще глаза и брови.

Они и так были довольно четкими, но я сделал их еще ярче. Затем она взяла другую коробку и открыла ее. Внутри были игрушечные зверюшки. Она тут же подошла и взяла двух мягких зверюшек покрупнее — пушистого барашка и пушистого олененка. Она усадила их есть из коробки и добавила еще игрушек к маленьким зверькам в коробке: “Они едят свою еду”. Она прикрыла крышечкой коробку с едой. Так возникло нечто вроде переходного явления (transitional phenomenon) в том смысле, что между ней и мной были большие плюшевые зверьки, поедавшие свою еду, причем еда эта, в основном, из зверьков и состояла. Поэтому я интерпретировал это так, будто она сказала мне, что это — сон. Я сказал: “Вот я — малышка-Винникотт, который появился из утробы Пигли, родился от Пигли, очень жадный, очень голодный, очень любит Пиглю, ест пиглины ноги и руки”.

*В переносе
Винникотт —
жадный,
с людоедскими
повадками
ребенок*

В числе всех других частичных объектов (part-objects) я попытался использовать слово “грудь”. (Мне надо было бы сказать “ням-нямки”). Пигля стояла с серьезным видом, держа одну руку в кармашке. Затем она перебралась в другой конец комнаты, который у нее ассоциировался со взрослыми. Она долго смотрела на цветы на подоконнике — крокусы. Потом почти подошла к стулу, который у нее ассоциировался с матерью, но перешла к

синуему стулу, который у нее ассоциировался с отцом. Там она посидела и сказала, что она — как папа. Я опять заговорил о Винникотте, как ребенку Пигли.

Я: Ты — мама или папа?

Пигля: Я и папа и мама.

Мы наблюдали, как зверьки ели. Потом она стала играть с дверью. Попыталась закрыть ее, но дверь так просто не закрывалась (зашелка не работала). Затем она ее открыла и пошла к отцу в приемную. Кажется, я слышал, как она сказала: “Я — мама”. Они с отцом долго разговаривали, а я сидел и ждал, ничего не делая. В какой-то момент девочка вошла вместе с отцом, неся в руках свою вязаную шляпку. Судя по ее поведению, она думала, что, может быть, пора уходить. Было ясно, что ею овладела тревожность. Потом она отправилась вместе с отцом в приемную. Затем вошла, держа в руках пальто, и сказала: “Скоро поедем”.

Опять ушла в приемную. Я перечитал свои заметки. Через пять минут Пигля отважилась войти в комнату: я по-прежнему сидел среди игрушек, возле переполненной коробки, и “все это время меня тошнило на пол”. Она была очень серьезной и сказала: “Можно мне взять одну игрушку?” Я понял, что достаточно ясно представляю, что мне делать.

Я: Винникотт — очень жадный малыш; все игрушки хочет.

Она продолжала просить только одну игрушку, а я повторял то, что от меня требовалось говорить в этой игре. В конце концов, она отнесла одну игрушку отцу в приемную. Кажется, я слышал, как она сказала: “Малыш хочет все игрушки”. Через некоторое время она принесла эту игрушку

*Потребность
в отце для
общения
со мной*

*Сомнение
в способности
отца выносить
ее идеи*

*“Пигля”
не жадная,
Винникотт —
бесконечно
жадный*

обратно и, казалось, была очень довольна тем, что я жадный.

Пигля: Теперь у малыша-Винникотта все игрушки. Пойду к папе.

Я: Ты боишься жадного малыша-Винникотта, ребенка, который родился у Пигли, любит Пиглю и хочет ее съесть.

Пигля играет роль матери

Она пошла к отцу и попыталась закрыть за собой дверь. Я слышал, как отец в приемной изо всех сил старался ее развлечь, потому что он, конечно, не знал, какова его роль в этой игре.

Я сказал отцу, чтобы он теперь вошел в комнату, и вместе с ним вошла Пигля. Он сел на синий стул. Она знала, что нужно делать. Она влезла к нему на колени и сказала: “Стесняюсь”.

Через некоторое время она показала отцу малыша — Винникотта, это чудовище, которого она родила, и именно этого она и стеснялась: “А это еда, которую звери едят”. Вертясь, как юла, на коленях у отца, она рассказала ему все подробности. Потом она начала новую и очень многозначительную часть игры. “Я тоже малышка”, — объявила она, соскользнув с колен отца на пол головой вперед между его ногами.

Родилась из папиного тела, как будто оно было маминим

Я: Я хочу быть единственным ребенком. Я хочу все игрушки.

Пигля: У тебя и так все игрушки.

Я: Да, но я хочу быть единственным ребенком; я не хочу, чтобы были еще какие-нибудь малышки. *(Она опять забралась на колени к отцу и родилась снова.)*

Пигля: Я тоже малышка.

Я: Я хочу быть *единственной* малышкой. *(Изменив голос)* Мне сердиться?

Пигля: Да.

Я поднял большой шум, раскидал игрушки, ударил себя по коленям и сказал: “Я хочу быть

единственным ребенком”. Это ей очень понравилось, хотя она выглядела немного испуганной и сказала отцу, что еду из кормушки едят папа и мама — барашки, затем она продолжала игру: “Я тоже хочу быть малышкой”.

Все это время она сосала большой палец. Каждый раз, когда она была малышкой, она рождалась между ног у отца, падая на пол. Она называла это “рождением”. Наконец, сказала: “Брось малышку в мусорное ведро”. Я ответил: “В мусорном ведре черным-черно”. Я попытался определить, кто был кем. Я установил, что Габриелой был я, а она была всеми новыми малышками, появлявшимися одна за другой, или одной новой малышкой, появлявшейся снова и снова. В какой-то момент она сказала: “У меня ребенок, которого зовут Галли-Галли-Галли” (ср. Габриела). (Действительно, так звали одну из ее кукол). Она продолжала рождаться, падая с колен отца на пол, она была новым ребенком, а я должен был сердиться, будучи малышкой-Винникоттом, который появился из нее, был рожден Пиглей — очень сердиться, потому что хотел быть единственным ребенком.

“Не быть тебе единственным ребенком”, — сказала Пигля. Потом родился еще один ребенок, потом еще один, и тогда она сказала: “Я — лев” — и зарычала по-львиному. Мне пришлось испугаться, потому что лев мог меня съесть. Казалось, что лев появился как бы в отместку за мою жадность, поскольку малыш-Винникотт хотел все забрать себе и быть единственным ребенком.

Габриела отвечала утвердительно или отрицательно, в зависимости от того, был ли я прав или нет, говоря, например: “Да, так”. И тогда появлялся львенок.

Пигля: Да это он (*раздается львиный рык*). Я только что родилась. И там внутри не было черным-черно.

*Взаимообмен
ролями ребенка
и Габриелы*

*Первое
избавление от
фобии черного*

В этот момент я почувствовал, что вознагражден за ту интерпретацию, которую сделал в предыдущий раз, когда сказал, что если внутри черным-черно, то это из-за ненависти к новому ребенку, который был в мамином животике. Теперь она придумала способ, как быть младенцем, при этом я должен был представлять ее саму*.

Затем произошло новое событие. Теперь она изобрела другой способ рождения — из папиной головы**. Это было забавно. Я пожалел отца и спросил, выдержит ли он это. Он ответил: “Да ладно, но я бы хотел снять пальто”. Ему было очень жарко. Однако на этом этапе мы могли закончить, потому что Пигля получила то, за чем пришла.

“Где одежда?” Она надела свою шляпку и пальто и пошла домой легко и в весьма удовлетворенном состоянии.

Комментарии

В этом сеансе присутствовали следующие темы:

1. Деторождение как тошнота.
2. Беременность как результат оральной жадности, компульсивного поедания (отщепленная функция).
3. Черная утроба. Ненависть к утробе и ее содержимому.
4. Разрешение в переносе, когда Винникотт становится пропавшей Габриелой так, что она может стать новым ребенком, как бы удвоившись.

Преходящее отождествление с обоими родителями.

5. Утверждение своих прав через цепочку Винникотт = Габриела = жадный = малыш.

6. Утроба становится *не черной*.

7. Зачатие как бы в уме. Ум при этом локализован в голове, как мозг.

---

*Комментарий матери: “Поразительно, что перенос используется как раз на рубеже между участием и интерпретацией”.

**Рождение, как идеи в уме, причем нужной идеи. — Д.В.В.

Письмо от матери

“Когда Пигля вернулась из Лондона, она не упоминала о своем визите, но весь оставшийся день играла очень живо. В целом мы почувствовали, что после последнего визита к Вам она стала гораздо более раскованной; она иногда снова играет сама по себе и говорит, как я понимаю, своим собственным голосом.

*Восстановление
собственной
идентичности с
возобновлением
игры*

Ложась спать в тот день, когда она была у Вас на приеме, Габриела сказала: “Доктор малыш был очень сердит. Доктор малыш брыкался. Я не выбросила его в мусорник (т.е. мусорное ведро); крышку не закрыла”.

Посреди ночи Габриела плакала: у нее болела ‘пися’, говорила она, и ей нужно ехать к доктору. Я сказала, что она немного покраснела то ли от подгузника, то ли от того, что Габриела сама натерла. Она сказала, что терла ее, и она стучит “д-д-д”, как поезд, и это пугает ее ночью. Это делает ее черной. Потом Габриела говорила о черной маме. Я забыла, с чего это началось, но дальше черная мама сказала: “Где мои ням-нямки?” — “Ням-нямки в туалете, и там идет вода”. — “Черная мама дает мне играть с ее игрушками. Она испекла мне пирог с изюмом”. (Я действительно начиняла изюмом пирог, который ей очень нравился). У нее был очень смущенный вид, когда она сказала: “Я сержусь на папу”. — “Почему?” — “Потому что я его слишком люблю”.

*Эротическое
возбуждение
и лежащие
в его основе
эдиповы
фантазии*

[Я озадачен этой повторяющейся “добротой” “черной мамы”. Кажется, это не связано с тем, чтобы рассматривать хорошую и плохую маму как одно и то же. Не является ли это чем-то вроде смеси ее собственных хороших и плохих сторон? Вновь возникает тема умиротворения плохой мамы.]

На следующее утро она долго и возбужденно говорила в постели, но я не слышала, что она сказала.

Утром на другой день она сказала мне: “Я была в Лондоне у доктора Винникотта. Там был большой

шум. Доктор В. был очень занят. Он был малыш-кой. Я тоже была малышкой. О черной маме не говорили. Он был малышкой, очень сердитым. Черная мама очень важна для доктора Винникотта”. Затем она всунула в кран булавку. “С булавкой будет лучше”. Что-то насчет того, что вода опять может пойти. Обращаясь ко мне: “Разве ты не приходи- ла и не говорила, что так не лучше?” Я: “Должно быть, это тебе приснилось”. — “Да, ты приходила и говорила, что от этого не лучше; в этом грязь”. Потом что-то о черной маме, но я не слышала, что именно.

В последнее время мне часто говорят, что при- ходит черная мама и делает меня (мать) черной. Когда я ложусь спать, мне нужно “звонить” черной маме и черной малышке Сузи. Разговор сводится к “Привету”.

Это напоминает мне о том, что за пару дней до того, как она была у Вас (жаловалась на кошмары о черной маме), я спросила ее: “Ты хорошо спала? Черная мама приходила?” — “Черная мама не при- ходит. Черная мама у меня внутри”.

*Свидетельство
клиторальной
мастурбации*

*Возможно,
имеет отноше-
ние к психиче-
ской деятель-
ности*

Другое письмо от матери

“Мы уезжаем в середине апреля недели на три.

Пиглю очень преследует “черная мама”. У нее кошмары, и она допоздна не может заснуть.

“Я не сказала доктору Винникотту о черной маме, потому что он очень занят. Доктор Винни-котт очень занят, он был малышкой. Мне было бы страшно говорить доктору В. о черной маме. Он был очень сердитый, он был малышкой. И я тоже была малышкой. Я стесняюсь говорить доктору В. о черной маме”.

Ее главная жалоба насчет черной мамы состоит в том, что она делает Пиглю черной, а потом Пигля делает всех, даже папу, черными.

Прошлой ночью она проснулась, испугавшись черной мамы, и попросила отца дать черной маме изюма (изюм Пигля очень любит).

Она проснулась также, напугавшись черной Детки-Сузи, которая делает ее черной. (За день до этого она сбила Сусанну с ног, чем вызвала всеобщее осуждение). Черная Детка-Сузи приходит довольно часто, и ей нужно звонить, чтобы она легла спать. (Детка-Сузи — это Сусанна).

Теперь Пигля гораздо реже выступает в качестве мамы или малышки. Она стала намного капризней, когда надо ложиться спать и т.д., но обычно довольно сильно от этого страдает. Есть еще одна вещь: на всех письмах, которые она пишет, и на рисунках, которые она делает, написано “Малышка баблан”; и это надо писать на конвертах. Понятия не имею, что это значит. Думаю, я Вам рассказывала, что ребенка Пигли зовут “Габи-Габи”, что, как я думаю, означает “Габриела”, имя, которое произносить она не может. [Мне кажется, что Малышка Гобла (Baby Gobla) (не “баблан”) — это еще один вариант Габриелы, подобно “Гали-Гали” или “Галли-Галли” — не знаю, чем эти два варианта отличаются”].

Рост тенденции быть собой

Еще одно письмо от матери

“Пигля попросилась к Вам на прием, кажется, довольно срочно. Когда я сказала, что, может быть, перед отъездом во Францию на это не хватит времени, она очень разъяренно сказала, что хватит.”

Сегодня утром она встала в бешеном настроении, хватала и рвала на части все, что попадалось ей на глаза. Потом залезла в свою коляску, сказав, что хочет ехать к доктору Винникотту. Затем забралась ко мне в халат и рассказала мне что-то вроде того, что ей приснилось, что ее ела черная мама. Потом вылезла и спросила меня, как она родилась.

Я рассказала ей, как и много раз до этого, как она появилась на свет, как ее завернули в полотенце и подали мне. “А ты меня уронила”. — “Нет, не ронила”. — “Да, уронила. Полотенце было грязное”.

В последнее время она немного хандрит. Я думаю, то, что она так много находится с нами, может быть, вызывает у нее большое напряжение; детей вокруг мало. Я ищу ясли, чтобы отдавать ее туда на одно-два утра в неделю. Но большинство из них берут детей только на каждый день, а это, думаю, было бы слишком много для нее”.

Письмо от отца

“Мы хотели бы передать Вам кое-какие записи, касающиеся Пигли. Последние несколько дней она находится в состоянии большого волнения и тревоги и говорит такие вещи, как, например: “Я очень беспокоюсь. Хочу к доктору Винникотту”. Когда ее спрашиваешь, в чем дело, она все время твердит, что все это из-за “бабаки”, “черной мамы” или “ням-ням черной мамы”. Кроме того, она пугается черной Детки-Сузи (то есть Сусанны): “Я сделала ее черной”. То же самое говорит о черной маме. Она все еще часто повторяет, когда ложится спать: “Черная мама говорит: “Где мои ням-нямки?”. А однажды утром она после этого попросила попить из маминой груди.

Почти каждое утро она хочет забраться маме в халат или просит, чтобы ее завернули в коврик. Кажется, она очень страдает от того, что когда-то называлось “чувством греха”. И очень переживает, когда что-нибудь ломает или испачкает; иногда ходит по комнате, бормоча тихим, искусственным голосом: “Ничего, ничего”. То же самое происходит, когда она ударит Сусанну, к которой относится исключительно чутко, несмотря на отдельные срывы. Габриела не хотела носить одежду, которую мы ей покупали, потому что в ней “очень много

*Депрессивная
тревога*

белого: я хочу черную кофточку”. Сказала, что может носить черную одежду, так как она сама черная и дурная.

Вчера мы сделали несколько записей о ней, хотя это был не типичный день. Она была хуже, чем обычно, и пробыла с нами весь день. Чаще всего утром с нами бывает наша прислуга, пожилая женщина, которую Пигля зовет “Заинькой”. Она очень привязана к “Заиньке”.

Утром Габриела дала нам своего любимого плюшевого мишку, проделав в его лапе дырку и вытащив из нее всю набивку. Она была очень удручена этим. Весь день отчаянно просила у нас вещи, в которых мы ей обычно не отказываем, как будто ей приходится вести долгую борьбу, чтобы получить их у нас. Сказала матери, что хочет выйти замуж. Когда та ответила, что неплохо бы подождать, она настойчиво заявила: “Нет, нет! Я уже большая девушка”, как бы говоря тем самым, что для игрушек она слишком взрослая.

Ложиться спать стало целым событием, теперь это довольно часто случается. Пигля говорит, что боится черной мамы, которая за ней гонится. В десять часов вечера она побросала на пол все постельное белье. Вылезла из кровати и заявила, что ей нужен стул из соседней комнаты. Я сказал, что это ее стул и что нужно только положить на него подушку: “Черную подушку, тогда я смогу на ней сидеть”. — “Это потому, что ты — черная?” — “Да. Из-за того, что я разломала черную маму на куски, я мучаюсь”. — “Не надо”. — “Я хочу мучиться. У меня попа болит: можно мне пирожка с белым кремом?” То и дело приходится повторять молитву, последнее нововведение, в основном о защите”.

Дополнительная запись: “Я убираю игрушки доктора Винникотта, а то поломаю их”. Пигля сказала это, когда была у Вас прошлый раз, уже сидя в такси. Забыл тогда Вам сказать”.

*Черное
связывается
с чувством
вины*

Такая игра происходит и на одном из дальнейших сеансов лечения

Бегство от незрелости к идее взрослости

Чувство вины из-за компульсивной деструктивности

Магическое средство отвратить пугающие идеи

ТРЕТЬЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

10 апреля 1964 года

Пигля (сейчас ей два года и шесть месяцев), выглядела менее напряженной, чем раньше, и в таком состоянии оставалась постоянно. Казалось, что она удалилась еще на один этап от тех актуальных тревог, о которых говорила. По сути, я теперь понял, как глубоко она была погружена в них раньше, как ребенок-психотик. Я пошел в приемную и нашел ее там с “ребенком” — маленькой куклой, завернутой в пеленку, заколотую булавкой. Она стеснялась войти со мной вместе в кабинет, так что я зашел один. Потом я вышел за ней, и она показала мне мешочек, в который положила немного песка и камень. Это она подобрала на улице. Девочка не хотела заходить, поэтому я сказал: “Папа тоже зайдет” (именно этого она и хотела). С собой она взяла мешочек с песком и камнем, а ребенка оставила. Отец уселся на свое обычное место во “взрослой” части комнаты, и половину всего времени мы с ним были отделены друг от друга занавесом. Она сразу направилась к игрушкам и проделала в точности то же самое, что и в прошлый раз.

Символ отчаяния, вызванного ощущением того, что она забеременеет, как взрослая

Пигля: Для чего это?

Я: Это — то, о чем ты меня в прошлый раз спрашивала и я сказал об этом: “Откуда появился этот ребенок?”

Я спросил о песке и камне: “А это откуда?”

Пигля: С моря.

Она взяла другие предметы и ведро и, очевидно, все помнила. Заговорила обо всем подробно.

Пигля: Это что? Поезд. Паровоз, железнодорожные выгоны. Грузовики.

Одного она назвала “львенком”. Потом взяла маленького мальчика.

Пигля: У тебя есть еще маленький мальчик?

Она нашла маленького человечка и его жену.

Пигля: Мне нравится этот (мальчик).

Мне пришлось помочь ему сесть. Затем взяла другой паровоз.

Пигля: Я приехала на поезде в Лондон к Винни-котту. Я хочу знать, почему черная мама и бабака.

Я: Постараемся разузнать об этом.

На этом я остановился. Она продолжала выбирать игрушки, нашла краснокожего индейца (сделанного из синей пластмассы).

Пигля: У меня нет одного из этих вагончиков.

Она вынимала все игрушки, укладывая их рядами.

Пигля: Интересно, что это такое. У тебя есть лодки? Не могу найти ничего такого, на что бы вот этому сесть [о пластмассовой сидящей фигурке]. Винникотту не быть малышкой; быть ему Винникоттом. Да, это меня и напугало. Не будь больше малышкой.

Она явно подумывала о том, чтобы повторить ту игру, в которую играли в прошлый раз.

Пигля: Можно я высыплю все из ведерка?

Я: Да. Так вот малышку тошнило, когда Винникотт был малышкой.

Потом она заговорила о грузовике, в который можно было бы сложить игрушки. Потом о другом поезде. Она взяла два похожих вагончика, сравнила их и поставила рядом.

Я: Не то, что Пигля и малышка, потому что Пигля больше малышки.

Она разложила много игрушек рядышком и продолжала:

Пигля: Что это? Паровоз. Я приехала на такси. Ты ездил на такси? Два такси. К Винникотту. Работать с Винникоттом.

Утверждение, что мы работаем. На этом этапе игра служит средством коммуникации, а не развлечения

Затем она попыталась заставить меня надуть шарик, который, я думаю, она оставила у меня, когда приезжала первый раз. У меня это не очень получалось. Она потеряла шарик в руках, показала мне свою застежку-молнию и сказала: “Вверх и опять вниз”. Она опять попросила меня надуть шарик. Сказала, что у нее есть ручка, что, возможно, звучало как намек (хотя и единственный) на то, что я писал карандашом, ведя свои записи. Потом она нашла в одной коробке двух маленьких зверюшек и захотела найти собачку; принялась искать. Игрушки нигде не было видно, но она с прошлого раза помнила о двух больших мягких зверюшках. Она усадила их рядышком, а потом столкнула на пол (она называла их обеих собачками, хотя вторая игрушка была олененком).

Пигля: Одна собачка была сердитая.

Обе собачки собирались встречать поезд, и она безжалостно плюхнула их на пол.

Тревога из-за безжалостности или коммульсивное поведение

Пигля: У тебя еще есть собачка?

Я: Нет.

Пигля пошла показать папе три вагончика от поезда. Она стала рассказывать ему что-то о разных цветах, а потом бросила игрушки и заявила: “Это поезд бросает”. Она показывала, что это было преднамеренное действие, обозначающее испражнение. Затем Пигля подошла ко мне и попыталась затиснуть маленького человечка и женщину в вагончик.

Пигля: Слишком большие, не влезают. Когда-нибудь надо найти маленького человечка.

Я: Малышку-мальчишку вместо папы?

Она пошла к отцу и принялась донимать его, а он одернул занавес, который его скрывал, и таким образом он стал более причастен к игровой ситуации. Отец (зная, что ему придется пережить напряженный момент) снял пальто. Пигля забралась прямо ему на голову, а он ее поддерживал (так возобновилась игра прошлого раза).

Пигля: Я буду малышкой. Я хочу быть бр-ы-ы-ых.

Это, как я узнал, означало фекалии. (Отец сказал, что Сусанна играла в такую игру, когда он держал ее над своей головой, Пиглю это очень заинтриговало, и она часто развлекалась, подражая маленькой. Она как бы опровергала тот факт, что для такой игры она все-таки была тяжеловата).

Пигля: Я — Пигля.

Постепенно она стала рождаться, сползая на пол между папиных ног.

Пигля (мне): Ты не можешь быть малышкой, потому что меня это очень пугает. *От первичного к вторичному процессу*

Каким-то образом ей удавалось владеть ситуацией так, что она была *не вовлечена, а играла в нее*. В

прошлый раз она была вовлечена. В конце концов я сказал: “Мне быть сердитой Пиглей?” Она ответила: “Ну сердись сразу”. Я рассердился и опрокинул игрушки. Она подошла и все их подобрала.

Пигля: Ты на что злишься?

Я: Я хотел быть единственным малышкой, поэтому меня тошнило. У мамы малышка-бры-ы-ы-х.

Пигля: У мамы нет бры-ы-ы-х, у нее только пися.

Она заговорила о пиглином ребенке: “Я зову мою детку Гэдди-гэдди-гэдди” (Gaddy-gaddy-gaddy). [Ср. Габриела (Gabrielle), Детка-детка (Baby-baby), Галли-галли-галли (Galli-galli-galli)].

Отец сказал, что, вероятно, это связано с Габриелой. Она говорила о малышке-кукле в приемной. Нам она помогла, сказав: “Девчущка-девчущка-девчущка” (Girlie-girlie-girlie), тем самым придавая дополнительное значение этому слову, и начала волноваться о том, что пора ехать домой (тревога).

Предпочтение идеи генитальной беременности перед пре-генитальной

Я: Тебя это пугает, потому что я был сердитым малышкой.

Пигля: Очень сердись! [И я сердился, и говорил о малышке-бры-ы-ы-х].

Пигля: Нет, Детка-Сузи!

Я: Я [Я=Пигля=малышка] хотел, чтобы папа дал мне малышку.

Пигля (обращаясь к отцу): Ты дашь Винникотту малышку?

Я говорил о том, что Пигля сердится, закрывает глаза, не видит маму, которая стала черной, потому что она злилась на нее из-за того, что папа дал маме малышку.

Пигля: Ночью в кроватке мне очень страшно.

Я: Сон снится?

Пигля: Да, мне снится сон, что за мной гонятся черная мама и бабака.

В этот момент она подняла колесо с заостренной осью (оно отскочило от одного из поездов) и сунула заостренную ось себе в рот.

Пигля: Что это? [Можно сказать, что она взяла единственную опасную вещь из всех игрушек и направила ее себе в рот].

Я: Если бы черная мама и бабака поймали тебя, они бы тебя съели?

Она все время прибиралась и расстроилась из-за того, что не могла закрыть крышкой одну из коробок, потому что в ней лежало слишком много.

Я: Когда тебе снился сон, что делали папа и мама?

Пигля: Они были внизу с Ренатой, ели брокколи [Рената была новой *заморской* служанкой]. Рената любит брокколи и ужин.

Все это время Пигля продолжала старательно прибираться.

Я: Так мы поняли насчет черной мамы и бабаки?

Пигля: Нет, мне надо пойти к малышке [кукле]; подождешь немножко?

Она играла с дверью.

Пигля: Будь Винникоттом. Папа о тебе позаботится. Да, пап? Если я закрою дверь, Винникотт испугается.

Я: Я бы испугался черной мамы и бабаки.

Пигля закрыла дверь так плотно, как только могла, и пошла за малышкой. Когда она вернулась, я сказал, что меня напугала черная мама и бабака, но папа обо мне заботился. Вернувшись, она долго играла с этой малышкой (куклой), а слова “открыть” и “закрыть” теперь относились к пе-

ленке куклы и огромной булавке. В этом деле отец ей помогал. Она долго накрывала куклу пеленкой.

Пигля: Тебе нужен малышка-Винникотт? Можешь взять потом моего.

Папа продолжал наблюдать за процессом пеленания и помогать.

Пигля: Не закрывай ее [булавку].

Потом она посеCRETничала с отцом, давать или не давать малышке кекс и пирог. Сказала: “Она очень бры-ы-ы-хлая малышка” (что означало, что она вся перепачкалась и ее пришлось переодевать). Затем Пигля подошла ко мне и показала почерневший большой палец на руке, который она, видимо, чем-то прищемила. Потом вынула из своего кармашка два игрушечных зонтика и воткнула один мне в волосы. Подняла малышку и воткнула оба зонтика в ее волосы. Попыталась усадить малышку на стульчик, но, как бы позавидовав ей, передумала и уселась сама. Затем захотела показать малышке, какой смешной она выглядела в зеркале.

Я: Малышка — это Винникотт.

Пигля: Нет, Гэдди-гэдди-гэдди.

Теперь она была готова ехать домой, все было прибрано. Она принесла отцу его пальто и собрала мешочек с песком и камнем.

Я: Хорошо, но мы разобрались насчет черной мамы и бабаки?

Она оглядела все игрушки, которые были аккуратно убраны, и сказала: “Бабака вся в порядке”. И мне показалось, она говорила о том, что бабака имеет отношение к бр-ы-ы-ы-х и писе, принад-

лежащей черной маме, которая черна потому, что ее ненавидят, так как папа дал ей малышку.

Я продолжал сидеть на полу, а она, вполне довольная, вышла с отцом через парадную дверь.

Забывчивость как средство защиты от сублимированной тревоги

Комментарии

В этом сеансе главными были следующие темы:

1. Возврат к теме предыдущей игры, но с *задержкой* из-за тревоги.

2. Новая способность *играть в* пугающую фантазию (и тем самым справляться с ней), вместо того чтобы *быть в ее власти*: (а) освобождение и расширение диапазона действий, (б) утрата непосредственного переживания.

3. Испытывание тревоги из-за всунутой в рот опасной заостренной оси, намекающей на фантазию насчет жадного стремления матери к оральному оупущению пениса отца.

4. Теперь ее ребенок (кукла) дал ей, как девочке, некоторое основание для материнской идентификации = Я.

5. Частичное разрешение на той основе, что черное имеет отношение к ненависти вокруг того, что папа дал маме малышку, хотя несколько излишне интеллектуализированное.

6. Темные силы были убраны прочь, т.е. забыты.

7. Важность *непонимания* мною тех обстоятельств, ключи для разгадки которых она пока еще не смогла мне дать. Только сама Пигля знала ответы, и когда она сможет постичь значение опасений, она даст и мне возможность тоже понять это.

Письмо от матери

“Я хотела бы послать Вам несколько записей о Пигле, хотя мой муж, наверное, кое-что Вам уже рассказал по телефону.

После приема у Вас она вернулась домой в дурном настроении и в течение нескольких дней закатывала массу сцен, особенно когда надо было ложиться спать. Сейчас она, кажется, опять успокоилась.

Несколько дней она хотела быть ребенком Сусанны — это создавало очень тягостную ситуацию, ведь Сусанна не реагирует; а когда Габриелу спрашивали, почему она этого хочет, она отвечала: “Я стараюсь *полюбить* детку-Сузи”.

Дня два после приема Пигля вела себя очень агрессивно по отношению к другим детям. У нее есть перчаточная кукла, и она мне сказала про нее: “Сделай, чтобы он стеснялся, тогда я смогу его ударить”.

Вечером того дня, когда она вернулась после приема у Вас, Пигля сказала мне: “Я боюсь черной мамы. Мне надо опять ехать к доктору Винникотту, к новому доктору Винникотту”. Она всегда так официально говорит о своих визитах к Вам, за исключением того дня, когда она, как раз перед последней поездкой к Вам, довольно ласково напевала: “Винникотт, Винникотт”.

Она сейчас несколько раз говорила о том, что должна ехать к доктору В. из-за черной мамы. “Почему ты не сказала доктору В.?” — “Ну как же, я сказала ему о бабаке”. — “Это откуда дети появляются? Бабасвечка, при свете свечей”. (The babacandle, by candlelight).

Она жаловалась на то, что у нее болит пися. “Ты что, ее потерла или это из-за подгузника?” — “Потерла. Она черная. Дай мне *белого* крема, чтобы она поправилась. Тогда я смогу ее потереть еще”.

Мы наблюдали, как с гор спускались сумерки. “Когда стемнеет, я буду бояться. Доктор В. не знает, что я боюсь темноты”. — “А почему ты ему об этом не сказала?” — “Я убрала всю темноту”.

Несколько дней после того приема я-таки была очень черной мамой. Пигля не верила ничему из того, что я говорила. Она разбила несколько пред-

метов, в том числе сахарницу, из которой постоянно брала себе “большие сахарины”, хотя это и запрещается. Кажется, она себя ужасно чувствует, когда что-нибудь поломает, если это нельзя сразу же починить, даже если это что-то совсем незначительное. Поскольку с нами сейчас живет моя мама, она, в основном, и оказывается черной мамой. И мы с Пиглей хорошо ладим. Тут уж Пиглей становлюсь я, а она — мамой. Она сейчас не очень внимательная и аккуратная. Вчера были такие два разговора: “Пигля, ты меня любишь?” — Я: “Да”. Она: “Ты помнишь, когда я разбила тарелку?” — Она: “Ты меня любишь?” — Я: “Да, а ты?” — “Нет, я тебя не люблю. Ты черная и меня потом сделаешь черной”.

Письмо от матери, написанное во время отдыха за границей

“Мы снова хотим Вам написать, потому что очень беспокоимся за Пиглю. И мы хотели бы, чтобы Вы сказали, не требуется ли ей полный психоанализ, хотя, если это так, мы не очень хорошо представляем, как это сделать.

Больше всего нас тревожит сужение ее мировосприятия; кажется, что она совершенно замкнулась в своем собственном мирке, как бы огражденном от всей остальной жизни. Единственные мысли, которые занимают Пиглю, кроме постоянного требования каких-либо вещей и своей внешности, вращаются вокруг ее воспоминаний (основанных на том, что она от кого-то слышала, или на рассказах из жизни семьи) о том времени, когда она была младенцем и еще не умела говорить.

Она все больше и больше говорит искусственным слабым голосом и становится все более аффектированной и неестественной. Она теперь изо всех сил старается привлечь к себе внимание, зачастую устраивая драматические сцены.

*Ухудшение.
Жесткость
организованной
защиты*

*Болезнь теперь
носит организо-
ванный харак-
тер. Подлинное
“Я” спрятано*

Пигля по-прежнему очень пугается по ночам — хотя теперь меньше говорит об этом, когда ложится спать, — однако ночью несколько раз просыпается, иногда с плачем.

Проявление собственного затаенного зла

Говорит, будто плачет она потому, что темнота делает ее черной. (Как-то вошла ко мне в комнату проверить, не черная ли я). Ночью она, кажется, вспоминает все обиды, которые претерпела за день. (У нее теперь склонность к мгновенным агрессивным поступкам, например, может бросить камень мне в голову или ударить Сусанну по руке подносом). “У Сусанны болит рука?”; “У тебя разбита голова?”; “Дай мне иголку зашить одеяло”; “Не хочешь зашить мне голову?”; “Тебе я не могу зашить, ты очень твердая”.

Подавленное состояние

В другой раз ночью она сказала: “Ты помнишь, как доктор меня уколол?” (сделал инъекцию). “Мне нужно к доктору, я заболела, вот здесь” (показывает на свою писю).

Мастурбационные фантазии

Письмо от матери по возвращении домой

“Мне хотелось бы сообщить Вам еще кое-что о Пигле.

Я чувствую, что за счет чего-то, что я не могу определить, ей стало лучше. Прошел период, когда все ей было скучно, она ко всему была безразлична и всем недовольна, к тому же проявляла безудержную деструктивность — рвала и метала, ломала или пачкала вещи. Сейчас она производит впечатление существа, которое в большей степени живет собственной жизнью, в ней меньше манерности и неестественности.

Домашняя обстановка создала условия психиатрической лечебницы, в которых ее болезнь была доступна для лечения

Раньше я не понимала, как ее преследует чувство вины и ответственности за свою деструктивность. Пигля очень мучается, вспоминая о том, что поломала что-то несколько недель назад, на что я тогда почти не обратила внимания. Я нашлепала

ее, когда она настойчиво пыталась поднять мою юбку в магазине, а потом я об этом забыла. Две недели спустя она мне сказала: “Мама, я больше не буду поднимать твою юбку”. Или, когда я несласу Сусанну, ее маленькую сестренку, и ударила ее о дверь так, что та заплакала, Пигля сказала: “Это ты виновата”. Я: “Да, это я виновата”. Пигля, очень обеспокоенно: “Тебе теперь это приснится?” Она, как всегда, тревожится ночью из-за того, что черная мама и бабака могут сделать ее черной.

В последнее время особенно часто говорит о мертвых вещах. Прошлой ночью ей очень срочно нужно было сказать мне о черной маме. Начала говорить обычным певучим голосом: “Черная мама говорит: Где мои ням-нямки? Где мои ням-нямки?” Потом: “У черной мамы есть море и качели”. (Я возила ее на морской курорт в первый раз, и она любит качели). Я сказала, что мне кажется, будто она не хочет, чтобы у черной мамы были такие хорошие вещи. Она: “Нет, я хочу испортить их. Я хочу испортить твои вещи”. Потом она сказала, что у меня большие ням-нямки и она хочет их. Затем, казалось, она запуталась и сказала, что это я хочу ее ням-нямки, при этом выглядела очень растерянной. Я сказала, что у нее маленькие ням-нямки, а когда она подрастет, у нее будут большие. “Да, когда я смогу готовить”. (Я сказала ей, когда пришла, что мне некогда, ведь я готовила ужин папе и себе). Я: “Ты уже сама научилась немного готовить; ты же сделала сладкий крем”. Она: “Да, я могу готовить только мертвые вещи”. Потом она сказала: “Жизнь трудна” (копируя меня); “Мне от нее больно” (собственное добавление).

Время от времени она упоминает Вас, как бы ненароком, например, вдруг говорит, что хочет поехать к доктору В. и поиграть с его игрушками и сказать ему про черную маму, или строит игрушечную деревню, в которой один дом — это дом доктора В.”.

*Меланхоличная
депрессия*

Письмо от матери

“Подтверждаю, что Пигля приедет к Вам с отцом.

Вот уже два дня подряд она, ложась вечером спать, просит пососать мои “ням-нямки” (груди). Она так настойчиво об этом просила, что я ей позволила. Я: “Зачем?” — “Я хочу пососать их как леденец”. Потом она попросила меня дать ей что-нибудь пососать и пожевать, чтобы это потом попало ей в животик. Затем она снова испугалась черную маму и сказала, что хочет к доктору Винникотту. Когда я назвала ей день такой поездки, она сказала: “И на другой день, и еще на другой”. Когда я вышла, то услышала надрывный плач: “Я хочу свою детку, свою детку, свою детку-Галли-Галли” (“Галли-Галли” — это имя ее малышки-куклы, с которой она много играла, но теперь уже играет меньше, и в то же время так она произносит собственное имя “Габриела”, правильно выговорить которое она пока еще не может”).

ЧЕТВЕРТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

26 мая 1964 года

Как я узнал позднее по телефону, Габриела (теперь ей два года и восемь месяцев) всю дорогу в поезде пролежала, свернувшись клубком, на коленях у отца, посасывая большой палец его руки.

Она сразу направилась к куче игрушек, сказав при этом: “Здесь тепло. Мы приехали на поезде. Вы видели...”

Взяла кораблики и поставила их на ковер. Достала одну из больших плюшевых собачек. Принялась сцеплять паровозики с вагончиками. Потом вдруг сказала: “Я приехала поговорить о бабаке”.

В этот момент я немного помог ей в составлении поездов. Она расставляла игрушки не совсем ясным для меня образом. Сказала: “Окно (комнаты) не открыто”. Когда я его открыл, она сказала: “Вот мы и открыли здесь окно”.

Мы продолжили начатую работу.

Пигля: Хорошенький автомобильчик, да? Мне очень нравится сюда приезжать. Мы приехали на поезде. Папа ждет меня? Две комнаты, одна для папы, одна для меня. Поезд все трясся и трясся.

Она взяла деревянный заборчик и разломала его. Одну палочку засунула в легковой автомобильчик через окно. Это была явно преднамеренная операция. Я сказал что-то о папе, который пытается делать детей (используя автомобиль как маму). Она отломала две щепочки.

Пигля: Разве не теплая комната! В праздники было тепло. Мы загорели. Малышка загорела,

*Осознанная
потребность
в помощи —
конкретная
проблема*

детка-Сусанна, моя сестра, загорела. Она уже ползает вверх. Ходит на горшочек.

Стремление к объективности

Я: Она растет, да?

Она пробормотала что-то похожее на “растет”, продолжая орудовать автомобилем. Сказала: “Будь малышкой. Убери все автомобили”. Затеяла какую-то игру с автомобилями, называя их цвета.

Пигля: Два автомобиля, мистер Винникотт. Ты мистер Винникотт!!

Там было что-то, что она хотела выбросить.

Пигля: Ты слышал соловья? Жаль, что ты пере-
ехал так далеко. [Она говорила так потому, что
только сейчас начинала понимать, что я не живу
по соседству]. Ты помнишь... *Любовное
заигрывание:
отцовский
перенос*

Я: Ты давно хотела со мной повидаться.

Пигля: Тому что я хочу, чтобы ты мне надул шарик. [Это был старый сдувшийся шарик, с которым она походя играла, да и я порой помогал ей в этом]. Вот церковь с куполом [шпилем].

Она установила церквушку и с каждой стороны поставила по автомобилю. Затем она заинтересовалась предметом, о котором фактически ничего знать не могла. Это был поломанный, плоский, круглый предмет, который первоначально был заводным звучащим волчком.

Пигля: Откуда он появился? [Он был и во время нашего первого сеанса.]

Я: Не знаю.

Она улыбалась, и это каким-то образом относилось к люльке-качалке с выставленными в ней игрушками.

Пигля: Теплая комнатка, да? У Пигли пушистая кофточка с молнией. [Чтобы продемонстрировать

ее, она потянула застежку-молнию и при этом ударилась локтем о дверь. Удар был несильный, она сочла его скорее забавным.]

Пигля взяла кораблики разных цветов и про белый сказала, что он розовый. Она попыталась поставить кораблики вверх ногами, но из этого ничего не получалось (неопределенная игра). В этот момент я сказал: “Почему ты меня любишь?” И она ответила: “Потому, что ты рассказываешь мне о бабаке”. У меня был с ней разговор на эту тему, потому что я неправильно произнес это слово, и было ясно, что я его как следует не понимаю. Я хотел, чтобы она помогла мне разобраться.

Пигля: Есть черная мама.

Мы попытались разобраться, сердится ли черная мама или нет. Девочка возила автомобильчик взад и вперед. Я в это время вспомнил о том, что черная мама злилась на Габриелу, потому что Габриела злилась на маму за то, что у той появился новый ребенок. А потом оказалось, что мама черная. Все это было довольно смутно. *Она играла с игрушками сама по себе, распределяя автомобильчики мне и себе.* *Первый признак темы*
“Я — не я”

Пигля: Мне эти туфли малы; сниму я их.

Я немного помог. Разговор был о том, что ноги растут.

Пигля: Я расту, буду большая-большая (и она продолжала:) пи-пи-пи [и т.д., говоря сама с собой]. Тут красивая леди ждет автомобиль, милая леди придет за детьми. Черная мама капризная.

Она поискала паровозик и сунула его куда-то. Говорила о большом и малышкином.

Пигля: Будем собираться и все убирать? [*тревога*] Это сюда.

Проявление тревоги, вероятно, из-за эдиповых страхов

Она выбросила в мусорную корзинку водяную лилию. (Эта водяная лилия, сделанная кем-то из бумаги, перешла в этот сеанс из прошлого). Она прибрала все игрушки. Явной тревожности не было; она взяла свои туфли и пошла по коридору к папе в приемную.

Отсроченное отрицание доказательств того, что у меня бывают другие дети

Пигля: Я хочу ехать. Пожалуйста, отпусти меня.

И так далее. Я отметил значительный личностный рост с соответствующими проявлениями и впервые что-то такое, что можно назвать выдержкой. Я бы сказал, что она была довольна. Пришла попрощаться. Папа пытался уговорить ее остаться: “Нет, еще нельзя уезжать”.

Заметьте, речь идет о выдержке ребенка (Письмо родителей от 4 января 1994 года)

Пигля: Хочу ехать.

Я усадил папу на стул в другой половине комнаты, и она взобралась к нему на колени. Возобновились игра, в которой она была ребенком, рождавшимся от папы, между ног. Так повторялось много раз. Отцу это стоило большого физического напряжения, но он терпел, машинально выполняя именно то, что от него требовали. Я сказал ей: важно, что отец с ней, когда ей страшно оставаться один на один с Винникоттом, если ей хочется поиграть с ним в нечто подобное, используя мужчину в качестве мамы, из которой можно родиться. Большую роль во всем этом сыграли папины ботинки, причем возник конфликт из-за того, снимать ему их или надевать. Вскоре они были на полу, и она прильнула к отцу, а я говорю: “Я не знаю о бабаках”.

Восстановление после реакции на воздействие (Провал смелости Эго)

Ботинки как символ груди

Пигля в этот момент очень позитивно относилась к отцу, вставала на колени и сосала большой палец на его руке. (На этом этапе я еще не знал, что

она сосала его большой палец, пока ехала ко мне в поезде, свернувшись клубком на его коленях). Я сказал, что она напугалась из-за игры, в которой я стал сердитой Пиглей. Тем временем отец снял пальто и готов был снять пиджак.

Я: Винникотт — это сердитая Пигля, а Пигля — это ребенок, который рождался от папы вместо мамы. Она боялась меня, потому что знала, как я, должно быть, буду сердиться, а новый ребенок сосал большой папин палец [т.е. мамину грудь].

Отец используется как мать в переносе, освобождая меня для других функций

Пигля взглянула на меня как-то по-особенному, и я сказал: “Я стал черным?” Она долго думала, потом покачала головой и ответила: “Нет”.

Успокоение путем напоминания самой себе, что эта мать — на самом деле мужчины

Я: Я — черная мама.

Пигля: Нет [играя с папиным галстуком].

Она долго дергала и сосала большой палец отца, и я довольно определенно установил: это означало, что она хотела целиком владеть папой, а мама пусть становится черной, стало быть, сердитой. Кажется, я сказал: “Она хочет бросить Габриелу в мусорный ящик” (рискованное замечание). Это ей, очевидно, понравилось, и она продолжала играть с папиным галстуком, пытаясь его завязать. Габриела сказала о том, что считает, будто черной мамы тут не было и это каким-то образом связано с темной ночью. Она сняла другую туфлю отца и, если бы ей позволили, раздела бы его целиком. Вместе с тем, здесь присутствовала и идея о том, чтобы заставить маму почернеть. Я сказал что-то о повторном рождении, на этот раз из папы. Примерно в это же время папа зашнуровывал свои ботинки, а Габриела забиралась ему на спину.

Теперь отец является настоящим отцом

Появляется альтернативная тема, где отец выступает как отец, а психоаналитик — как ревнивая мать

Пигля: Можно мне опять на тебя залезть?

Я продолжал говорить: “Заставить маму почернеть”. Потом Габриела вполне четко сказала: “Мама хочет быть папиной маленькой девочкой”.

Установлена вторая тема. Ключ к данному сеансу

Она была полна энергии и могла бы продолжать эту своеобразную игру, но для папы было уже достаточно и он стал отказываться. Стояла очень жаркая погода. К тому же истекало время, которое ей выделил.

Я: Теперь черная мама — это Винникотт, и он собирается отправить Пиглю домой. Он собирается бросить Пиглю в мусорную корзинку, как водяную лилию.

На этом этапе я, из-за введенной темы “Я — не я”, начал сомневаться, называть ли мне ее Пиглей или Габриелой.

Сеанс окончился, она была расположена очень дружелюбно. Я оставался там, где был, будучи сердитой черной мамой, которая хотела быть папиной маленькой девочкой и ревновала к Габриеле. В то же время я был Габриелой, ревновавшей к маминому новому ребенку. Пигля побежала к двери, они ушли, она помахала мне рукой. Ее последними словами были: “Мама хочет быть папиной маленькой девочкой”. И это стало главной интерпретацией сеанса.

Из разговора по телефону в тот вечер я узнал о том, что она приехала, свернувшись клубочком и посасывая папин большой палец. После сеанса Габриела стала более взрослой девочкой. Она была раскованна и очень счастлива. Более того, по пути домой она все замечала, видела кошек и других животных, ела и никому не доставляла беспокойства. Стала открыто позитивной в своем отношении к отцу и прекратила регрессивное поведение. Вечером она играла более конструктивно, чем в последнее время. Пришел ее дядя. Сначала Габриела стеснялась, потом держалась очень мило и дружелюбно. Наконец, ложась спать, она вдруг сказала: “Я не знаю, кто такой дядя Том и кто папа”.

Облегчение в результате работы, проделанной во время сеанса

Я подумал, что в этом можно видеть ее растущую способность различать людей с точки зрения основ-

ных отцовско-материнских фигур и что ее последнее замечание относилось к тому, как она использовала меня и своего отца, исходя из того, как она хотела нас использовать, и таким образом мы менялись ролями по ходу игры. Другими словами, главным была коммуникация — опыт того, что тебя понимают. За всем этим стояло чувство уверенности в факте существования ее реального отца и матери.

Можно сказать, что теперь сильно расширилось поле для игрового опыта, включая кроссидентификации и т.д. В компульсивных действиях имел место ряд *превращений* в мать, отца, ребенка и т.д., что исключало игру, доставляющую удовольствие. Теперь настало время, когда игра приносит удовольствие. Это высвобождение фантазии давало больше свободы в общении и исследовании дурных, черных, разрушительных и других идей.

Комментарий

В ходе данного сеанса были подняты следующие основные темы:

1. В поезде, когда они ехали ко мне, сосание большого пальца отца, свернувшись клубком, у него на коленях (этого я не знал).

2. Драматизация мужского сексуального садистического акта.

3. Идея естественного роста, взросления.

4. Чувство дистанции между нами в промежутках между сеансами (конец отрицания).

5. Развивающаяся идея о маме, сердящейся на Габриелу за то, что она — папина маленькая девочка, накладывается на идею о Габриеле, сердящейся на новых детей, рождающихся у папы.

6. Уретральный эротизм, клиторальное возбуждение и мастурбация, проявляющиеся в качестве функциональной основы образования некоторых фантазий и как часть поиска информации.

Письмо от матери

“Пигля несколько раз просилась к Вам на прием, а вчера играла с полными игрушек поездами, которые ехали в Лондон. Она предложила остановиться у своей бабушки (она зовет ее “Ла-ла-ла”), которая живет под Лондоном. Она укладывалась спать чуть ли не три часа. Несколько дней не давала мне ее поцеловать — а вдруг я ее сделаю черной; но сама стала намного нежнее ко мне и неожиданно меня поцеловала, чего раньше никогда не делала. А как-то вечером она сказала мне, что я — милая мама, и принялась меня скрести. Сказала, что соскребает черноту, а потом пыталась сдуть ее с подушки.

Каждый вечер происходит одна и та же церемония: “Рассказать тебе про бабаку ... Черная мама говорит: “Где мои ням-нямки (груди)?” Один раз я спросила нетерпеливо: “Ну, и где же они?” — “В туалете, с дырками”. Она очень озабочена ням-нямками. Вчера она неожиданно сказала: “Жаль, что в моих ням-нямках нет молока”. Когда я говорю ей “спокойной ночи”, она часто застегивает на пуговицы мой кардиган, чтобы мои ням-нямки не стали “грязными и мертвыми”. В последнее время она очень озабочена понятием “мертвый”. Как-то я сказала: “Скоро твои ням-нямки вырастут”. А она: “А твои умрут”.

После поездки к Вам Габриела сказала, очень решительно, что никогда больше в Лондон не поедет. Когда ее спросили, почему, она объяснила, что доктор Винникотт не хочет, чтобы она залезла на папу. Между прочим, она никогда и не залезла на папу дома, когда еще была маленькой; этим занималась ее сестра, Детка-Сузи, и Пиглю это, казалось, очень забавляло.

В другой раз сообщила мне: “Я несколько раз пыталась залезть на папу, а доктор Винникотт сказал: “Не надо”. Она сказала, что доктор В. знает про бабаку.

Вечером того дня, когда Габриела была у Вас, она заявила, что не может отличить Тома — ее любимого дядю, которого она видела всего раза три — от папы. Позднее сказала: “Папа, Том и доктор Винникотт — это все дяди-папы; разве не смешно?” Ни с того, ни с сего сказала своему папе: “У доктора В. смешные игрушки”. Потом опять: “Я не вижу разницы между моими игрушками и игрушками Детки-Сузи. Очень смешные игрушки”.

В последнее время она сочинила и два вечера ее повторяла фантазию о том, что если папа на кухне, там разбиваются бутылки — бутылка (чрезвычайно популярного) сиропа из ягод розового шиповника и бутылка Детки-Сузи — кругом стекло, и Пигля на него наступит.

Вообще говоря, сама она время от времени бывает очень подавленной, а также порой безудержно все ломает и устраивает полный беспорядок. Такое поведение чередуется с периодами разумности, далеко не по ее возрасту и положению, и тогда она очень много занимается мытьем и наведением порядка — что совсем необычно в нашей очень небрежной семье.

Мужская функция приравнивается к агрессии, страх женской идентификации, означающей “быть разбитой, сломанной” (being broken)

Депрессия, как свидетельство своего отдельного “я”, с тенденцией к признанию своих собственных агрессивных импульсов. В рамках депрессивных фантазий скрыт хаос, который периодически преобразуется в стремление к наведению порядка

ПЯТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

9 июня 1964 года

Габриеле сейчас два года и девять месяцев, а Сусанне — год.

День был жаркий, и мы держали окно открытым. Время от времени до нас доносились звуки внешнего мира. Мои записи несколько неразборчивы из-за жары и сонливости.

Она занималась игрушками, отец был в приемной. Она вытащила игрушки.

Пиля: Все падает. Одна такая штучка у меня есть. У меня много хороших игрушек [крутит в руках заборчик]. У вас не было отпуска.

Я: Был.

Пиля: У меня милая сестра. Она уезжает в своем спальном мешке. Так много поездов. Зачем? [Она соорудила поезд, и в этом ей нужно было помочь; это в самом деле было трудно]. Я все расту и расту. Скоро мне будет три. Тебе сколько лет?

Я: Шестьдесят восемь.

Она повторила “шестьдесят восемь” пять раз.

Пиля: Хочу, чтобы ты был поближе к нам [имеется в виду слишком большое расстояние между ее домом и моим].

Мне будет три года, и малышка, которая любит играть, — хорошая малышка, которую не тошнит? [Это было напоминанием о тошноте, представленной ведерком, переполненным игрушками. Она рассматривала фигурку.] Да, мне нравится играть с игрушками. Малышка выбрасывает мои игрушки.

Вероятно, также и намек на большую разницу в возрасте

Она пробовала по-разному расставлять игрушки (прервалась послушать, когда по дороге проезжала конная упряжка). Выстроила в один ряд церквушки (прервалась, чтобы послушать воркование голубей). *Помехи из-за открытого окна (неудача в поддержании своего “я”)*

Пигля: Ужасный шум.

Она размышляла.

Я: Это тебе мешает, когда ты работаешь.

Пигля: Ногам жарко в туфлях.

Она развязала двойные шнурки. Сделала это сама, что было настоящим подвигом.

Пигля: Мои пальцы, у меня на ногах десять пальцев. Много песка.

Я: Во Франции?

Пигля: Нет.

Пролетел самолет, опять заставив ее прервать игру. Она сказала: “Я была в самолете”.

Она расставила четыре домика и два домика, а поодаль поставила две церквушки, и продолжала в том же роде. Начала проявлять тревогу, сказав: “Папа готов ехать? Папа устал”. (Это она вспоминала прошлый приезд). Я ответил: “Он отдыхает в приемной”.

Потом послышался стук зубов, и я спросил, что это она кусает.

Пигля: Вы любите хлеб с маслом?

Я: Похоже, что ты ешь что-то.

Пигля: Дурашка, дурашка, глупыш [читает этот стишок до конца]. Вот смешная игрушка [это опять остатки от старого волчка]. Хлопнуть его об пол, а?

Она хлопнула его о свою пуговицу. “Я слышу, как вода вытекает, вытекает, вытекает” (имея в виду

“капает”, то есть шум воды, которая капает сверху, стекая вниз по трубе). Она взяла ведро: “Здесь не так много игрушек. Наполнить его до полна?”

*Тошнота —
результат
компульсивной
жадности*

Я в этой связи сказал о чувстве голода и о том, как оно уменьшается, если есть до отвала, хотя и без удовольствия, наполнять желудок просто для того, чтобы преодолеть чувство голода. Она расставила домики в ряд и сказала: “Кто здесь живет? Один человечек и еще одна тетя — миссис Винникотт”.

*Компульсивное
поведение, кон-
троль за от-
щепленной фун-
кцией*

Тут Пигля надела туфлю и зашнуровала ее: “Я поеду обратно к своей маме” — и назвала адрес. Я ответил: “Вот ты и будешь и с мамой, и с папой”. Она вновь принялась играть, тревога как будто прошла, в том числе благодаря впервые появившейся идее насчет миссис Винникотт. Высыпала все из ведерка, а обрывки и обломки бросила в мусорную корзину. Затем вцепилась зубами в шину автомобиля. Попыталась надеть на автомобиль колесо: “Доктор Винникотт, помоги!” Вдвоем мы надели колеса. Теперь она задумалась над тем, как сюда же пристроить несколько корабликов.

Я: Пристроить их, когда папа и мама вместе?

Пигля: Слишком большой. Малыш становится слишком большим уже.

Разговор был прерван сначала голосами, доносившимися через открытое окно, потом шумом пролетавшего самолета. Эти внешние раздражители вызвали у Пигли тревогу, но дело в том, что открытое окно было реальным фактором, хотя и необычным, но не позволявшим отгородиться от внешнего мира. Было очень жарко.

Вся эта ситуация была туманной, она не была ясно выражена. Я ее такой и оставил. А Пигля тем временем, казалось, вернулась к своим текущим заботам. Она покрутила свои совершенно гладкие волосы и сказала: “У меня волосы вьются”*. Я

---

*Примечание матери: “Это у Сусанны очень курчавые волосы, из-за чего с ней так все носятся”.

воспользовался этим моментом, чтобы дать свое толкование.

Символическое восприятие завитка волос, как ребенка

Я: Тебе нужен свой собственный ребенок.

Пигля: Но у меня есть малышка-девчушка.

Я: Нет, не Детка-Сузи.

Пигля: Такая детка, чтобы была в моей кровати.

Я: В твоих кудрях?

Пигля: Да.

Игра возобновилась, она взяла два кораблика и один из них поставила себе на туфлю. Она хотела пойти к папе и показать ему оба кораблика.

Пигля: Кто любит папу? Бабака и мама.

Она пошла, показала папе кораблики и закрыла дверь.

Пигля: Я на полминутки. Помоги мне закрыть дверь. [Это действительно было трудно, дверь нужно было подправить.]

Она оставила замочную скважину открытой. “Ела” эти два кораблика. Я сказал: “Ты ешь, чтобы делать детей”. Она убрала все игрушки и привела папу. Затем сказала: “А потом мы поедем”. Все игрушки были убраны в полном порядке. Из всего этого я заключил: “Ты испугалась, когда обнаружила, что хочешь делать детей, съев кораблики”.

Пигля: Сказать “привет” папе? [Она ушла и вернулась.] Больше не вернусь.

Мне было слышно, как отец уговаривал ее вернуться, а она бегала туда и сюда. Папа вошел и сел на стул; у нас ним состоялась короткая беседа, потому что ему это было нужно. Потом они оба уехали домой.

После этого часового сеанса я в своих записях отметил, что хотя сами записи были беспорядоч-

ными и неполными (частично из-за жаркой погоды и моей сонливости), все же можно было сделать ясный вывод, что она хочет занять своего собственного ребенка путем еды. Это и было той работой, ради которой она приезжала.

Комментарий

1. Жаркая погода и ее последствия.
2. Замечание о курчавых волосах и мое толкование. Это, видимо, было важной составляющей проведенной в этот день работы. Ее собственная беременность в прегенитальной фантазии.
3. Сотворение детей посредством еды — связанная с этим тревога.
4. Прогресс (взросление) от маминых грудей к папиному пенису.
5. Появление в числе объектов внимания миссис Винникотт.

Письмо от матери

“После визита к Вам извечная болтовня каждый вечер о черной маме фактически прекратилась и, кажется, она уже не пугается, когда ложится спать.

Один раз она снова заговорила о черной маме, добавив: “Отвези меня к доктору Винникотту, он мне поможет”. Пытаясь именно в тот момент отговорить ее от этого, я сказала: “Но он помог тебе”. — “Да, но я убрала черную маму”. Я просто сказала “гм”. Потом еще что-то насчет опрокидывания мусорной корзины и сна о чувствах. Возможно, Вы знаете, о чем речь.

Дважды она настойчиво просила меня дать сосать грудь и, казалось, ей это особенно понравилось. Говоря об этом, она путала притяжательные местоимения “моя” и “твоя”.

После скандала из-за ее плохого обращения с маленькой сестрой она поцеловала отца и сестру,

а потом сказала отцу: “Не целуй меня, а то я почернею. А что такое черное, пап?”

Мой муж не знал наверняка, что Вы думаете о Пигле, а поскольку она присутствовала во время Вашего разговора с ним в конце приема, он не мог говорить свободно.

Когда Вы ему сказали, что считаете ее “нормальной” в общении с Вами, но в то же время поставили вопрос о психоанализе с психоаналитиком, я не уверена, что поняла, думаете ли Вы, что психоанализ необходим и что Вы не можете работать на достаточно глубоком уровне при том числе сеансов, которое Вы можете провести с Пиглей, и поэтому предложили другого доктора, или Вы полагаете, что необходимости в полном психоанализе нет, если только мы не будем на этом усиленно настаивать*.

Я скорее склоняюсь к тому, чтобы дать событиям развиваться своим собственным путем, не вмешиваясь в этот процесс без действительной необходимости.

У нее по-прежнему бывают эти внезапные (или кажущиеся таковыми) депрессии, когда она сворачивается клубочком и сосет свой большой палец или сидит и выкрикивает всякую бессмыслицу и при этом не может ничего с собой поделаться. В других отношениях она чувствует себя гораздо лучше и более живой, но я не могу понять, есть ли у нее возможность восстановить ту глубину, которую она, казалось, утратила, когда родилась ее сестренка. Создалось впечатление, что произошел такой внезапный и мучительный разрыв, она стала очень быстро и несколько неестественно взрослеть. Думаю, что без дальнейшей помощи она вряд ли смо-

---

*Как раз в это время один психоаналитик, у которого я был супервизором, обратился с просьбой направить к нему на анализ трехлетнего ребенка, и я подумал, не направить ли к нему Габриелу. Внутренне я был против этого и чувствовал себя виноватым, и поэтому путался, когда коснулся этого вопроса в разговоре с ее отцом. Однако, по зрелому размышлению, я пришел к выводу, что тот факт, что сеансы проводились “по требованию”, не меняет того, что ребенок проходит психоанализ. — *Д. В. В.*

жет вновь обрести утраченное. Возможно, она это сейчас и делает, но я не в состоянии об этом судить. А может быть, этого уже никогда не достичь, что бы там ни было”.

Письмо матери от Винникотта

“Спасибо за письмо. Отвечаю, потому что знаю, что наговорил Вашему мужу довольно путанные вещи. Дело в том, что я испытываю угрызения совести и мне нужно было внести ясность в том смысле, что не я препятствую вам в организации полномасштабного психоанализа для Пигли. Если бы для вас было так же легко пожить в Лондоне, как там, где вы сейчас живете, думаю, это надо было бы сделать, то есть, если найдется кто-нибудь подходящий для этого. Но я уверен, что для вас нелегко было бы приехать и жить в Лондоне, а многочисленные поездки привели бы к слишком большому осложнению. Гораздо лучше рассчитывать на естественное выздоровление, время от времени приезжая ко мне на прием с тем, чтобы я мог в какой-то мере этому содействовать.

Пигля — очень интересный ребенок, как Вы знаете. Возможно, было бы предпочтительнее, чтобы она не была столь интересной, но она такая, какая есть, и я ожидаю, что вскоре она станет совершенно обычным человеком. Думаю, у очень многих детей такие же мысли и озабоченность, но они, как правило, не формулируются так хорошо, а в случае Пигли это в большой степени связано с тем, что вы оба как-то особенно тонко воспринимаете детские проблемы и терпимо относитесь к возникающим у детей вопросам.

Я в полном восторге от того, как отец Пигли сидел и терпеливо выносил, когда Пигля его донимала, тем более, что многое из происходящего для него, должно было быть загадкой”.

Из телефонного разговора с матерью

“На какое-то время состояние Пигли улучшилось. Но затем она опять впала в депрессию и апатию, не спит по ночам и озабочена концепцией смерти. Ей приснился сон: “Не взошли семена, а если и взошли, то очень немного, из-за того, что у них внутри было что-то плохое”.

*Депрессивная
тревожность*

Последующий комментарий матери

“Связана ли тема смерти с той частью ее самой, которую надо “убрать”, т.е. умертвить? Например, алчной, завистливой частью?”

Мне интересно, сколько раз она убирает доктора Винникотта, оставляя его в одной комнате, уходя в другую, приемную, и закрывая дверь*.

---

*Способность забывать находит свое применение. — Д.В.В.

ШЕСТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

7 июля 1964 года

Теперь моей пациентке уже два года и десять месяцев. Я встретил ее на пороге словами: “Привет, Габриела!” На этот раз я знал, что должен говорить “Габриела”, а не “Пигля”. Она сразу направилась к игрушкам.

Я: Габриела снова ко мне приехала.

Габриела: Да.

Она уложила двух больших плюшевых зверюшек вместе и сказала: “Они вместе и нравятся друг другу”. Кроме того, она сцепляла два вагончика поезда.

Я: А они делают детей.

Габриела: Нет, они дружат.

Концепция эго-отношений

Она продолжала соединять вместе части поездов, а я сказал: “Ты могла бы соединить вместе все те разные случаи, когда ты ко мне приезжала”. Она ответила: “Да”.

Очевидно, что соединение отдельных частей поездов поддается множеству интерпретаций, и его можно толковать, как считается наиболее подходящим в данный момент или в соответствии со своими собственными чувствами. Я напомнил Габриеле о своей интерпретации во время последнего приема насчет выющихся волос, связанных с тем, что Пигля хочет иметь своего собственного ребенка.

Габриела: Об этом я и думаю.

При этом она (так или иначе, но совершенно ясно) провела различие между тем, когда о чем-то говорят и когда это показывают (что напоминает мне песню из “Моей прекрасной леди” — “Покажи мне!”).

Я: Ты имеешь в виду, что показать мне лучше, чем рассказывать о чем-то.

Габриела взяла бутылочку и издала звук, похожий на шум льющейся воды. “Если сильно брызгать, получается большой круг”. Она шепелявила и порой было трудно разобрать, что она говорит: “У меня во дворе (имеется в виду в саду) маленький бассейн и две теплицы. Там наш большой дом и еще мой маленький домик”.

Я: Маленький — это ты сама.

Габриела: Просто ты. [Она повторила это три раза, а потом добавила:] Просто Габриела. Просто Винникотт.

Она соединила вместе два вагончика.

Я: Габриела и Винникотт дружат, но все-таки Габриела — это Габриела, а Винникотт — это Винникотт.

Габриела: Мы не можем найти нашего кота, но одного я видела, когда он вышел погулять. Я видела еще одного, который бегал вокруг. Что его тащило?

Я помог ей, а она сказала: “У Винникотта цепкие руки”.

Далее последовало нечто похожее на установленные идентификации. Я сказал что-то насчет Габриелы и ее отношений с несколькими людьми: с Винникоттом, папой, мамой и Деткой-Сузи. Габриела подняла свойственный ей шум и сказала:

Она имеет дело с границей между слиянием и отдельностью

“Детка-Сузи делает ва-ва-ва”, а потом она издала другой шум, закрыв ладонью рот.

Ей нравилось это эстрадное представление, когда она то и дело закрывала ладонью рот. Как раз перед этим она пукнула, и я сказал: “Наверно, это габриелин шум”. Затем она стала говорить в своей характерной манере, а я сказал: “Это связано с папой”. Были и другие случаи, когда она говорила в этой особой манере, сильно идентифицируясь с отцом.

Габриела: Не говори так [но мы говорили о папе]. Детка-Сузи еще мала, чтобы разговаривать. Что это за смешная штука?

Она держала ручку, к которой была привязана какая-то веревочка. Габриела хотела, чтобы я прицепил ее к паровозу, чтобы она могла возить его по комнате. Она была довольна. Я сказал что-то насчет того, что это — малышка Габриела, о которой она вспоминала, и она сказала: “Нет, это маленькая сестренка”, а потом неожиданно: “Посмотри на эту красивую картинку” (это был портрет очень серьезной девочки шести или семи лет, довольно старомодный, который я храню в своей комнате). “Эта девочка старше меня. Она старше меня, так же как я старше Детки-Сузи. Она (Су-санна) уже может ходить, ни за что не держась”. (Габриела продемонстрировала, как она ходит и бегаёт, и опять ходит, потом падает). “И она может встать” (это она тоже продемонстрировала).

Сознательное упование на действие процессов взросления

Я: Так что ей мама нужна уже не все время.

Габриела: Нет. Скоро она еще больше подрастет и обойдется без мамы или папы, и Габриела сможет обходиться без Винникотта и вообще без кого бы то ни было. Кто-нибудь скажет: “Что ты делаешь?” Это мое место. Я хочу на твое место. Уходи отсюда.

Она показывала нечто вроде игры в Короля замка*, в которой Габриела утверждала свою собственную личность и при этом ожидала отпора. Сейчас она взяла два вагончика и потеряла их один о другой колесами.

Я: Они делают детей?

Габриела: Да. Иногда я лежу на спине, ножками кверху, когда нет солнца. Детей не делаю. У меня сарафанчик и белые штанишки.

Она продемонстрировала, как лежит, задрав ноги, подставляя их солнцу.

Габриела: У меня новые туфли. [Не те, которые были в этот момент на ней].

Мастурбация с фантазированием о форме коитуса между людьми

Она развязывала одну из туфель и стаскивала носки. То снимала, то опять надевала. Она хотела, чтобы я это видел, глядела на носок, выставляя свою большую, толстую пятку.

Я: Ты показываешь мне большие груди.

Габриела: Как ноги.

Она развязала вторую туфлю и показала другую пятку. Из всего этого она устроила потеху, как будто одна ее нога пропала в какой-то игре, которую сама выдумала.

Габриела: Это все не на той ноге [это была шутка].

Она поменяла носки и отправилась к корзинке с игрушками. Я сказал: “Габриела все поедает и ест она слишком много” (но в это время корзинка не была переполнена). Габриела ответила: “Ее не тошнит”.

---

*Д.В. Винникотт. (1966) Психосоматическое заболевание в его позитивном и негативном аспектах // Международный психоаналитический журнал (Internat. J. Psycho-Anal., 47:510—516).

Одна туфля у нее была снята, и она забавлялась *Признание не-* тем, что хотела остаться без носка. С носками и *зрелости и от-* туфлями возникла какая-то сложная ситуация, и *носительной за-* она очень искусно продолжала свою затею, хотя и *висимости* безуспешно.

Я: Разве не трудно, а?

Габриела: Да, трудно.

Я: Габриела не может совсем обойтись без мамы и сама не совсем еще может быть мамой.

Затем она подошла к большому поезду и сказала: “Надеюсь, что мы не слишком рано приехали”. Потом она говорила о причинах, по которым они с отцом приехали рано. Фактически они ходили по магазинам, чтобы не прийти слишком рано.

Я почувствовал, что теперь нужна моя помощь с непослушным шнурком, это мне разрешили, потом с другим.

Габриела: Я слышу громкий стук [действительный].

Я: Кто-нибудь сердится?

Габриела: Нет, это Детка-Сузи стучит.

*Прояснение
образов*

Потом она прошептала, что пойдет к папе и тихонько открыла дверь, потом снова ее закрыла. Через минуту вернулась, такая же, как всегда, и папа ей уже не был нужен. Она стала убирать игрушки.

Габриела: Все игрушки в беспорядке. Что скажешь?

Я: Кто?

Габриела: Доктор Винникотт.

Она убрала больших плюшевых зверюшек (собачек). Уборка была очень тщательной, с сортировкой игрушек.

Габриела: Ай! Крышка слетела; ну ничего, мама ведь дома.

Затем Габриела все аккуратно прибрала и сказала: “У тебя хорошее место для игрушек, правда?” (На самом деле куча моих игрушек лежит на полу под книжным шкафом). Она нашла пару игрушек в стороне и убрала их: “Свои я держу снаружи в мусорной корзинке”.

Потом она вышла за дверь, никаких игрушек больше нигде не валялось. Какое-то время она пробыла с отцом в приемной, рассказывая ему о том, что сделала, и он тоже говорил об этом. Затем попыталась затащить его в комнату. Сказала ему: “Я хочу, чтобы ты туда вошел”, но он упирался. Он сказал: “Ты иди туда к доктору Винникотту”.

Мы занимались уже 45 минут, и я был готов закончить сеанс. Отец сказал: “Нет, нет. Ты иди к доктору Винникотту”.

Габриела: Нет, нет, нет!

Я: Давай, давай, ведь уже скоро пора ехать. Заходи.

Она вошла в очень дружественном настроении. Спросила, будет ли у меня отпуск и что я буду делать. Я сказал, что поеду в деревню отдыхать. На этом прием закончился и, уходя, она сказала: “Когда мне опять приехать?” Я ответил: “В октябре”.

Важной частью этого сеанса был момент установления идентичности, игра в Короля замка*, вслед за экспериментами с отделением после объединения.

Комментарий

1. Я осознал, что к ней нужно обращаться как к Габриеле.

---

*В России игра “Царь горы”. — *Прим. ред.*

2. Последовательное развитие темы идентичности.
3. Вариант заявления “Короля замка”.
4. Игра в частичные объекты, приводящие к идее о грудях (игры с надеванием-снятием).
5. Превращение жадности в аппетит.
6. Превращение беспорядка в порядок. Наметки будущей темы беспорядка.

Письмо от матери

“Она снова хорошо спит ночью. Ее единственным замечанием после сеанса было: “Я хотела сказать доктору Винникотту, что меня зовут Габриелой, но он это уже знает”. Это было сказано с удовлетворением”*.

Письмо от обоих родителей, написанное матерью**

“Не знаю, почему мне оказалось трудно написать Вам; возможно, я так запуталась с Габриелой, что не могла распутаться, но надеюсь, что это разрешится само собой.

Кажется, Габриела в гораздо лучшем состоянии, я имею в виду то, что она способна к своему собственному восприятию внешнего мира и к использованию имеющихся у нее возможностей, и это ей нравится.

Она уже не такая застенчивая, но ей очень трудно вступать в контакт с другими детьми, хотя она очень этого хочет и страдает от неудач. Габриела очень страдает от крушения своих иллюзий, потому что возлагает на такие контакты массу надежд.

---

*Эта деталь показывает, как важно было то, что я уловил ее первое желание уже на пороге и знал, что должен сказать “Габриела”, а не “Пигля”, или какое-нибудь имя, связанное с одной из ее многочисленных ролей. — *Д.В.В.*

**Содержание разговоров по телефону здесь не излагается.

Она прекрасно ладит со своей сестрой, несмотря на внезапные акты агрессии — иногда вдруг сбивает ее с ног посреди улицы или объявляет, что ей надоела маленькая сестра. За исключением таких случаев, она обращается с ней по-человечески, с сочувственным пониманием, что больше всего радуется.

Все еще есть довольно много кажущегося несколько надуманной фантазией: не знаю, насколько она сама в это верит и насколько это представляется законной и действенной защитой против достаточно пытливых родителей*.

Только последние несколько дней она опять не может уснуть, к ней опять приходила черная мама, и она все больше говорит о поездке к доктору Винникотту. Кажется, ее очень беспокоит то, что она отравлена; Габриела съела ягоду, которая, как она утверждает, была отравленной; и говорит нам, как тяжело она заболевает. Она также утверждает, что ее “б-р-р-р” застряло у нее внутри, хотя не видно никаких признаков страдания от физического запора. Но в течение остального лета все это не проявлялось. Для Габриелы очень много значит то, что у нее есть Ваш номер телефона.

Вы, видимо, очень многое для нее изменили, и в тот момент, когда ее дела, казалось, попали в губительнейший заколдованный круг, Вы сумели вывести их из этого круга. Кажется даже, что Габриела сейчас больше похожа на ту крепкую маленькую девочку, которой была до рождения Сусанны, и таким образом, судя по всему, непрерывность как-то восстановилась”.

Мое письмо родителям

“Я получил почтовую открытку от Габриелы. Думаю, что вы хотели бы, чтобы я ее опять при-

---

*Не увязывается ли это с тем, что меня держат в неведении относительно “черных” явлений? — *Д.В.В.*

нял, и я выделяю для нее время. Однако, может быть, вы считаете, что было бы хорошо на несколько недель оставить все как есть, и в этом случае, - вы, я надеюсь, мне об этом сообщите.

Исходя из того, какой я нашел Габриелу, когда видел ее, а также из вашего письма, я убежден, что мы не должны подходить к ней просто с точки зрения болезни. В ней много здорового. Возможно, вы сообщите мне, что вы хотите, чтобы я сделал”.

(При этом я должен напомнить о моей занятости и невозможности заниматься лечением нового больного; в то же время я понимал, что у этих родителей были достаточные основания для того, чтобы не полагаться на процесс развития, который в этом ребенке мог привести и к выздоровлению независимо от проводимого лечения).

Письмо от родителей

“Спасибо Вам за письмо и предложение назначить прием, которое мы с радостью принимаем.

Мы также полагаем, что Габриелу нельзя больше считать очень больной девочкой; многие ее стороны вновь ожили. И все же есть очень заметные проявления подавленности и тревожности, которые порой приводят к ее как бы полному бесчувствию и делают ее жизнь, хотя и ярко выраженной, но в то же время плоской.

Когда мы писали Вам последний раз, у Габриелы опять начинались трудности со сном, и это после того, как в течение большей части лета с засыпанием у нее было все в порядке; а теперь она постоянно по три-четыре часа не может заснуть.

Сейчас у нее “милая черная мама”, которая стрижет ей ногти (возможно, Вы помните, как она в подавленном состоянии царапала себе лицо ночью и опять так делает последнее время). Однако черная мама приходила отрезать большой палец у

нее на руке кухонным ножом. Но она сказала, что сообщит доктору Винникотту, что черная мама ушла.

В настоящее время Габриела очень обеспокоена идеей смерти родителей, но говорит об этом совершенно бесчувственно и отрешенно. Своей маме она говорит: “Я хотела бы, чтобы ты умерла”; “Да, тебе тоже будет жалко”; “Да, я буду хранить твою фотографию в моем чемодане”.

Она воображает отвратительнейшие вещи, якобы происходящие между ее родителями, и была глубоко потрясена и расстроена, когда увидела свою мать раздетой более, чем обычно, когда она собиралась принять ванну. Хотя эти озабоченности представляются довольно обычными, ее подавленность и последующее отключение чувств и беспокойство по ночам говорят, видимо, о том, что некоторая помощь все же еще нужна.

Мы отдали ее в детскую группу для игр, где, как мы Вам уже рассказывали, она с трудом вступает в контакт, хотя ей этого явно хочется: “Мама, возьми книжку. Мне будет скучно, и тогда я не буду знать, что делать, и тогда я ни с кем не познакомлюсь, и тогда я не захочу, чтобы на меня смотрели”.

СЕДЬМАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

10 октября 1964 года

Габриела (ей теперь три года и один месяц) пришла со своим отцом и тут же направилась к игрушкам, задев головой мой локоть, потому что я сидел на полу. Она взяла большую мягкую игрушку.

Габриела: Начать с домиков, которые стоят в ряд? Ты слышал мой звонок? Я позвонила три раза. Мистер Винникотт*, что это такое?

Я: Это грузовик.

Габриела: А... (и она принялась сцеплять его с чем-то). Все беды прошли, и мне больше нечего тебе сказать.

Я: Я принимаю Габриелу без всяких бед, просто Габриелу.

Габриела: У меня была черная мама, которая меня беспокоила, а теперь она уехала. Мне не нравилась мама, а я не нравилась ей. Она говорила мне всякую чепуху.

Габриела выстроила длинный ряд домиков в довольно ровную линию в форме буквы “S” и на каждом конце этой линии поставила церковь. Потом она взяла электрическую лампочку с нарисованной на ней рожицей и сказала: “Я об этом забыла”. В этом была какая-то злость на то, что рождается ребенок. Она сказала: “Маленькая девочка идет в церковь с большой девочкой”. Была какая-то игра, которая не записана у меня надлежащим образом. Речь шла о том, чтобы что-то

---

*Здесь начинается неоднократно встречающееся затем обращение к Винникотту не как к терапевту.

добавить сюда для собак и скота — и это что-то нарушало положение домиков на каждом конце изогнутой в форме буквы “S” линии.

Габриела: А сейчас мы построим железную дорогу.

Она взяла два камня, которые в прошлый раз принесла в бумажном пакете. В пакете был еще один камень покрупнее. Это каким-то образом было связано с черной мамой. Потом она положила большой камень напротив двух камней поменьше.

Габриела: Мистер Винникотт, почему у тебя нет больше поездов?

Она поискала их и нашла, хотя, конечно, и так знала о них: “Как они попали к тебе, мистер Винникотт?”

Тут были автомобили, дорога и еще один камень; Габриела все это отмела в сторону и сказала: “Этот поезд тянет оба поезда; а вот ... еще корабли, поезда” (она вела себя очень шумно и неразборчиво говорила сама с собой).

Через некоторое время она вновь занялась этим, но уже поглядывая на меня с улыбкой, рассчитывая вызвать реакцию. Можно предположить, что это было связано с неясностью того, что происходило из-за ее отключенности и ее игры, которая для меня была непонятна. В этот момент она взгрозила поезд на кораблик, что было абсурдно хотя бы уже потому, что игрушечный поезд был намного больше кораблика.

Габриела: Вам нравятся мои игрушки? Мне — да. Они как французские, правда? Мы были во Франции. Я не хотела, чтобы со мной во Франции кто-нибудь был.

Теперь Габриела играла с очень маленьким деревянным поездом. Брала обломки деревянных

Сейчас она под держивала переживание личной внутренней реальности, давая мне лишь смутное представление о деталях содержания этой реальности

Вопрос: протест против отлучки

Связь с состоянием отключенности

игрушек и складывала их лучами, перечисляя: один, два, три. Она тыкала палочку в ковер, чтобы та стояла, но палочка падала. Я ей немного помог и провез поезд. Она чуть не бросила в меня тягач, сцепленный с вагоном, потому что не хотела этого. Очень осмысленно расположила игрушки. В центре была похожая на букву “S” линия домов с церковью на каждом конце, с ее стороны была она сама и много представляющих ее предметов. С другой, то есть с моей стороны этой линии в форме буквы “S”, был тягач, который она швырнула в меня, а также я и другие предметы. Это была “не-я” репрезентация. Это было абсолютно преднамеренное общение, показывавшее, что она достигла отделения от меня как части ее собственного самоутверждения. Это было также и защитой против повторного вторжения в ее личность. Было нечто такое, что выходило за эти границы. Выражалось это в том, что некоторые автомобильчики переезжали с ее стороны на мою, а она говорила что-то вроде “никто не знает, как”...

Агрессивный акт, выявляющий ее агрессивные импульсы и направляющий их на меня

В конце концов Габриела, очевидно, почувствовала, что что-то произошло, поскольку начала петь, и когда я сказал, что у нее есть какие-то вещи внутри, она закончила фразу, сказав, что они “упрятаны”. (Я специально отметил, что это было ее собственным выражением). Говорила сама с собой: “Одного маленького мальчика пришлось поместить с одной маленькой девочкой, чтобы он поехал с маленькой девочкой; мой друг Ричард и Сара” (называла несколько других женских имен). Теперь было две линии, сходящиеся в одном конце, образованные домами и другими игрушками. Одну из девочек звали Клэр*. Думаю, что это было связано с летним отдыхом. Она говорила мне о месте, где живет Клэр.

Габриела: Это куда я иногда хожу. Нет, не хожу.

---

*То, что Клэр — имя миссис Винникотт является чистой случайностью!

Она объяснила мне, что там сейчас болеют свинкой и из-за этого она туда сейчас ходить не может.

*Тема каранти-
на играет та-
кую же роль,
как защитная
граница между
“я” и “не-я”*

Габриела: Так что я не могу больше к ним ходить, хотя мне и хочется. Я не могу с ними встречаться, а они не могут приходить ко мне. Не знаю, что делать. Вот я и пошла в школу, чтобы поиграть. Мне понравилось. Все там было не так из-за свинки. Они не могут выходить или купаться. Они хотят, но свинка, которой они болеют, не дает. Мама беспокоится, что я заболю от нее простудой. Поэтому мама сказала “Нет”, потом она все же спросила, я была ужасно ... Не знаю, что делать.

Я: Я не понимаю. [Я интерпретировал это в терминах утверждения идентичности].

Габриела: А где тот красивый кораблик? Куда я дела кораблики? [Мы поискали их, но не нашли.] А в корзинке они не могут быть? Нет, не могут. Посмотрите на мою грязную руку. [Она держала кораблики в руке.] А где другие? Не знаю, куда они пропали. Вот еще один. Я обычно знала, где кораблики. Мне всегда бывало привычно с тобой, а теперь нет. Я выросла. Они ходят и говорят.

Что-то насчет павлина.

Павлин = Д.В.В.

Габриела: Но они не понимают. Бяшка. Павлины просто мотают головой, как будто говорят “Нет”. Они никогда не говорят “Батюшки!”.

Габриела запела песню, чтобы проиллюстрировать употребление выражения “Батюшки!”. Затем она выстроила целую вереницу кораблей, направившихся от нее: “Кто едет на всех этих кораблях?” И сама пела песню, которая имела отношение к корабликам. Она снова расставила кораблики, а я разложил деревянные обломки: “Мы оба сделали кораблики. А теперь будем убирать. Почему у тебя так много кораблей для меня? Забавно”.

Габриела продолжала игру, выстроив много ко- *Защита: раз-*
раблей, носами повернутых от нее. Подальше был *личные внут-*
подобный ряд автомобилей и масса других вещей на *ренние объекты*
ее стороне линии, отделявшей ее от тягача и меня. *между живым*
Все игрушки на ее стороне линии были аккуратно *и мертвым,*
выстроены так, что не касались друг друга. Она *контролируе-*
пела что-то про разноцветные машины. *мые*

Габриела: Зачем эта бечевка? Положим ее сюда.

Мне пришлось обрезать ее до нужной длины, и Габриела повезла паровозик через всю комнату.

Габриела: Куда пропали ножницы? [Дело в том, что я пользовался ножом.]

Я: Я оставил свои ножницы наверху. [Ножницы всегда у меня в кармане.]

Она вернулась к игрушкам.

Я: Ты опять готова ехать. [Я сказал так, заметив, что она прибиралась].

Габриела: Куда домики едут [и так далее].

Она дала мне поезд и стала бросать мне игрушки, потому что я все-таки был на другой стороне разграничительной линии. “Вот ты там”, — она повторила это много раз: “там”. Теперь в ходе игры *Там был Д.В.В.*
Габриела представляла, что я нахожусь в ящике. При этом она давала мне на хранение игрушки, которые ей нравились.

Габриела: Когда я снова приеду, то увижу, что ты все прибрал.

Казалось, что Габриела от чего-то освободилась. И я сделал себе пометку об этом: “Свободна, наконец”. Это было что-что, связанное с бабакой. Она сказала: “Минутку, я все сейчас уберу. Вот”. Очень аккуратно убрала машины: “Не хочу их по-

портить”. Сосчитала поезда: “Что лучше всего для поездов?”. И красиво и аккуратно сложила их все в лежачем положении: “Надо прибрать игрушки”. Затем добралась до камней: “Теперь надо убрать маму. А это куда, мистер Винникотт?” И продолжила: “Надо хорошо прибрать”. Габриела некоторое время поиграла с глазной ванночкой “Оптрекс”, потом сказала: “Кто положил в игрушки эту темноту?” Казалось, она почти закончила уборку и теперь принесла моток бечевки и бросила его в корзину. Одна коробка была доверху заполнена всякой всячиной: “Ну, вот. А это куда? Ну, теперь немножко порядок”. Осталась еще коробка. Она просто поставила ее: “Теперь, теперь надо половик почистить. Какой приятный материал у этого ковра! Кто его тебе дал? Жесткий ковер [ворс под “приятной” восточной циновкой], не очень-то приятный. Он просто для того, чтобы пол беречь. Ужасно приятный материал у этого половика. И здесь тоже [подходя к креслу], и здесь”. Она подошла к кушетке и обследовала материал кушетки и подушек. Пошла дальше и сказала: “И это кресло ужасно приятное”; и затем пошла к папе, чтобы ехать домой.

Тревога, с которой удалось справиться утверждением и принятием Супер-Эго

Наблюдение внешних объектов, объективность

Комментарий

1. Сама по себе, а не из-за трудностей.
2. Ясное утверждение “я” и “не-я”.
3. Опыты взаимного общения.
4. Карантин. Защитная стена между “я” и “не-я”.
5. Управление внешними объектами при уборке.
6. Объективность в отношении внешних объектов.

Позитивный перенос теперь — частично на реального (т.е. не терапевта) мистера Винникотта и его комнату (жену).

Можно ожидать, что черные явления тоже станут аспектами объектов реального мира, внешнего по отношению к ней и отделенного от нее.

Преследующая ее чернота принадлежит к остаткам регрессивного слияния, в организованной защите.

Письмо от родителей

“Габриела опять хотела бы к Вам на прием. Думаю, что она нуждается в этом весьма срочно, хотя и не решается попросить. Она предложила, чтобы я послала Вам подарок. Она также хотела послать подарок женщине, которая работала у нас, а теперь ушла; Габриела ее очень любила*.

Вновь, хотя и в другой форме, возникала тема черной мамы: “Я не написала черной маме ... Она дала мне красивую вазу, в которой что-то растет. (“Зайнйка”, наша прислуга, пожилая женщина, которую все любили, дала ей стеклянный кувшин с лампочкой внутри). Я боюсь черную маму. Я ей не заплатила. Она дала мне красивую деревянную чашку”. О том, что надо было заплатить черной маме, она упоминала неоднократно.

В самое последнее время у Габриелы опять появились трудности с засыпанием. Ей нужно, чтобы у нее в кровати были все куклы, мишки и книжки, так что для нее самой почти не остается места. Днем она ведет себя плохо, как будто наш авторитет и мы сами ничего для нее не значим. Возможно, мы несколько упустили момент, когда необходимо проявлять твердость и настаивать на своем, и теперь стараемся исправить эту ошибку. Но в тех случаях, когда Габриела чувствует себя хорошо, она действительно очень хорошо себя чувствует**.

---

*Благодарность подразумевает принятие расставания, принципа реальности, что является плодом утраты иллюзий. — *Д.В.В.*

**Трудности обращения с больным ребенком, который выздоравливает: вопрос в том, когда надо проявлять твердость и действовать исходя из того, что ребенок нормальный? То есть переход от патологического Супер-Эго к состоянию непосредственного ребенка в семейной обстановке. — *Д.В.В.*

ВОСЬМАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

1 декабря 1964 года

Габриела (теперь ей три года и три месяца) вошла и сказала: “Я поиграю сначала с этими игрушками, а потом с этой красивой игрушечкой. Она привезла с собой большого, толстого пластмассового солдата. “Мило. Всех устроим в хорошей деревне”.

Тема отрицания вредности

Я сказал что-то насчет существования вредности тоже. Она взяла тягач и сказала: “Вот хорошо. У Сусанны тоже есть собака”. Достала бечевку и сказала, что тягач можно прицепить к маленькому поезду. “Мы ехали на поезде” — и поставила поезд позади нас (это было забавно; были и другие признаки того, что в материале могло быть что-то анальное). “У тебя масса поездов, мистер Винникотт”. Она хотела, чтобы я помог ей прикрепить бечевку.

Габриела: Это хорошо. Я могла бы приехать сюда днем, да? Вот было бы хорошо. Просто навестить тебя. [Она ставила новые поезда позади других поездов]. Не отталкивай их, поезд.

Я: Где живут поезда Винникотта, здесь или внутри Габриелы?

Габриела: Там внутри [показывает]. Что происходит в этом поезде? А в этом? [Она нашла крюк, принадлежащий вагону]. Когда я поставила поезд — ха! ха! ха! — то чуть не раздавила солдата, и он заплакал. Он из моего дома. Ой, вот там сзади красивый поезд. Где вокзал, мистер Винникотт? [Я поставил два забора]. Да, это — станция [она сцеп-

ляла выгоны]. Это железнодорожный вокзал. Мистер Винникотт мне помогает. Что это такое?

Я: Для багажа и вещей.

Габриела: Вот еще один старый поезд с большим паровозом. У меня новые, красивые туфли. Это грузовик для багажа. Его лучше сюда [расставила грузовики и багаж]. Сусанна — большая зануда. Пила. Подходит и мешает. Я ее много раз отталкивала, а она подходила. Зануда. Когда Сусанна станет побольше, она сможет делать то, что я делаю; она все время подходит и мешает мне. Мне бы нового ребенка, который не подходит и не берет у меня ничего.

Я сказал что-то о том, чтобы сделать ее черной.

Габриела: Нет, она от этого плачет. Тогда я громко кричу, очень сержусь и кричу еще громче, а она опять плачет, и тогда сердятся мама и папа. Она как Кико, дикий медведь во Франции. Однажды они вдвоем спугнули такого медведя, как Кико. Там была нежная мама Кико и малыш снаружи клетки, а она в клетке. Она была огромная, как дитя внутри мамы. Малыш Кико не сидел в клетке. Сидят обезьянки, львы и медведи.

Я: А еще кто?

Габриела: Коров не было, и жирафов тоже. Змеи — да. Собаки — да, я так думаю, нет. Кошки тоже. У нас есть черный кот. Он приходит ко мне каждый вечер. Я иду в квартиру. Там черный кот. Я глажу его. Иногда он приходит ко мне домой. Мама его кормит. А это для чего? [Это был кривой конец дома]. Почему он такой? Он сделан из кривого дерева.

Я: Сделан кривым человечком [говорю, вспоминая детский стишок и мысленно возвращаясь назад].

А она в этот момент грызла пластмассового человечка. Я сказал, что она ест человечка, потому что хочет съесть меня.

Я: Если будешь есть меня, значит заберешь меня себе вовнутрь, и тогда ты будешь не против того, чтобы уехать.

Габриела: Он где сидит? Мог бы и в домик пойти. Не в кривой, а вот в этот [церковь] или в этот. Этот особенно красивый.

Она сидела, опершись на барашка. Все время смотрела на солдатику у поезда.

Габриела: Это глупая собака [барашек]. Кто привязал ей ленту на шею? Красиво. Я тоже могу такую привязать, а малышка не может. Сусанна не умеет. Иногда я привязываю малышке платице для красоты. И потом я с ней иду по магазинам. Ой, это кто сделал? [другая мягкая игрушка, олененок]. Они не стоят. Нет, стоят. Красивые собачки.

Она устанавливала их, и мы вместе лаяли и говорили “гав-гав!”. Я сказал что-то насчет нее и Детки-Сузи.

Габриела: Знаешь, Сусанна сердилась [и она издала сердитые звуки], она правда сердится и плачет. Когда я немножко сержусь, я немножко плачу. Я плачу ночью, держа пальцы во рту. Мне приходится плакать с открытым ртом. Это от чего? Может быть, колесико от автомобильчика. Эта корзинка пусть будет здесь. Это красивые дома. Я делаю домик для собаки. Все дома для собак. Они в доме ссорятся. Еще одна собака пришла. Вот другой дом [это был отдельный дом].

Я сказал, что ей и Сусанне нужны отдельные комнаты или отдельные дома, потому что они ссорятся.

Габриела: Когда я буду большая, я постарею, прежде чем мама постареет, прежде чем она постареет. А это для чего? [Она опять взяла голубую глаз-

ную ванночку и стала ее рассматривать.] Если мама станет старой, я тоже стану старой. Сделай из этого домик. Скажи: все собаки, приходите (значит, у каждой есть дом), так, чтобы они не ссорились. Они обычно ссорятся, лают, поднимают ужасный шум... Я думаю, папа хочет, чтобы я поехала.

Я: Но ты избавилась от своих страхов?

Габриела: Я боюсь черную Сусанну; поэтому я играю с твоими игрушками. Я ненавижу Сусанну. Да, я очень ненавижу Сусанну, только когда она берет мои игрушки [подразумевается: здесь, в доме доктора Винникотта, она пользуется игрушками, а Сусанне сюда доступа нет]. Это такой красивый дом. Когда Сусанна хорошо одета, она такая красивая. Тогда она полюбила бы этот дом, и ты знаешь, что она делает? Когда она меня любит, она подходит, наклоняется, говорит “а-а-а” и целует меня. Когда мама собирается в город, очень мило, когда Сусанна меня любит.

Я: Ты ненавидишь и в то же время любишь Сусанну.

Габриела: Когда мы играем с грязью, мы обе черные. Мы обе купаемся, обе переодеваемся. Потом мама иногда думает, что она грязная и Сусанна тоже. Мне нравится Сусанна. Папе нравится мама. Маме больше всего нравится Сусанна. Папе больше всего нравлюсь я. Мне пойти сказать папе, что я еще не хочу уезжать? Не могу открыть дверь; вот, открыла.

Она вышла в другую комнату к папе (мы занимались уже 40 минут). Вернулась: “Мистер Винникотт, сколько времени?” Я ответил. “Еще пять минут. Захлопни дверь!” (Сама захлопнула). “В какую она сторону? На мне много одежек” (перечислила все подробно). “Мне очень жарко. Как ....” (она повторила это много раз). Сусанна снимает платье, когда хочет его снять [взяла бечевку]. Можно прицепить ее к поезду. Когда нам хочется играть, мы играем в “колокольчики и розы”. При-

Содержание тревоги: вероятно, ненависть к сестре

Налицо амбивалентность

Грязь — фекалии, т.е. спавленная любовь

крепи ее” (Прикрепил). “Можно ее обрезать. Обрежь ее! [Обрезал]. Спасибо, мистер Винникотт”.

Габриела играла с поездом и бечевкой: “Так лучше, она очень маленькая. Мне приходится немножко нагибаться”. Она рассказала мне о настоящем поезде, на котором приехала. Его пришлось тащить на очень, очень крепкой веревке.

Габриела: Пожалуйста, поиграй ... [На полу стояла тележка для солдатиков]. Сусанна иногда тащит вещи вверх ногами. Я из-за этого не сержусь [утаскивает поезд]. Ой, ...ты не хотел бы, чтобы я прибрала вещи? [Намек очевиден.]

Я: Предоставь это мне.

Габриела уехала с отцом, *оставив мне неразбериху и беспорядок*. И это после того, как раньше она все аккуратно убирала и не терпела беспорядка. Габриела стала проявлять теперь все больше доверия к моей способности сносить беспорядок, грязь, а также невоздержанность и сумасбродство.

Комментарий

1. Ключевым словом было “мило”, как предзнаменование вредности. Вредность = смесь агрессивного отталкивания с готовностью отдавать с любовью, в зависимости от того, как это воспринимается.

2. Начинает иметь дело с потерями и их последствиями посредством их интернализации: тревога и поддержка по отношению к внутренним объектам. Защита: внешняя декоративность (ленточка на шее).

3. Утрата некоторыми внутренними объектами качества “отдельности” (защита — см. предыдущие сеансы).

4. Амбивалентность и грязь.

5. Первый раз оставила мне беспорядок.

Письмо от отца

“По дороге домой Габриела большую часть времени была “маленькой деткой”; держала свой большой палец во рту и говорила только: “б-ба” (она сейчас подолгу сосет свой большой палец, что начала делать только после рождения Сусанны).

Приехав домой, она захотела повидать Сусанну и чуть не разрыдалась, узнав, что та спит. Тогда она настояла на том, чтобы поиграть в головоломку и только после этого села обедать; казалось, что составить картинку-загадку для нее было очень важно.

Сегодня утром она проснулась, вся дрожа, потому что ей приснилась черная Сусанна. Черная Сусанна “хотела меня утомить и своим плачем не дать мне уснуть”.

Письмо родителей

“Краткое замечание, прежде чем Вы примете Габриелу. Несколько дней назад она сказала и потом не раз повторяла: “Я заплатила черной маме”. [Замечание матери.] Меня всегда тревожила эта “уплата черной маме”. Я не знаю, до какой степени это было задабриванием, использованием ценной энергии и части самой себя, для того чтобы успокоить черную маму и таким образом самой избежать превращения в черную. И я не знаю, настолько такие вещи могут привести к жесткой защите против смешения доброго и черного или к действительной неразберихе.

С черной мамой покончено. Однако и после этого она не стала быстрее засыпать. Теперь ее беспокоит черная Сусанна. Она приходит ко мне ночью, потому что я ей нравлюсь, но она черная.

В действительности же Сусанна с большой нежностью относится к Габриеле, но она очень настойчива, когда чего-нибудь хочет. Может быть безжалостно настырной”.

“Заплатила” означает: “Я оставила грязь, фекалии, беспорядок, что было принято

Письмо от матери

“Габриела несколько раз просила отвезти ее к Вам. Она чувствует себя исключительно хорошо, но в последнее время стала опять тревожиться ночью и, кажется, днем перестает быть самой собой.

Она постоянно требует, чтобы ее называли “Сусанной” (именем своей сестры), а не своим собственным именем, неизменно сосет большой палец на руке и проявляет явное безразличие и незаинтересованность в чем-либо. Вчера она опять позвала меня среди ночи. “Тебя что тревожит?” — “Я сама, я должна себя убить, но не хочу, потому что я такая красивая”.

Она говорила также о том, что желает моей смерти и хочет спать со своим отцом, “а потом я думаю: “Но мне нужна только *эта* мама”.

Она хочет привезти к вам Сусанну “потому, что доктор Винникотт — очень хороший целитель детей”.

Когда она занимается чем-то вроде рисования, ей очень быстро надоедает, и тогда она все перемазывает и разбрасывает. Она любит убираться и приводить все в порядок”.

Письмо родителям от доктора Винникотта

“Меня очень удручает то, что я не могу незамедлительно найти время, чтобы принять Габриелу. Этот семестр для меня очень трудный. Вы можете сказать ей, что я обязательно ее приму, но только не сейчас. Не стесняйтесь, звоните или пишите мне, если вам покажется, что я забыл. Сердечный привет Габриеле”.

Письмо от родителей

“Габриела просится к Вам на прием очень срочно и, кажется, в последнее время находится в таком угнетенном состоянии, что мы решили сообщить Вам об этом.

Позавчера вечером она потребовала от нас посмотреть расписание вечерних поездов в Лондон, чтобы поехать к Вам на прием, “потому что я больше не могу ждать”.

Она все больше не хочет ложиться спать. Объясняет это, в частности, тем, что не хочет расти, чтобы не становиться большой и не иметь детей (это новое — раньше она хотела детей). Однако в последнее время не хочет спать, потому что “я хочу чувствовать себя живой”.

Постоянно сосет большой палец и вообще кажется грустной и неестественной. Просыпается очень рано утром и ночью, одолеваемая тревогами из-за “черной мамы”.

Пришлось пообещать Габриеле, что мы Вам напишем; мы чувствуем, что надо что-то делать, чтобы помочь ей. Посылаем рисунок, который Габриела велела срочно Вам отправить, сделан сегодня утром”.

Письмо от родителей

“С большим облегчением узнали, что Вы сможете найти время для Габриелы. Сообщение о том, что она поедет к Вам на прием, кажется, явилось для нее большим событием. “Я смогу тогда высказать все свои тревоги, но времени не хватит”. Все это утро она больше не сосала свой большой палец.

Нам хотелось бы рассказать Вам об одном особом беспокойстве по поводу Габриелы, но мы не очень хорошо представляем, как это выразить. Кажется, у нее есть трудности с идентичностью. Она отрывается от себя, категорически отказываясь при-

знать, что укусила Сусанну в попку; или утверждает, что она *и есть* Сусанна, требуя не называть ее собственным именем, делая лужи на полу и хныча.

К тому же, появилась такая сторона ее личности, которая кажется столь поразительно зрелой, что, возможно, наша реакция на ее поведение мешает ей совместить эти разные стороны.

У нее сейчас сильный кашель и насморк. Надеюсь, что привезти ее можно”.

Примечание матери

“Мне совсем не ясно, почему у нее появились такие трудности с идентичностью и почему ей надо быть мамой или Сусанной, а не Пиглей. Когда она вытирает *свой* нос, она говорит о насморке у *Сусанны*. И я помню, что даже в то время, когда она откликнулась на свое собственное имя, она говорила людям, как *Сусанна* себя чувствует, когда ее спрашивали, как *она* себя чувствует. Я думаю, не связано ли это с тем, что она рано от Вас уехала и заявляла: “Я передала мои плохие тревоги доктору В. и взяла хорошие тревоги себе” или что-то в этом роде”.

ДЕВЯТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

29 января 1965 года

Габриела (сейчас ей три года и четыре месяца) сразу пошла в комнату к игрушкам, оставив своего отца в приемной.

Габриела: Я видела его раньше несколько раз [она взяла одну из плюшевых зверюшек из общей кучи мелких игрушек; потом взяла несколько поездов.] Это можно устроить на платформу; Сусанна иногда так волнуется по утрам. Я позвала взрослых: “Сусанна волнуется!” Она говорит: “Моя большая сестра встала”. Она будит маму и папу ночью; маленькое чудовище. Мама! Папа! Ей ночью надо бутылочку! [Она почти предлагала мне Сусанну вместо себя.]

Все это время Габриела играла с игрушками: “У этой нет ничего, чтобы можно было прицепить к ней что-нибудь” (показывает мне платформу без крюка). “Это все красиво”... Взяла что-то из общей кучи. Я сказал: “Глазная ванночка” (это была та самая голубая глазная ванночка “Оптрекс”, которой она всегда интересовалась. Габриела вытаскивала игрушки из корзины. У нее был ужасный насморк, и ей нужен был платок, который я приготовил для нее. Но в ее речи все это смешалось с разговором о платформах. Вытирая свой нос, она сказала: “У Сусанны сильный насморк”.

Я: Наверно, завтра я буду чихать.

Габриела: Ты будешь завтра чихать. Я знаю, мистер Винникотт, пристрой это сюда.

Я объяснил ей, что она пытается соорудить что-то из множества частей, а это значит пытаться сделать единое целое из Сусанны, Винникотта, мамы и папы. У нее внутри существуют отдельные вещи, но она не может объединить их в единое целое.

*Развитие
концепции
о целостных
объектах*

Теперь она пела, когда тянула поезд, и схватила бечевку, которая запуталась вокруг одного из деревянных паровозиков. Сказала что-то об узелке и заставила меня помочь ей распутать его.

Габриела: Кусочек бечевки. Надо ее привязать. [Она говорила сама с собой].

Мы решили, что Сусанна на самом деле маленькое чудовище. Мы называем ее миссис Болталкиной. Саймон и король Кидалкин* крутятся и крутятся вокруг камина; а маленькая девочка печет каштаны. У девочки на это уходит много времени [очевидно, это замечание отца насчет Сусанны].

О черной маме. Она приходит каждую ночь. Я ничего не могу поделывать. С ней очень трудно. Она забирается в мою кровать. Ее не разрешают трогать.

“Нет, это моя кровать. Она у меня будет. Мне надо в ней спать”. У папы и мамы кровать в другой комнате. “Нет, это *моя* кровать. Нет! Нет! Нет! Это *моя* кровать”. Это черная мама. Где-то играет джаз. Два турчонка [очевидно, опять чье-то замечание относительно обоих детей]. Папа может сказать, что я мерзкая.

Я: Что такое мерзкая?

Габриела: Это когда капризничают. Иногда я капризничаю. [Здесь речь пошла о том, как она ехала на поезде в Лондон.] Мы ехали под землей.

---

*Детский стишок:

“Старый король, сэр Саймон,
И юный сквайр, сэр Саймон,
И старая миссис Болталкина
Гоняли вокруг камина
Мистера Кидалкина”.

Смотри! [Она схватила плюшевую зверюшку.] Сусанна грустила, когда Габриела уезжала в Лондон. Ой! [певучим голосом] Когда моя большая сестра вернется? Я нужна ей, чтобы помочь, когда она идет на горшок. Сегодня утром я открыла туалет; она пришла ко мне; хотела, чтобы я сняла что-то, чтобы сходить по-большому. Каждую ночь у меня большое беспокойство. Это из-за черной мамы. Я хочу свою кроватку. У нее такой нет. Плаща нет, так что я промокну. Она не заботится о своих маленьких девочках.

Я: Ты говоришь о своей маме и о том, что она не умеет о тебе заботиться.

Габриела: Мама-то знает. Это мама с очень страшным черным лицом.

Я: Ты ее ненавидишь?

Габриела: Не знаю, что со мной происходит.

Боже мой! Меня выталкивает из кроватки черная мама, а у меня такая хорошая кроватка. “Нет, Пигля, у тебя нет хорошей кроватки” [здесь она “внутри” опыта]. “Нет, Пигля, у тебя нет хорошей кроватки”. Она сердится на маму. “У тебя такая ужасная кровать для этой ужасной девочки!” Я нравлюсь черной маме. Она думает, что я умерла. Страшно [смысл по необходимости затуманен]. Глупо [?] меня видеть. Она ничего не знает о детях или малышах. Черная мама ничего не знает о малышах.

Я: Твоя мама ничего не знала о малышах, когда у нее родилась ты, но ты научила ее быть хорошей матерью для Сусанны.

Габриела: Сусанна очень грустит, когда я ухожу в магазин, и очень рада, когда я возвращаюсь. Ой, мама, мама, мама! [она сказала это с большой печалью в голосе]. Мне не нужна красивая большая сестра, которая может поцеловать меня, когда ей грустно и на прощание. У тебя игрушки сзади. Их трудно достать. Вот несколько домиков. Сусанна разбудила меня однажды ночью.

Я: Ах, какая зануда!

Отщепление хорошей матери от плохой матери

Опыт ныне утраченного контакта между собой и хорошей мамой (до появления сестренки). Опыт утраты, память о хорошем опыте

Габриела сцепляла один паровозик с несколькими платформами, но это у нее получалось с трудом, потому что они друг к другу не подходили. И тут наступил длительный период неопределенной деятельности и, возможно, у меня самого в течение этого периода было несколько сонливое состояние из-за того, что не происходило ничего определенного (записи, относящиеся к этому периоду, страдают изъянами, свидетельствующими о моих собственных трудностях). Она бормотала что-то о поездах, что-то о колесах, а потом сказала: “Мне холодно. У меня были перчатки”. Отключенность Габриелы порождала неопределенность материала и, в свою очередь, мою собственную отключенность. В некотором смысле я “принял” ее проекцию или “подхватил” ее настроение. Здесь я определенно заметил, что был в сонном состоянии, но у меня нет никакого сомнения в том, что я вернулся бы в состояние бодрствования, если бы что-нибудь происходило. Этот смутный период закончился тем, что Габриела велела мне нарисовать тигра на желтой электрической лампочке.

Габриела: Славный. Я такого видела раньше. Покажу папе. Мама долго не хотела ребенка, а потом она хотела мальчика, а получилась девочка*. У нас, у меня и у Сусанны, когда мы станем взрослыми, будет мальчик. Нам придется найти папу-мужчину, чтобы выйти за него замуж. Вот какие-то ботинки. Вы слышали, что я сказала, мистер Винникотт? У меня славные платформы для багажа.

На этом этапе я сделал некую интерпретацию о ней в положении мальчика относительно Сусанны в эдиповом треугольнике. Она продолжала: “Это моя кровать, так что я не могу ехать на поезде к

---

*Примечание матери: Габриела знала, что когда она родилась, мне было все равно, мальчик будет или девочка, но, когда у меня уже была девочка, т.е. когда родилась Сусанна, я хотела мальчика.

доктору Винникотту. Нет, ты не хочешь ездить к доктору Винникотту. Он в самом деле знает про плохие сны. Нет, не знает. Знает. Нет, не знает”. (Это был разговор между ней и другой ее частью). “Он не хочет, чтобы я от нее избавилась”.

Я говорил о черной маме как о сне, пытаюсь объяснить Габриеле, что черная мама относится к области сновидений и что при пробуждении мы имеем дело с противостоящими друг другу идеями — о черной маме и реальных людях. Пришло время, когда мы могли говорить о снах, вместо того чтобы говорить о внутренней реальности, ошибочно представляемой в качестве “действительно существующей” внутри.

Габриела: Я лежала совсем тихо со своим ружьем. Пыталась ее застрелить. А она просто ушла. Ты знаешь, что люди со мной делают? Я спала. Я не могла разговаривать. Это был только сон.

Я: Да, это был сон, а во сне была черная мама.

Я спросил, хочет ли она, чтобы плохая мать была реальным человеком или человеком во сне.

Габриела: Знаешь, по ТВ показывают людей, которые стреляют? [Здесь она “стреляла”, многократно втыкая палец в дырку, проделанную в животе олененка]. Не знаю, почему от этого получается такой забавный шум. Кто-то напихал ей внутрь солому. Она плачет. Она не готова делать детей. Ты получил открытку, которую я тебе послала? Я ничего не хотела сказать. Знаешь, что у меня есть? У меня есть несколько костей домино для ... [Она назвала имя маленького мальчика, который жил по соседству. Играла с корабликами]. Кто-то стреляет, поэтому они не могут встать. [Она взяла зеленую платформу]. Вот красивый цвет [она издала музыкальный звук]. Сусанна иногда меня щекочет.

Затем Габриела сказала что-то похожее на “Гаггаур”. Это было связано с разговором между ней

и Сусанной: “Что это?” (Это была часть забора). *Тревога, относящаяся к пока еще неясной теме*

Легко было бы предположить, что она была недовольна мной из-за моей сонливости, но фактически, вероятно, что весь этот эпизод (даже включая мою сонливость) был связан с большой тревожностью Габриелы, делавшей ясное общение невозможным. *Тревога, несомненно, имела отношение к снам о черной маме.* Я спросил ее о снах, и она сказала: “Мне приснилось, что она умерла. Ее там не было”. В этот момент она сделала нечто такое, что, я уверен, имело большое значение, что бы оно ни символизировало. Я могу судить об этом по тому факту, что изменился весь характер сеанса. Получилось так, будто все остальное было оттеснено на второй план, для того чтобы могло произойти это. Она взяла голубую глазную ванночку и стала совать ее в рот и вынимать изо рта, производя при этом сосательные звуки, и можно было сказать, что она испытывала нечто очень похожее на общий оргазм. *Это значительное явление во всем опыте поведения ребенка в обстановке проводимого психоанализа*

Габриела: Я ее очень любила. Ба-а! Это мило. Кто стрелял в маму? У мишки было ружье, но оно сломано. Черная мама — это моя плохая мама. *Мне нравилась черная мама.* [Это был сон, сообщенный в форме игры. Она продолжала говорить о славной платформе.] Давай еще играть. *Черное теперь становится отрицанием священной или белой, или идеализированной мамы доамбивалентной эпохи, матери в качестве субъективного объекта*

В этот момент я сказал, что пора заканчивать. Иными словами, в течение этого часа состояние тревоги было в определенной мере преодолено — это был новый этап в достижении амбивалентности.

Вечером родители позвонили мне и спросили, что я могу им сообщить. Я сказал, что этот сеанс трудно было понять, но все указывало на то место, где была убита мама. В этих условиях черная мать — это утраченная хорошая мать. Случай с глазной ванночкой и оргазменным ощущением,

видимо, указывает на то место, где Габриела обнаружила пропавшую хорошую мать вместе со своей собственной оргазменной способностью, которая, очевидно, была утрачена с хорошей матерью.

Примечание

Теперь в памяти встает образ настоящей матери, съеденной оргазменным путем и также застреленной в амбивалентности, заменяя тем самым более примитивное расщепление на хорошую мать и черную мать, которые взаимосвязаны в силу расщепления между субъективным и тем, что воспринимается объективно.

Через несколько дней родители позвонили и сообщили, что в девочке произошли очень большие перемены. Она стала “более полноценным человеком и душевным ребенком”. Теперь она играет со своей маленькой сестрой и меньше страдает от мании преследования. В результате и сестренка на нее так не нападает. Она стала ласковой со своей матерью и может играть с ней гораздо больше, чем раньше. Внезапно она сказала: “Я отдала свои дурные тревоги доктору Винникотту, а от него приняла хорошие” (выгадывая на новом размежевании идентичностей).

Это улучшение продолжалось три недели. Потом девочка опять начала тревожиться из-за черной мамы. За эти три недели произошло такое большое улучшение, что родители воспряли духом. Физически девочка болела, но несмотря на это, у нее было больше живости, чем раньше, и она играла с сестрой. Она говорила: “Когда у Винникотта день рождения? Хочу послать ему подарок, только не надо его заворачивать”. Однажды она сказала матери: “Ты становишься черной мамой, когда сердишься”. Однако в глубинном смысле черная мама — это первородная хорошая или субъективная мама.

Заворачивать для нее означало бы скрывать его при помощи защитных механизмов, как скрывается смысл ее игры, когда она отключается.

Комментарий

(Сильный насморк)

1. Сложности с внутренними объектами или объектами ее текущего опыта с точки зрения внутренней психической реальности.

2. Черная мама: соперничество из-за кроватей, концепция собственной “мерзости”.

3. Черная мама как отщепленная версия матери, та, которая не понимает детей или та, которая понимает их так хорошо, что ее отсутствие или утрата все делает черным.

4. Положительный элемент в черной маме. Печаль, выраженная в словах “мама, мама, мама” = память.

5. Штилевая полоса в собеседовании: взаимная.

6. Черная мама теперь в терминах сновидений: грезы.

7. Память, превращающаяся в эротический оральный опыт с оргазменным качеством.

8. Смерть *любимой* черной мамы (застреленной). В этом выражается злость на утраченную маму: в сочетании с альтернативой злобного поглощения.

9. Подарок для доктора В. — незавернутый, т.е. открытый, ясный, очевидный (ребенок).

Письмо от родителей, написанное матерью

“Габриела хотела бы, чтобы я Вам написала и попросила о приеме. Как часто бывало, она не сказала мне, какие у нее причины, но, кажется, она считает это срочным делом. Ее просьба была высказана в мой день рождения, вечером; казалось, Габриела была очень расстроена, что это не ее день рождения, хотя она сделала все, чтобы он прошел успешно; она несколько раз подходила ко мне, чтобы стукнуть меня с притворной серьезностью, и не могла спать “из-за моего дня рождения”.

Нам казалось, что Габриела чувствовала себя очень хорошо со времени последней встречи с Вами; она производит впечатление гораздо более окрепшей и уверенной в себе.

Единственный отрицательный момент, о котором, думаю, я могу сообщить, — это сосание большого пальца, а также то, как она привлекает к себе внимание взрослых выкрикиванием глупостей и общим возбуждением; с детьми она застенчива.

Связь сосания пальца с оргазменным ощущением объекта

К своей маленькой сестре она относится с выдержкой и пониманием до такой степени, что мне иногда стыдно.

Чувствую, что не сказала Вам на этот раз ничего действительно важного; ее собственная жизнь — очень личная, все переживает сама в себе.

После того, как это письмо было написано, Габриела сделала для Вас два рисунка, которые мы прилагаем. На конверте надпись: “Мистеру Винникотту с любовью”.

Письмо от матери

“Габриела уже совсем не та, что была раньше. Кажется, она стала гораздо более цельной натурой, хотя это порой достигается, видимо, ценой ее определенной твердой решимости.

Она хотела очень срочно попасть к Вам на прием. “Как привезти на прием к доктору Винникотту детей? Я хочу привезти Сусанну”. Мы не знаем, насколько Сусанна стала частью самой Габриелы. Она все время говорит о Сусанне, особенно о ее дерзости и озорстве, даже когда ее спрашивают о ней самой.

Главное, что вызывает беспокойство, это частое меланхолическое сосание большого пальца на руке и приступы безрассудной деструктивности. В отличие от своей сестры, Габриела не совершает разрушительных действий походя; она с дотошной аккуратностью относится к своим вещам, беспре-

Обуреваемая отщепленной необузданной агрессивностью

станно перебирает и моет их. Деструктивность, кажется, нападает на нее внезапно, и она начинает все ломать и рвать на части, совершенно, можно сказать, бесстрастно, просто с непоколебимой решимостью.

Но в то же время она сейчас играет сознательно гораздо больше, чем бывало прежде”.

ДЕСЯТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

23 марта 1965 года

Габриелу (теперь ей три года и шесть месяцев) привез отец, и я заставил ее немного подождать. Она несколько раз повторила: “Иди назад к своим куколкам”. Принялась за дело, как обычно, сидя вместе со мной на полу, и все время болтала. Что-то вроде “Сусаннина книжка в поезде. Моя любимая книжка. Натали Сусанна — красивое имя. Итальянское. Я — Дебора Габриела”.

Ей нравилось выговаривать эти имена*. Она сидела посреди игрушек, взяла одну из них и сказала: “Ой, что же это такое? Всякие вещи, которых у меня нет...” и принялась сцеплять платформы: “Так много игрушек. Боже мой, какая масса игрушечек” (Со времени первого приема я не добавил никаких игрушек, кроме глазной ванночки “Оптрекс”, как уже сообщалось).

Габриела говорила сама с собой и была очень довольна. Продолжала говорить: “Ой, что же это?..” Взяла другой поезд и стала соединять вагоны.

В этот момент я высказался в том смысле, что она соединяет себя со мной.

Габриела: В поезде... яблочный сок... Нам всем было очень весело в поезде. Это был длинный, длинный поезд. Вот такой длинный [Она описала рукой дугу, чтобы показать его длину].

Я: Большое расстояние связано со временем, которое прошло после твоего последнего приезда,

---

*Ср. оргазменное оперирование объектом с помощью рта во время последнего сеанса.

а у Габриелы уходит много времени, чтобы узнать, жив я или нет.

Это, кажется, послужило для нее неким ключом.

Габриела: У тебя когда день рождения? Я хочу сделать тебе подарки.

В этих обстоятельствах я счел возможным увязать рождение со смертью.

Я: А как насчет дня моей смерти?

Габриела: Посмотрим, что мы сможем для тебя приготовить. Мама написала письмо во Францию; туда надо добираться три часа, почти целый день.

Я: Если я умру, будет еще дольше.

Габриела: Ты не сможешь его открыть, раз умрешь. Это ужасно.

Потом она сказала что-то в том роде, что это нечто выстреливающее, какая-то бандероль, перевязанная бечевкой. Кладете ее, и из нее выстреливает порошок; он очень опасный; они умирают, только если их укусит змея. Она так или иначе продолжала тему смерти (это у меня точно не записано).

Габриела: Страшно. Змеи страшные. Но только если их тронуть. Тогда они кусаются. Мама как-то пошла в зоопарк, а там был попугай, который сказал: “Привет, дорогая!” [Она произнесла это очень забавно, как попугай].

Я: Ты хочешь сказать, в зоопарке еще что-то было, например, змеи.

Габриела: Я сказала папе: “Они ядовитые?” Я хотела протянуть руку и погладить ее, но папа оттащил меня. [Сказала что-то насчет маленькой девочки.] По ее лицу можно было сказать, что она счастлива.

Я: А ты счастливая девочка?

Сталкивается с концепцией карательного объекта, имеющего отношение к оральному садизму и амбивалентности

Габриела сказала что-то насчет Сусанны.

Габриела: Я хочу уничтожить, если я что-нибудь построю. А она не хочет так делать. У нее бутылочки с сосками. Я начала было ее кормить, но она ушла и не дала мне. Она милая маленькая малышка.

Я: Иногда ты в нее стреляешь.

Габриела: Нет, иногда у нас с ней мир.

Я: Это одна из причин, по которой тебе нравится *Тревога,*
сюда приезжать, чтобы от нее избавиться. *связанная с удо-*

Габриела: Да. Я не могу долго здесь оставаться, *вольствием от*
потому что мне скоро обедать; так что можно мне *общения со*
приехать в другой день? *мною и от моих*
игрушек, к

Таким образом она проявляла свою обычную *тому же осво-*
тревогу по отношению к жизни, обособленной от *божжение от*
Сусанны, и возможности иметь “исключительное *Сусанны*
право” общения со мной, что для нее так важно.

Она продолжала: “Прости, что мы приехали немножко раньше, это потому, что я не могла больше оставаться дома, потому что я очень хотела поехать к мистеру Винникотту. Сусанна ужасно хочет поехать к мистеру Винникотту. Она говорит: “Нет! Нет! Нет! Нет!”; вместо “да” она говорит “нет” и просыпается ночью. Она будит всех малышей. Это ужасно. Меня она не будит. Я даже не слышу. Мне ее еле слышно. Она говорит? “Мама, мама бледно-желтая, папа, папа бледно-желтый, мама, мама, цыпленок, кожа да кости”?”

Габриела ставила домики, как слова, в ряд, и с одной стороны башенку. Я думаю, это был поезд. Она комментировала: “Собакам не разрешают есть косточки, потому что у них внутри осколки”. При этом она терла свою руку под колесами поезда так, будто демонстрировала то, что она делает себе. Она сказала: “Очень больно. У тебя есть собака?” *Склонность к*
мастурбации*

---

*См. письмо от матери сразу после “Второй консультации”

Я: Нет.

Габриела: У бабушки есть, ее зовут “Банни”*.

Она разложила игрушки разрозненно, отдельно одну от другой**. Я указал ей на это, и она сказала: “Да”, и еще что-то вроде: “Соберем опять”. Она дотронулась до моего колена, но тут же отпрыгнула, сказав: “Мне надо выйти к папе. Я вернусь. Хочу принести свою куклу”. Это была очень большая кукла, ее звали “Франсис”. Она принесет ее мне, чтобы пожать руки. Ласкала мой ботинок. Тревога выражалась одновременно с нежными соприкосновениями. В этом смысле отделение каждого объекта от всякого другого было защитой. Соприкосновение со мной было главным и в связи с этим возникли различные виды вины — вины в том, что нет Сусанны, вины за разрушение найденного объекта — так что за этим отделением одного объекта от другого существует, можно сказать, внутренний хаос, состоящий из откусанных частей объекта.

Отделение одного объекта от другого, наряду с противоположным явлением: столкновением одного с другим

Габриела: Однажды вечером я видела плохой сон. Сон был о... Я закрыла глаза и увидела прекрасного коня. Его звали Жеребец. У него было золото на ушах и на гриве. Он такой красивый. Золото, красивое, сверкающее золото. [Она положила руку между ногами]. Красивый конь приходил и топтал пшеницу [она объяснила, что пшеница — это что-то вроде кукурузы].

Описание сновидения

Я: Ты описываешь такую картину, что папа лежит на маме и они делают новых малышей, что-то такое, что имеет отношение к любви.

Габриела: Да.

Я: Возможно, там, где у мамы волосы [о пшенице].

---

*Англ. Bunny, ласк. “кролик”.

**Ср. отдельные игрушки на ее стороне линии, когда она устанавливала свою идентичность; см. “Седьмую консультацию”.

Потом она сказала что-то о том, как она ходила в папину и мамину комнату, чтобы, ложась между ними, не дать коню топтать пшеницу. При этом она добавила: “Иногда мне разрешают остаться на ужин”, воспроизводя таким образом картину реальной обстановки, в которой она помешала коитусу, и обстановки, в которой Сусанна исключена: Сусанна — это действительно такое осложнение, которое она допустить не может.

Габриела: Нам нравится сидеть и не спать, но утром мы из-за этого устаем. [Поднимает маленькую фигурку]. Этот дядя не может сесть. Папа [ср. Жеребец] красивый.

Игрушки у Габриелы теперь были расставлены иначе, все деревья и фигурки стояли, и эта расстановка создавала общее ощущение жизни.

Габриела: Папа красивый. У нас дома на стене висит картина, где идут два человека, а один просто стоит.

Я сравнил это со сном, в котором что-то топчет что-то.

Я: Ты приехала, чтобы рассказать мне о жеребце, который топчет пшеницу.

Работа в ходе сеанса

Габриела переставила игрушки так, что получился длинный изгибающийся ряд домов и другая длинная линия домов, которая, казалось, упиралась прямо в изгиб. Она сказала что-то насчет Сусанны, которая все ломает, и таким образом использовала Сусанну для проекции своих собственных нежелательных разрушительных идей.

Габриела: Сусанна открывает дамские сумочки, вынимает пудру и нюхает ее, а еще мешает маме, когда она одевается. Это ужасно.

Я: Из-за этого ты хочешь в нее стрелять.

Габриела: У мамы есть красивая статуэтка.

Габриела поставила “собаку” (барашка) стоя и при этом взяла еще одну плюшевую “собаку” (олененка) и стала выжимать из ее живота опилки, продолжая таким образом свою разрушительную деятельность, которой занималась во время последнего сеанса. Она весьма целенаправленно всунула в него палец и вытащила набивку, которая рассыпалась по полу. Ее волнение выразилось в том, что она пошла к отцу просить его не звать ее: “Ты готова?”

Я: Сегодня ты приехала, хотя тебя не звали.

Казалось, она была довольна, как будто что-то было исправлено, и снова принялась расставлять игрушки на ковре. Потом заговорила о какой-то тайне, а руки при этом положила между ног.

Габриела: Дорогой мистер Портер. Я читала “Для всех” и дошла до Круи. Буду читать в поезде. Понесу мистера Круи.

Она переставляла игрушки, располагая их по порядку, и повторяя: “Читала “Для всех” и дошла до Круи”*.

Габриела: Не жди меня. Еду в Алабаму с банджо на коленях. Прекрасная музыка.

Некоторые мелодии я мог распознать. Она пела со счастливым и беззаботным видом, привнося и свои собственные вариации.

Габриела: Не передашь ли мне что-нибудь? Он делает б-р-р-р [что означало испражнения].

И она высыпала из живота олененка все опилки, сколько смогла достать.

---

*“Ах, мистер Портер, что делать я буду? Читала “Для всех” и дошла до Круи” (из рекламного куплета, который был популярным перед первой мировой войной).

Габриела: Погляди на него!

Я: Он сделал много б-р-р-р в корзинку и на ковер. *Это знаменует*

Габриела: Извини. Ты против?

Я: Нет.

Габриела: Пахнет же.

Я: Ты выдаешь его тайны. У него еще есть б-р-р-р. *Это знаменует*

Габриела [некоторое время спустя]: Пора ехать? *окончание бег-*

От Пигли ужасный запах.

Я: Издавать запах значит выдавать тайны [она положила немного б-р-р-р в тягач, в вагоны и повсюду]. Золотая вещь [объединяя это с картиной]. *ства от кишеч-*

Габриела собрала все игрушки вместе, в кучу.

идеи взрослых и их способности рожать настоящих детей, т.е. принятие того, что находится внутри, между едой и дефекацией

Я: Теперь они все в контакте друг с другом и ничего отдельно.

Она сказала что-то насчет выпотрошенной “собаки” (олenenка). *Контраст с отделенностью*

Габриела: Будь добр к нему. Давай ему столько молока и еды, сколько ему нужно.

Я: Тебе теперь скоро надо ехать.

Габриела: Мне придется уезжать сейчас [она впикивала опилки в вагон]. Я заберу один поезд. Сейчас нам надо ехать. Я все-таки оставлю Вам весь этот беспорядок.

Она оставила также свою очень большую куклу Франсис, но потом вернулась за ней, застав меня (преднамеренно) по-прежнему сидящим на полу среди весьма значительного беспорядка, который она наделала. Никакого поезда она с собой все-таки не увезла.

Комментарий

1. Легкость восстановления отношений, целенаправленно выраженная в игре.

2. Мой день рождения. Интерпретация: день смерти.

3. Разделенность (отдельные игрушки) и соединение со стуком и громом.

4. Чувство вины из-за разрушительных импульсов по отношению к хорошему объекту.

5. То же самое в связи с сексуальными отношениями между мужчиной и женщиной.

6. Отождествление с мужчиной, садизм по отношению к животу и груди (емкость).

7. Тайные запахи и беспорядок; золотое и прекрасное.

8. Внутреннее содержание, освобожденное от выполнения двойной обязанности — т.е. от представления (обманчивого) ее внутренней психической реальности, которая теперь передается в форме сновидения.

Письмо от матери

“Габриела хотела бы снова попасть к Вам на прием; она уже некоторое время назад просила меня узнать, не могли бы Вы принять ее, а я несколько затянула с этим сообщением Вам.

В каком-то отношении она, кажется, хорошо себя чувствует — начала ходить в детский сад на два с половиной часа каждый день, и это ей нравится. Она играет не столько *с* детьми, сколько *рядом* с детьми, и это ее устраивает. Однако у нее много тревог, и мы чувствуем, что ей зачастую трудно дается использование всей себя, часть ее как бы остается скованной и замороженной.

Опишу Вам тот день, который побудил Габриелу срочно попросить о поездке к Вам на прием, просто, может быть, это прольет какой-то свет.

Накануне вечером она попросила дать ей пососать грудь. Габриела просила об этом уже несколько раз, а я все оттягивала, а тут разрешила. Она сосала с большим наслаждением разными способами и в разном положении, иногда с опасениями, что она меня кусает.

Ночью после этого она видела очень плохой сон, из-за которого ушла из своей комнаты, и наутро ее нашли рыдающей под ковриком на кушетке. Она спросила меня, есть ли груди у ведьм. Сказала, что она такая дрянная, что когда вырастет, станет разбойником, а Сусанна будет главарем разбойников.

Вечером она спросила меня, длинная ли у меня пия. Думает, что да. Я сказала, что я такая же женщина, какой и она будет. “Наверно, ты носишь юбки и блузки”, — сказала она с сомнением. Я спросила, откуда, по ее мнению, у меня длинная пия. “От папы”. — “А у папы?” — “От студентов”. “Можно мне к доктору Винникотту?” А попозже: “Это *доктор* Винникотт? Он делает людей лучше?” — “Разве он тебя не делает лучше?” — “Нет, он просто меня слушает. Он меня лучше не делает”.

Недавно, когда мы уезжали, она спала в соседней комнате, а дверь выходила в нашу. Это вызвало у нее очень большое возбуждение и доставляло массу беспокойства.

Письмо от матери

Спасибо Вам за назначение дня приема для Габриелы. Она уже несколько раз за последнее время собиралась ехать в Лондон к Вам на прием, и ее с трудом удавалось убеждать, что нельзя ехать к Вам просто, когда она захочет.

Внешне кажется, что во многих отношениях она чувствует себя хорошо, но часто бывает подавлена. “Нет, я не устала, мне просто грустно”. Если к ней пристают с вопросами об этом, она говорит, что это из-за черной мамы, но больше ничего не говорит.

В последнее время без конца были разговоры и рассуждения о “малышках”.

ОДИННАДЦАТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

16 июня 1965 года

Габриелу (теперь ей три года и девять месяцев) привез отец. Она вошла в таком состоянии, которое можно было бы назвать застенчивым восторгом. Сразу, как обычно, направилась к игрушкам; без умолку говорила весьма гнусавым голосом, начав так: “Позавчера вечером я проснулась, и мне приснился сон о поезде. Я позвала Сусанну, она в соседней комнате. Сусанна, кажется, понимает. У нее был день рождения, и ей теперь два года”. Она продолжала играть с поездами, приговаривая при этом: “А теперь нам нужен вагон, потому что поезда без вагонов не бывают. Сусанна лучше понимает”. (Имеется в виду лучше чем, Д.В.В.).

Габриела: Она говорить не умеет.

Я: А если бы я не говорил, было бы лучше?

Габриела: Лучше всего, если бы ты слушал. [В *Ключ* это время она собирала части поездов].

Я: Так мне говорить или слушать?

Габриела: Слушать! Иногда мы с Сусанной бываем такие тихие, как мышки. Этот вагон сюда не подходит... [Один из крюков не входил в ушко.] У меня это очень долго получается. Мы видели поезд, у которых этого сзади не было.

Габриела гладила рукой паровоз, который поставила позади составляемого ею поезда. При этом она сильно пыхтела, возможно, из-за аденоидов и необходимости дышать через рот.

Теперь она потребовала, чтобы я помог ей справиться с трудным крюком, и мне действительно

удалось расширить ушко своими карманными ножницами. Когда я сидел к ней спиной, она сказала: “Доктор Винникотт, а у тебя голубой пиджак и голубые волосы”. Я обернулся и увидел, что она смотрела на все через голубой пузырек “Оптрекс”, ту самую глазную ванночку, которой она придавала такое большое значение во время своего последнего посещения (собственно, их теперь было две). Она снова принялась играть с поездом, откладывая в сторону те части, которые нельзя было сцепить из-за дефектов. При этом она шептала: “Пуф-пуф-поезд”; “Смотри, что это такое здесь... Да, это забавно!” И она положила еще две голубые чашечки “Оптрекса” на одну из платформ. У нее теперь получилось четыре ряда поездов; она приложила эти склянки к своим глазам и пропела: “Две корзиночки сидят на стене/ две корзиночки висят не стене”. Она очень мало отдавала себе отчет в том, что говорила, заканчивая свое пение воплем: “Десять маленьких котят пошли...”

Это означало перенос на меня в целом своих чувств в отношении ванночки “Оптрекс”. Идентификация с аналитиком

Она соединяла части поезда в один главный поезд и в это время шептала и что-то говорила сама себе, соединяя слова и иногда используя детские стишки.

Габриела: Салли ходит вокруг печного горшка в субботу вечером. Посмотри, какой это теперь длинный поезд.

Я: Что же ты говоришь мне теперь об этом поезде? [Я думал о своей роли слушателя].

Габриела: Он длинный [она повторила это несколько раз], как змея.

Я: Это как что-то большое у папы?

Габриела: Нет, змея. Змеи ядовитые, если ку-
саются. Если не высосать кровь, человек умрет. Она может укусить меня. Да, если я пошевелюсь. Если нет, она не укусит. Нужно быть очень внимательной [пауза]. Это очень длинный поезд [ищет другие товарные платформы]. Пуфа-пуф — бум — бум — бум, пуфа-пуфа-пуфа (поет), пыхтит, дует.

Здесь налицо набросок фелляции и орального садизма (см. ниже), появляющихся в форме проекции

Габриела запела снова: “Салли поставила чайник”, изменив последнюю строку на что-то вроде “Сусанна опять его сняла”.

Габриела: Сусанна не может сказать: “Все ушли”, и поэтому она говорит: “Се уфли”. Глупая она.

Я: Тебе когда-то было два года, а теперь тебе четыре.

Габриела: Нет, три и три четверти. Я очень большая. Четырех мне еще нет.

Я: Ты хочешь, чтобы тебе было четыре?

Габриела: Да-да. Ха-ха!

Она взяла поломанный круглый предмет и принялась играть с ним, напевая.

Габриела: Ладушки, ладушки, булочник, эй!
Испеки мне блинчик поскорей!

Я: Что за спешка?

Габриела: Ну, ведь нужно, чтобы он был готов до ночи, когда все лягут спать. Раскатать его и немного побить, сделать так, как должно быть. Поставить в печь, чтоб нам с Сусанной испечь [она повторила это, заменяя Сусанну мамой].

Я: Наверно, блины — это мамины груди?

Габриела: Да. [Она произнесла это не очень уверенно — возможно, я должен был сказать “ням-нямки”]. Получится? [Она пыталась что-то пристроить в конце поезда]. Не надевается.

Затем Габриела стала считать от одного вплоть до “одиннывадцати”, некоторые числа пропуская. *Похоже, что она вела счет состоявшихся до сих пор сеансов* Кульминация наступила при счете “восемь”, и все это относилось к длине поезда: “Сколько это будет, если я еще один добавлю? Девять? Нет, это будет четыре” (это казалось вздором). “Эй, сюда я не достану”. Она протянула руку мимо меня, чтобы добраться до плюшевого олененка, из которого она в прошлый раз вытряхнула почти все внутренности. Теперь она перенесла эту зверюшку позади всех

игрушек и стала методично опустошать то, что в нем еще оставалось, создавая значительный беспорядок. Она описывала свои действия, говоря о том, что собирает набивку из “собачки”, и разбрасывая ее по полу.

Габриела: Будет еще больше. Я высыплю пух. У него надо взять еще. Славно пахнет. Такой славный запах духов. Почему внутренности хорошо пахнут? Вот видишь, это из стога сена [Она собирала опилки в одну из глазных ванночек]. У соседского мальчика сегодня день рождения.

Девочка говорила, что его зовут Берnard, другого мальчика зовут Грегори и так далее. К этому времени на полу образовалась целая куча из опилок (или высушенного сена, или чего-то еще).

Габриела: Вот теперь кругом беспорядок. Ты меня видишь [она приложила глазную ванночку к глазу]?

Что-то грохнулось на пол.

Габриела: Это упало прямо на пол, и комната затряслась. Разбудить поезда, чтобы они снова пошли. Мы ехали на поезде. Лондон так далеко.

Я: Когда ты говоришь мне о поезде, ты хочешь сказать, что из его кусочков и состоит Пигля, три и три четверти; и еще — что это папина длинная штука.

Теперь это был очень длинный поезд (она соединила вместе вагоны и платформы). Манипулируя поездом, она подвинула его немного назад и сказала: “Наш поезд пошел назад” (т.е. поезд, на котором они с отцом приехали. Она выстроила поезд большой дугой). “Этому вагону нужна бечевка”.

Мы сделали так, чтобы она могла тянуть поезд. Она говорила о том, чтобы его привязать, и при-

думала игру слов со словом “кусака”, наверное, потому, что я использовал ножницы, чтобы откусить для нее кусок бечевки от целого клубка. Габриела сказала: “Большая пися; откусили; нет” (в этом месте неясно). Это было связано со сном о поездах. Я попросил ее рассказать мне еще что-нибудь об этом сне.

Габриела: Тянуть длинный поезд; ах! соскакивает! Пусть на что-нибудь наедет. Ох, боже мой! Теперь все сначала.

Она нарочно толкнула целый поезд, и он от этого толчка превратился в груды, развалившись подалее от нее и поближе ко мне. Во сне все началось снова.

Габриела: Жила-была ведьма, морская ведьма, женщина-ведьма, не мужчина-ведьма [игра слов]; ужасный хватун малышей. Не могу найти маленькую дырочку, чтобы продеть туда. У женщин две дырочки, одна чтобы писать, другая для деток. [При она взгромоздила поезд на конную телегу, как бы в насмешку]. Папа писает в девочкину дырочку; смотри, она соскакивает [это о трубе поезда].

Потом Габриела рассказала мне о детях, которые подкладывают камни на железной дороге. Один мужчина ужасно ушибся. Дети озорничали. Им это дело нравилось. Что они рассердились на папину писю?

Габриела: Да, это были люди, которые пытались работать на железной дороге, не машинист.

Она орудовала с рулем тягача, приговаривая: “Я сяду на сиденье тягача” (и она действительно села, хотя сиденье тягача было лишь примерно десять сантиметров длиной); “Я еду на нем” (тягач был под ней, поблизости от ее “девичьей дырочки”). Она направила тягач прямо к Д.В.В. “Не могу встать.

Он у меня встал”. В этот момент она очень быстро разыграла такую игру: сначала поставила тягач в направлении моего пениса, а потом быстро перешла в сторону груди (я знал, что она недавно видела груди своей матери и это на нее произвело сильное впечатление). Все это время она занималась игрой слов.

Габриела: Кувырк-кувырк, кап-кап, капает дождик, я слышу гром, я слышу гром. Кап-кап, капает дождик. А вот человек в очках [очки были у меня и у игрушечного человечка]. Он поедет на тягаче. Этот человек выглядит смешно.

Я сказал, что она смеялась надо мной, как над человеком, у которого вместо груди была пися. Она отогнула человечка назад и сунула палец туда, где у него должен быть пенис, и теперь, когда этот человечек был целиком в ее власти, сказала: “Нарисуй на электрической лампочке!”* Я нарисовал мужское лицо — она сказала что-то, в том числе и о “большой писе, как грудь”.

Власть над мужчиной: защита от тревоги относительно отщепенной мужской сексуальной функции

Габриела: Что это? Что это?

Я: Ты злишься на писю этого человека; считаешь, что ее не должно у него быть.

Габриела: Этот человек большой разбойник. Он ужасен.

Зависть к пенису

Я сказал, что она говорит о человеке, который использует свою писю ужасным образом для того, чтобы делать детей (что напоминало потрошение собачки).

И тут она весьма преднамеренно затеяла новую игру, расставляя дома в длинный ряд, а под углом к ним — другой ряд так, что образовался двор (пора было заканчивать, но она еще не была готова уезжать).

---

*См. Десятую консультацию.

Я: Что я сегодня слушал?

Габриела: Один из соседей говорит: “Ты расскажи мне, а я расскажу тебе”. *Хорошая шутка*

Она повторила это несколько раз, потому что это ее забавляло. Игнорировала мою просьбу о том, что ей надо уезжать домой, потому что она еще не закончила. Стала нарочно искать маленьких зверюшек и, когда нашла их, положила посредине созданного ею двора.

В этот момент я высказал свое главное толкование и, кажется, оно было именно тем, какое ей было нужно. *Главная работа в ходе этого сеанса*

Я: Этот человек — разбойник. Он ворует у матери ее груди. И потом использует украденную грудь, как длинную штуку (похожую на поезд), писю, которую он вставляет девочке в детскую дырочку и там разводит младенцев [по игре это зверята]. Поэтому он и не очень жалеет, что был разбойником*.

Теперь она уже вполне была готова ехать и пошла за папой.

Габриела: Нам бы надо уже ехать, потому что поезд будет нас ждать, и нам надо бы поспешить.

А когда отец попытался объяснить ей, что спешить некуда, потому что все равно придется ждать, отговорить ее было невозможно. Пигля выглядела очень счастливой, когда они с отцом уходили, и лишь совершенно обыденно помахала рукой на прощанье.

Комментарий

1. Д.В.В. должен слушать. Включает контроль над действиями Д.В.В.

---

*См. работу Мелани Кляйн о компенсации и мужской половой потенции.

2. Управление отщепленной мужской сексуальной функцией = боязнь пениса.

3. В том числе откровенная демонстрация зависти к пенису.

4. Интерпретация мужчины и его мужской сексуальной функции, включая сексуальную фантазию, т.е. конец отщепленной сексуальной функции.

5. В том числе компенсация мужчиной вины за агрессивное поведение (см. предыдущие сеансы и ее собственное подавленное состояние).

Письмо от матери

10 июля 1965 года

“Габриела опять просится к Вам на прием. Она чувствовала себя замечательно, но теперь вдруг впала в состояние уныния и скуки.

Меня беспокоит, в частности, то, с какой неистовостью она сама себя колотила после того, как я отругала ее за то, что она шумела и разбудила сестру. Она то ведет себя исключительно “хорошо”, то испытывает внезапную потребность в озорстве, чего бы это ни стоило. Ее сестру очень трудно выносить, когда она плачет, и она так переполнена злобой и удрученностью, в которых сама всех упрекает, что Габриела затыкает уши руками, если стоит на своем, но часто уступает. Они прекрасно ладят и совершенно стихийно делятся друг с другом любыми угощениями, шоколадками или печеньями.

Есть еще одна вещь, о которой я хотела Вам сказать. Это ее мысли насчет того, что она девочка. Габриела спросила меня, где та дырочка, через которую заходит ребенок, а потом спросила, хотела ли я тоже быть мальчиком; она очень хочет быть мальчиком, но не стала объяснять, почему. Говорит, что в школе “мальчики” ей не нравятся. Не знаю, какое это имеет отношение к тому, о чем

я сказала, но мы положили ключ от ванной комнаты не на свое место, и когда отец мылся, они влезли в ванную и как-то возбудились”.

Письмо от меня родителям

12 июля 1965 года

“Должен попросить Вас сказать Габриеле, что в настоящее время я не могу ее принять. Придется подождать до сентября*.

Я не испытываю абсолютно никакого отчаяния от того, как идут дела. Детям действительно приходится справляться со своими проблемами у себя дома, и я несколько не удивлюсь, если и Габриела сумеет преодолеть нынешний этап. Естественно, она думает ко мне приехать, потому что приезжала так много раз, и я, разумеется, ее снова приму, но только не сейчас”.

Письмо от матери

13 июля 1965 года

“Я только передаю просьбу Габриелы и не высказываю своего собственного мнения насчет ее потребности приехать к Вам на прием. Мне это почти невозможно определить, так как я слишком заинтересованное лицо.

Габриела пребывает в депрессии и много плачет, но я уверена, что в ближайшее время она вполне может выбраться из этого состояния и других проблем. Что же до того, найдет ли она в себе достаточно сил, чтобы конструктивно использовать свои возможности, то это действительно важно, однако я тоже не могу определить. Иногда она кажется мне немного неискренней, как бы не в своей тарелке из-за того, что не может полностью выло-

---

*Лето 1965 года было исключительно напряженным временем и включало период болезни.

житься, когда что-нибудь делает или говорит. Но, наверное, сейчас не время говорить Вам об этих долгосрочных заботах.

Прилагаю записку от Габриелы точно в соответствии с ее указаниями”.

Записка от Габриелы (под диктовку)

“Дорогой мистер Винникотт, дорогой мистер Винникотт, дорогой мистер Винникотт, надеюсь, ты чувствуешь себя хорошо (писать не умею)”.

Письмо от матери (два месяца спустя)

“Габриела сейчас, видимо, вполне пришла в норму, хотя я и не знаю, по какой причине. Она стала очень подтянутой и владеющей собой девочкой, часто благоразумно взвешивающей свои поступки.

Она любит детский сад, куда ходит на два с половиной часа каждый день, и очень хочет с кем-нибудь подружиться, но ей это трудно сделать, и она обычно играет одна, хотя играет со смыслом. Кажется, сама судьба заставляет Габриелу снова ограничиваться обществом своей маленькой сестры, и она с ней очень сблизилась.

Она стала гораздо благожелательней относиться ко мне, чем раньше.

Как всегда, я поражаюсь ее умению вникать в характер людей и ситуаций (включая и меня) и способности выражать это.

При упоминании Вашего имени ее лицо застывает, и она меняет предмет разговора. Именно так она прореагировала и сейчас, когда я сказала ей, что Вы звонили и спрашивали о ней (хотя обычно

я не упоминаю о наших телефонных разговорах). Через несколько минут после этого Габриела сказала мне, что думает, будто наша бывшая любимая домработница “Заинька” ушла потому, что Габриела ей разонравилась. Говорит также, что она не нравится ребятам в детском саду.

Примерно в конце июля — начале августа у нее было очень нелегкое состояние; она казалась очень удрученной и по полночи не спала. Сначала она не могла поверить, что Вы не можете ее принять. Ей постоянно снился сон о том, что ее мать и отца разрезали на мелкие кусочки и варили в каком-то сосуде; как только она закрывала глаза, этот образ возвращался, поэтому она старалась не спать.

Следующий разговор я записала 7 августа после того, как все это уже какое-то время продолжалось: “Опять этот сон, про разрезанных”. — “А ты не можешь попытаться собрать их вместе, сделать их лучше?” — “Нет, не могу. Они слишком мелкие, прямо осколки; и от кипятка мне больно. Такие мелкие, как эти маленькие штучки, от которых больно во рту. Я должна поехать к мистеру Винникотту, *доктору* Винникотту. Ведь он лечит больных людей? Я думаю, что он никого так не любит, как меня. У него там полно изящных вещей. Я не могу взять с собой Сусанну, она их ломает”.

На следующий день она сказала что-то насчет того, что ей удалось собрать кусочки вместе, но кто-то все время их растаскивает. Не знаю, какова конечная судьба этой фантазии; кажется, она просто утихла.

Через несколько дней Габриела объявила: “Боюсь, я не была такой хорошей девочкой, как сейчас. Я хорошая опрятная девочка; держу вещи в порядке”. Она упорно подчеркивает, что соблюдает опрятность (что некоторым образом является благом для такой неопрятной семьи, как наша). Думаю, что я передаю лишь очень поверхностный уровень картины”.

Письмо от матери (три недели спустя)

“Габриела несколько раз просила меня о поездке к Вам на прием. Понятия не имею, как срочно ей это нужно.

До этого она просила меня сказать Вам, что она на Вас сердится, и не просить о приеме. Когда я сказала ей, чтобы она сама Вам об этом сообщила или продиктовала письмо, она сказала, что стесняется.

В последнее время Габриела ведет себя очень деструктивно; срочно хочет натворить какие-нибудь “пакости” и гордо об этом объявляет. Обычно это выражается в том, что она рвет или режет что-нибудь на части или устраивает ералаш. В целом это нечто новое. Габриела гораздо меньше тревожится о вещах, я имею в виду, гораздо менее очевидно. Кроме того, она подолгу сосет большой палец и закручивает волосы, так что с ней явно что-то творится”.

ДВЕНАДЦАТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

8 октября 1965 года

Когда отец с девочкой (которой теперь было четыре года и один месяц) приехали на такси, я стоял у дверей. Отец прошел прямо в приемную, а я сказал “Привет, Габриела!” Она пристально взглянула на меня и потом сразу пошла в комнату, где, как обычно, под полкой были уложены игрушки. У нее была довольно тяжелая кожаная сумка, висевшая через плечо на кожаном ремешке. Удовлетворившись тем, что увидела меня, она села на пол и сказала: “Ну, посмотрим на игрушки”. Затем взяла барашка.

Габриела: У нас дома один такой есть. Извини, что мы опоздали, но поезд все останавливался и останавливался, а потом загорелся последний вагон, но, к счастью, никто не пострадал [очень повзрослому она это сказала]. А потом поезд долго, долго стоял. Поезда должны ехать быстро и не останавливаться, а этот останавливался.

Говоря это, Габриела составляла поезд, а потом играла и шепотом разговаривала сама с собой... Она сделала кучу из коротких поездов, а также лошади, вагона и тягача. Ее немного озадачило то, что у некоторых вагонов не было крюков для сцепки, и я слышал, как это недоумение выразалось в ее шепоте: “Не могу сцепить...” Но она либо как-то ухитрялась это сделать, либо больше не трогала.

Я на этот раз сидел на стуле, а не на полу (впервые), и как обычно вел свои записи. Было поразительно, что Габриела, как обычно, незамедли-

тельно прониклась доверием ко мне и к обстановке. Она представляла собой как бы иллюстрацию “способности быть одной в присутствии кого-то другого”, сидя на полу, играя, бормоча и очевидно сознавая, что я нахожусь тут же.

Я заметил, что она случайно задела мою ногу своим телом, когда нагибалась, чтобы достать новые игрушки. Этому не было придано абсолютно никакого значения, и она не отпрянула, когда это произошло. Точно так же Габриела ведет себя со своим отцом. Иногда она сидела почти на моем башмаке, довольно громко разговаривая сама с собой и издавая характерный для поезда шум. Через четверть часа она сказала: “Фу!” Это должно было означать, что было довольно жарко. Невзначай она прислонила голову к моему колену, совершенно естественно, не придавая этому никакого значения. Я по-прежнему ничего не говорил. Ее сумка все еще висела через плечо. Часто она держала одну руку на сумке, когда опиралась на другую.

Габриела расставила четыре длинных дома квадратом и один поставила в центр. Я знал, что это означает что-то важное и связанное с ее способностью выступать в роли вместилища, а кроме того, я увязал это в своем сознании с тем, что на ней сейчас висела сумка. Примерно в это же время она сняла с плеча сумку, а потом сняла джемпер, и все это время терлась о мое колено, пока я сидел на стуле. Сказала, что жарко, да так оно и было. Потом Габриела играла с тем, что осталось от поющего волчка. Это был первый признак легкой тревоги, хотя фактически в течение всего часа тревога не появлялась. Это выразилось в том, что она повернулась и посмотрела, как я пишу. Обломок волчка был одним из нескольких в куче игрушек, который сыграл важную роль в прошлом. Она высыпала все из другой корзинки, каждую мелочь отдельно, при этом говорила сама с собой, почти беззвучно шевеля губами, кроме отдельных слов, вроде “игрушек”. Потом она повернулась и улыба-

нулась, и я знал, что происходит что-то особенное. И в самом деле, она нашла ту самую старую электрическую лампочку, которая сыграла большую роль во время прошлых сеансов.

Габриела: Надень на нее юбку.

Я обернул лампу бумагой, получилась дама, и Габриела поставила ее на стоявший перед нами книжный шкаф.

Я: Это — мама?

Габриела: Нет.

Характерным для этого ребенка было то, что во время сеанса “да” и “нет” имели точное значение.

Я: Габриела хочет стать такой, когда вырастет?

Габриела: Да.

Было еще несколько соприкосновений со мной, и из того, что происходило, я смог заключить, что налицо тревога. Я видел, как она потирала пальцем автомобильчик. Я знал, что речь идет о мас-турбации, но по-прежнему ничего не говорил.

Габриела: Этот автомобиль — глупый автомобиль. Он едет то туда, то сюда, а он так не должен.

И стала вертеть его в руках. Потом взяла маленькую фигурку, которая у нее изображала женщину.

Габриела: Эта дама всегда ложится. Она ложится, и опять ложится, и опять.

Я: Это — мама?

Габриела: Да.

Я попытался выудить побольше информации, но безуспешно. Она продолжала играть, а потом сказала: “А что это у нас здесь?” Она говорила сама с

собой: “Можно мне это... и это... и это?” А потом сказала нескольким зверюшкам: “Вы вставайте”. В отношении одной из зверюшек употребила слово “черный”. “Черный — это ничего. Что это?”

Мне было очень интересно, как Габриела применяет понятие “черный”, и эта тема получила новое развитие.

Я: Черное — это то, что не видно?

Габриела: Мне тебя не видно, потому что ты черный.

Я: Ты имеешь в виду, что когда я далеко, я черный и тебе меня не видно? И тогда ты просишь поехать ко мне и хорошенько на меня посмотреть, и тогда я становлюсь светлым или еще каким-то, только не черным.

Габриела: Когда я уезжаю и смотрю на тебя, ты весь становишься черным, да, доктор Винникотт?

Я: Поэтому через какое-то время тебе нужно меня увидеть, чтобы опять сделать меня белым.

Казалось, с этой идеей она покончила и продолжила игру со всеми ее подробностями. Попробовала поставить маленькую фигурку на платформу, но это оказалось непосильной задачей, и в попытке ее решить она стукнулась головой о мое колено. Я не мог полностью понять, что случилось.

Я: Если бывает большой перерыв, ты начинаешь беспокоиться насчет этого черного существа, которого представляю я, когда чернею, и тогда ты не знаешь, что же это за черное существо.

В данном случае я имел в виду черную маму и черные предметы ее тревожных состояний.

Габриела: Да [это звучало действительно убедительно].

Я: Поэтому, когда ты приезжала, ты могла хорошенько на меня посмотреть, чтобы я опять стал белым.

Габриела: Да.

Здесь “черное” частично выпадает как защита, т.е. означает не видеть меня, когда я отсутствую, вместо того чтобы помнить меня во время моего отсутствия

Теперь она перешла к вопросу о своей сумке, которая лежала на полу, где она сидела.

Габриела: У меня в сумке ключ. Он здесь внутри. Надеюсь, что он там [и она принялась искать его на ощупь]. Он отпирает твою дверь. Я запрю ее тебе, если ты захочешь выйти. У тебя же здесь нет ключа, да?

Габриела долго возилась с запором своей сумки, бормоча: “Ничего не получается; нет, получается”. Она продолжала его запирать, прилагая чрезмерные усилия. Наконец, закончила это дело и вздохнула, показывая, что проделала огромную работу (по преодолению конфликта).

Габриела вернулась к игрушкам, стала рассматривать маленькую корзину. Я все еще ничего не говорил, кроме того, о чем уже сообщил. Она взяла “собачку” (барашка) и ткнула ее в живот. Это напомнило мне о том, что она уже делала на двух или трех предыдущих встречах, кульминацией чего было создание огромного ералаша во время последнего приема. Она воткнула палец в живот другой зверюшки и рассыпала ее внутренности по всему полу. Конечно, это ей напомнило о том же самом, и она сказала: “Мистер Винникотт, а где та собачка?” Я показал на конверт, в котором находилась выпотрошенная собачка, и она сказала: “Ох!”

Габриела снова занялась автомобильчиком, стала приставлять его к носу и ко рту. Взяла карандаш, который оказался красным мелком, ткнула его в свой собственный живот, а затем стала раскрашивать юбку лампочной дамы и приделала лампе шляпку (приладила чашечку от “Оптрекса”). Она стучала по верхушке лампы карандашом, возможно, пытаясь ее раскрасить, а потом сняла юбку с лампы, которая, как она говорила, представляла ее саму как взрослую даму, и стала царапать под ней карандашом. После это вернула юбку на место. Юбка теперь была красного цвета. Потом поставила возле большого домика маленькую фигурку.

*Преддверие
пубертата*

Я: Что это?

Габриела: Он стреляет в церковь [затем она высказала то, что все время было у нее на уме]. Что с собачкой в сумке? Где она там?

Я: Посмотри, если хочешь.

Габриела: Ладно.

Она принялась исследовать с предельной осторожностью, потратив на это массу времени и, в конце концов, так и не вынула собачку из конверта. Наконец, она его скатала и убрала обратно под полку, сказав: “У нее нос отлетел; она потеряла свой нос; собачка в сумке”.

Я: В прошлый раз ты вытащила из нее все внутренности и разбросала по полу.

Габриела: Да.

Я стал играть интерпретациями: “Это — грудь, если я мама; или пися, если я папа”. Она очень твердо сказала: “Нет, эта штучка — пися” (“нет” означало не грудь).

Я: Ты хотела сделать ребенка из этой свалки.

Габриела: Да.

Я: Но ты не совсем знаешь, как сделать.

Габриела: Да.

Теперь она играла с поездом и начала проявлять некоторую тревогу, хотя и не явно.

Габриела: Мы теперь скоро поедem на поезде. Мы оставили Сусанну дома. Она будет очень сердиться, потому что нас так долго нет.

Я: Ты немножко испугалась из-за того, что папа все время с тобой в поезде, особенно когда ты думаешь о том, что ты хочешь с ним сделать, потому что ты хочешь сделать папе то же самое, что ты показывала мне, когда вынимала из собачки набивку. Когда ты меня любишь, ты из-за этого хочешь

съесть мою писю [сначала это проявилось в страхе перед кусающейся змеей, см. выше].

Одному из вагончиков, с которыми она орудовала, Габриела сказала: “Не цепляйся за мою юбку!” Потом начала надевать свой джемпер, на что ушло значительное время.

Я: Ты действительно немного испугалась, когда задумала съесть то, что внутри писи.

Габриела: Да. Катчу! [этим она фактически хотела сказать: “Разве не жарко, и как я устала”].

Я: Тебе помочь?

Габриела: Нет.

Затем я высказал довольно много толкований.

Я: Ты немножко перепугалась, думая о черном Винникотте, который был, но его не было видно, или его просто не было, и ты на него рассердилась за то, что его нет.

Ты испугалась и из-за того, что у собачки отвалился нос, потому что это значило откусить мою писю. Ты рассердилась на меня за то, что я не всегда твой.

Ты испугалась, думая, что, когда ты меня любишь, ты вырываешь из моей писи набивку.

Габриела: Да.

Я: Если это грудь матери, ты достаемшь из нее то, от чего толстеют и растут, а если это пися, то нужно в самом деле иметь материал, из которого делают детей.

Габриела: Ну да!

Я: Ключ в твоей сумке значит, что в тебе есть место для того, чтобы хранить то, что ты получаешь от меня, писю насовсем, что-то такое, что может стать ребенком.

Все это время продолжалась операция по надеванию джемпера. Мы провели вместе уже три

четверти часа, и она сказала, что все уже закончилось. Джемпер надет. Она утомилась. Встала, опершись на руку, которой держала сумку. Открыла сумку, вынула ключ и стала царапать им замок.

Я: Если бы ты была мужчиной, ты бы вставила свое писю в дырочку, которую прикрывает юбка.

Габриела: Ты знаешь, что у меня в поезде будет яблочный сок? Папа сказал, надо не забыть привезти его и Сусанне.

Я: Тебя немного пугает, если я буду только твой. Если я или папа полностью твои, к тебе внутрь попадет пися и будет делать детей, так что тебе не надо этим заниматься и вынимать материал, который у нее внутри, так что ты не будешь так ужасно переживать, но тогда ты почувствуешь, что Сусанна будет завидовать, потому что это так хорошо.

Габриела вновь принялась играть с игрушками. Все это время никаких явных проявлений тревоги не было, ее наличие можно было предположить только на основе поведения и словесных замечаний. Она играла с двумя, потом с тремя, потом с четырьмя предметами.

Я истолковал это так: она показывала мне, что может соединить двух людей и может улечься между папой и мамой, для того чтобы соединить или разъединить их, и тогда их будет трое. Но Сусанну она уже привлечь сюда не может, для четвертого места нет. Казалось, все было правильно.

Габриела: Мистер Винникотт, я пойду в туалет, я на минутку.

Габриела вышла, оставив свою сумку на полу с игрушками, проявив полное доверие. Плотно закрыла дверь (которую трудно было закрывать, когда она приходила раньше; теперь дверь починили, и она заметила перемену). Через три минуты она вер-

Тревога. Защитная регрессия в область идей

нулась, снова аккуратно закрыла дверь и возобновила игру.

Габриела [засунув руку в сумку]: Положила его; куда я его положила? Куда я... [повторяла она]? Ключ должен быть здесь, внутри, но его нет. А, вот он [он лежал среди игрушек].

Она достала ключ и попробовала открыть им мою дверь (замочную скважину закрывает задвижка, а отодвинуть ее трудно, потому что краска застыла. Я попытался помочь, но безуспешно).

Я: Можно попробовать с другой стороны [снаружи].

Габриела: Но тогда я запру так, что снаружи и останусь [преднамеренная шутка]. А я хотела быть внутри. А когда попыталась бы выйти, я бы заперла ее снаружи... [подразумевая: из этого просто ничего не выйдет]. Я бы не смогла попасть внутрь, чтобы выбраться наружу. Я могу выбраться, только если запру себя изнутри. А скоро...

Я: Скоро пора будет ехать.

Габриела: Да-а. Если запру дверь снаружи, я запру тебя внутри.

Я: И я буду у тебя, как ключ в сумке. [Это вряд ли надо было говорить]. Теперь пора.

Габриела была совершенно готова ехать, собрала сумку, ключ надежно положила внутрь, в нужное отделение. Но при этом она выронила из сумки почтовую открытку. Я сказал ей об этом, и она показала мне открытку: “Кролики идут через речку; мы тоже так иногда ходим, когда гуляем”. Она вышла и закрыла за собой дверь, пользуясь своим волшебным ключом, сказала “до свидания” и повторила еще раз, уже через закрытую дверь, после того как нашла своего отца и они вышли вместе.

Комментарий

Я на стуле — первый раз.

1. Тема вместилища с интернализированным объектом = удерживание и сохранение Д.В.В.

2. Представление о самой себе как о девочке в юбке.

3. Женский клиторальный онанизм.

4. Идея о том, что женщина всегда ложится (подготовка к менструальной теме).

5. Черное как отрицание отсутствия (выглядит как отрицание факта, что не видишь), покрывающее память об отсутствующем объекте.

6. Замок ее сумки. Ключ в двери. Красное на юбке (менструация). Идея о женском генитальном эротизме — влагалищном, вагинальном.

7. Предостережение относительно садистского обращения с животом олененка (или собаки).

8. Появление ребенка от мужчин. Незрелость, с которой надо мириться.

9. Тема четвертого лица — нет места для ее сестры (Сусанны).

Письмо от матери

“Я Вам очень благодарна за то, что Вы прислали мне запись Вашего последнего занятия с Габриелой. Это в высшей степени великодушно с Вашей стороны, и мне приятно, что Вы знали, какую большую радость принесет мне чтение этой записи.

Думаю, мой муж сообщил Вам по телефону, что она гораздо спокойнее после последней беседы с Вами — меньше сосет палец, очень редко допускает вспышки деструктивности, с юмором относится к своим слабостям.

На днях мне пришло в голову, что мы всегда пишем Вам о том, что не ладится с Габриелой, а не о том, как дела поправились и все встало на свои

места; но в настоящий момент именно это кажется самым важным.

Мне хотелось бы сказать Вам — хотя Вы, возможно, об этом и знаете, — как то, что я Вам писала, помогло мне выразить мою растерянность и страхи, зная, что они будут приняты с полным пониманием; а также то чувство, что мы с Вами связаны. Уверена, что именно это помогло мне справиться со всеми нашими переживаниями, связанными с Габриелой, и установить правильные отношения с ней. Я очень сильно волновалась, когда родилась Сусанна — не помню, говорила ли я Вам, что у меня есть брат, которого я очень не люблю; он родился, когда мне было почти столько же, сколько было Габриеле, когда родилась Сусанна”.

Письмо от матери

“Ваше письмо пришло, когда я садилась писать Вам. Габриела, кажется, чувствует себя хорошо, меньше стало этого неутешного сосания пальца, и играет она в свои собственные игры со всей душой.

Дня два-три назад она пожаловалась на то, что видит дурные сны: “Доктор Винникотт не помогает”, а потом: “Как это люди ставят телевизионную антенну, когда ее снесло ветром?”

На другой день, за обедом: “Чем больше я езжу к доктору Винникотту, тем больше у меня дурных снов”. Я говорю, немного напыщенно: “Наверно, они хотят тебе что-то сказать, и тебе следует их послушать”. — “Не хоч”. И Сусанне: “Мы пошлем доктору Винникотту нож, чтобы отрезать его сны”. Мне: “А почему *доктор* Винникотт?” (Это она часто спрашивала). — “Потому что он *и есть* доктор”. Потом она начинает играть на слове “док-док”, что у Сусанны означает “шоколадка”.

После обеда она продиктовала мне прилагаемое здесь письмо. Позднее сказала: “Доктору Винникотту это письмо покажется смешным”. Я: “А ты

хочешь, чтобы оно было смешным или очень серьезным?” — “Понемножку и тем и другим”.

Письмо от Габриелы (продиктованное)

“Мы пошлем Вам нож, чтобы отрезать Ваши сны, и мы пошлем свои пальцы, чтобы поднимать вещи, и мы пошлем Вам снежки, когда выпадет снег, чтобы их лизать, и мы пошлем Вам мелки, чтобы рисовать человечка. Мы пошлем Вам костюм, чтобы ходить в нем в колледж.

С наилучшими пожеланиями Вашим цветам, и Вашим деревьям, и Вашей рыбе в Вашем пруду.

С любовью к Вам,
Габриела”.

“Мы едем к Вам с наилучшими пожеланиями в наших сердцах”.

(На самом-то деле, сада у меня нет, но через выходящее во двор окно кабинета виден небольшой садик на крыше.)

Письмо от матери

“С тех пор, как я Вам последний раз писала — всего три или четыре дня назад, — Габриела очень грустит, лежит на полу и подолгу сосет палец, плачет по малейшему поводу и не может уснуть ночью. Просится срочно к Вам на прием. Несколько раз спрашивала меня, что она послала Вам в письме, которое она Вам написала, говорит, что забыла.

На другой день после того, как она написала его, лежала на полу, держа во рту палец. “Устала?” — спрашиваю ее. “Нет, мне грустно”. — “О чем ты грустишь?” — “О докторе Винникотте, о писе доктора В. Я хочу к доктору В. завтра. На этот раз я взаправду скажу ему, в чем дело”. — “Везет

же тебе, что ты знаешь. Большинство людей не знают”. — “Я не знаю, но я всегда могу сказать ему”.

Она “случайно” уронила корзинку с яблоками на Сусанну с верхней площадки лестницы и разбила телефон. После этого очень буйствует против себя самой, заставляет Сусанну ее шлепать и очень сильно бьет сама себя. Меня немного пугает неистовство этого самобичевания, хотя оно и не проявлялось вплоть до самого последнего времени.

P.S. Перечитав то, что я написала, чувствую, что нарисовала слишком мрачную картину. Я описала лишь то, что произошло совсем недавно, довольно внезапно, хотя вместе с тем, думаю, в целом она в хорошем состоянии после Вашего последнего сеанса с ней”.

ТРИНАДЦАТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

23 ноября 1965 года

Это был довольно необычный приезд, характеризовавшийся застенчивостью; Габриеле было теперь четыре года и три месяца. Войдя в комнату, она закрыла дверь и сразу направилась к игрушкам. Я сидел на стуле за столом и писал.

Габриела: Выходите [и она выложила на пол все игрушки, говоря, в основном, сама с собой]. Церковь сюда, да, мистер Винникотт? [Домики расставлялись в особом порядке]. Маленькие дома в один ряд, а большие — в другой.

О тех и других вместе мы говорили как о рядах детей и взрослых.

Габриела: Да, это — взрослые, а это — дети [и так далее].

Затем она распределила детей между взрослыми.

Габриела: Знаешь, когда Сусанна ждала обед, она выпала из коляски и порезала себе губу. Она ела свой обед. Губа ее была покусана. Ее залечили. Разве не смешно? Залечили.

Я: А тебя залечили?

Габриела: Нет. У меня был порез, который я долго-долго расцарапывала.

Габриела показывала, что характер у нее противоположный характеру Сусанны: она держит свои

болячки открытыми. Я понял, что она говорит обо мне в моих различных ролях.

Я: Сусанна у меня не была.

(Я знал, что ей часто хотелось привезти Сусанну, но для нее было очень важно не привозить Сусанну и получить меня в свое безраздельное владение). Она продолжала играть и сказала: “Смотри, это отскочило от поезда; я могу сама починить”. И починила.)

Я: Ты можешь быть ремонтником, так что я как ремонтник тебе теперь не нужен. Значит, я — мистер Винникотт.

Габриела: В поезде какие-то люди чего-то чинили. Знаешь, там не было места, и нам пришлось стоять, а потом мы шли, шли, и, наконец, нашли место и сели около какого-то чемодана; кто-то оставил там чемодан.)

Она устанавливала две платформы, то голова к голове, то хвост к хвосту. Потом сказала: “Вся королевская конница не может...”

Я: Вся королевская рать... не может Шалтая-Болтая собрать.

Габриела: Нет, потому что он был яйцом.

Я: Ты считаешь, что тебя нельзя починить*.

Габриела: Каждый вечер Сусанна хочет яйцо, она так любит яйца; я не очень люблю яйца. Сусанна так любит яйца, что ест только яйца, больше ничего. Разве не смешно?

В этот момент ей не удавалось что-то починить.

Габриела: Мне это некуда прикрепить. Нет крюка. Мы можем найти крюк?

---

*Думаю, что это было неправильно; мне следовало подождать дальнейшего развития событий.

Игрушки были расставлены по-особому, параллельными линиями — разные поезда, платформы и дома, все по порядку, но уже без навязчивой аккуратности. Габриела комментировала: “У доктора Винникотта масса игрушек для меня, чтобы играть” и продолжала манипулировать поездами, выбирая их из кучи, в которую они были сложены.

Габриела: Этот крюк отсюда; ну разве не глупыш-дурашка? Я почию его [и она действительно починила, причем очень ловко]. Я и вправду могу его сюда опять вставить.

Я: Габриела тоже ремонтник.

Габриела: Папа умеет чинить вещи; мы оба умные. Мама совсем неумная. В детсаду я сделала себе тягач, и для Сусанны тоже один сделала. Когда я его делала, я была вся в клее. Там была куча клея. Это был хороший тягач. Для Сусанны, но я оставила его в детсаду — там был перерыв, и я не могла его взять. Знаешь, мистер Винникотт, поезд шел медленно, но он не останавливался до самого Лондона [сегодня лежал снег]. Потом опять пошел быстро.

Вдруг Габриела заметила большую чашу на полке у себя над головой.

Габриела: Мне нравится эта чаша с китайской картинкой.

И принялась подробно разбирать, в какие игры играют дети, изображенные на картинке. Пришлось эту чашу все время поворачивать. Габриела сказала: “Один из ребят упал”. Она все замечала, и это ее радовало.

Габриела [напевая]: Я тебя давно не видела, так что застеснялась, когда к тебе приехала, и я не увижу тебя завтра, и завтра, и завтра.

Я: Тебе от этого грустно?

Габриела: Да. Мне нравится видеть тебя каждый день, но я не могу, потому что мне надо ходить в детсад. Считается, что я должна ходить в детсад.

Я: Ты приезжала сюда на починку, а теперь приезжаешь, потому что тебе нравится. Когда ты приезжала на починку, ты приезжала независимо от того, нужно было тебе ходить в детсад или нет. А теперь тебе просто нравится, и ты не можешь приезжать так часто. Это и грустно.

Габриела: Когда я приезжаю к тебе, я у тебя в гостях. А когда ты приезжаешь в Оксфорд, ты у нас в гостях. Разве это не странно? Может быть, приедешь после Рождества.

Я: Тебе сегодня что-нибудь надо починить?

Габриела: Нет, у меня больше ничего не ломается. Я сама теперь разбиваю вещи вдребезги. Этот винт вошел.

Я: Да, ты починила его сама и можешь сама себя починить*.

Габриела: Сегодня Сусанна залезла в собачью коробку. Это новая игрушка.

Она наступила на слона, и слон запищал.

Теперь она попросила меня помочь ей починить поезд, с которым у нее возникли трудности.

Габриела: Ты доктор, ты настоящий доктор, поэтому тебя и зовут “Доктор Винникотт”.

Я: Тебе хочется, чтобы тебя починили, или тебе хочется приезжать для удовольствия?

Габриела: Для удовольствия, потому что я могу побольше играть [она сказала это очень определенно]. Я слышу, кто-то свистит на улице.

Я этого не слышал и сказал: “А может быть, это оттого, что я пишу?”

Габриела: Нет. Теперь кто-то гудит [это было на самом деле]. Не хватает крюков. Когда мы к тебе

---

*Я мог бы сказать: “У тебя внутри Винникотт-ремонтник, которого ты с собой повсюду носишь” и т.д.

ехали, мы приехали чуть раньше и поэтому походили кругом, я должна была купить что-нибудь для Сусанны и мамы. Мне нравятся Сусанна и мама.

Я: Здесь сейчас только Габриела и я. А Сусанна сердится, когда ты приезжаешь ко мне на прием?

Габриела: Ты знаешь Сусанну... ей нравится смотреть, как я танцую. Сколько ей лет? Два года. Мне — четыре. В следующий день рождения мне будет пять, а Сусанне будет три.

К этому времени она все игрушки расставила параллельными линиями, 10—12 таких линий, и под углом к ним один ряд из трех домов.

Габриела: Доктор Винникотт, я только в туалет схожу. Посмотри за игрушками. Не пускай сюда папу.

Выходя, она осторожно закрыла дверь, ее не было три минуты.

Габриела: Вот. Мистер Винникотт, я побуду немножко дольше, чем обычно. Я смогу побольше поиграть, если у меня будет больше времени. Мне не надо спешить.

Я: Иногда ты чего-нибудь пугаешься и тогда ты вдруг чувствуешь, что надо уходить.

Габриела: Потому что становится поздно. Не могу развязать [я развязал ей]. Ты думал, что сюда наверх пойдет? [Т.е. на полку у портрета семилетней девочки]. Это тоже можно сюда наверх. Не снимай их вниз, ладно? Пусть там будут.

Я: До твоего следующего приезда. Ты считаешь, это дает тебе надежду на то, что ты снова ко мне приедешь.

Габриела: На все время.

Потом она посмотрела на портрет в овальной рамке и сказала: “Смотри, она в яйце”.

Способность потакать своим желаниям, что, однако, вызывает и тревогу

Я: Если бы у нее не было места, она была бы как Шалтай-Болтай и распалась бы на части; но у тебя здесь есть место, где ты можешь быть.

Затем она прочла мне лекцию о яйцах.

Габриела: Если разбить яйцо, не сварив, пока оно жидкое, то оно растечется и все испачкает, а если сварить вкрутую и открыть, оно просто покрошится.

Я: Я обвел Габриелу яйцом, и она чувствует себя хорошо.

Габриела: Да.

Потом она взяла все голубые домики и поставила их в кружок с одним красным домиком посредине и сказала: “Сделаю ряд таких домиков”, и поставила все домики тесным рядом один против другого.

Габриела: Если увижу еще, поставлю их в ряд.

Теперь Габриела собирала маленьких человечков, деревья и зверюшек: “Уйма вещей” (она все время говорила). Она расставила их на ковре подале друг от друга. Я не мог хорошо слышать, что она говорила, потому что она разговаривала сама с собой, счастливая, раскованная, довольная, творчески и конструктивно настроенная. Габриела сидела спиной ко мне и сказала что-то вроде: “Так и оставлю. Мистер Винникотт, можно я возьму это, и это, и это? Я привезу их обратно. Я возьму двух. Оставлю три или четыре тебе. У меня три”. (Фактически же, в конце концов ей ничего не нужно было брать, и она явно об этом забыла).

Габриела: Чья очередь чистить ванну?

Ответ на этот вопрос, казалось, был сложным. Дело было в соперничестве с ее сестрой из-за этой

привилегии. Я не считал само собой разумеющимся то, что дома у них действительно была такая конкуренция, судя по взгляду родителей на это. Она издавала присущие животным звуки, держа нескольких зверюшек в руках.

Габриела: Мне нравится чистить ванну. Вы оставайтесь здесь [она обращалась к зверюшкам]; не ты, коровка, ты собачка; ты, коровка, вы совсем не двигайтесь, а не то... будешь превращена в ведьму.

Я: Ты мне сон рассказываешь?

Габриела: Да. Он мне не нравится. Ужасный. Превратиться в маленького человечка на крохотных-крохотных ножках. Утром я превратилась в гиганта. В старину магазинов не было.

Я: Ну? [Я подбадривал ее, чтобы она продолжала].

Габриела: Да, они не строили магазины, и если они продавали лаванду, они ходили и пели: “Кто купит мою лаванду?” ... [напевает]. Один пенс можно потратить. Если Сусанна не пускает когонибудь вверх по лестнице, им приходится платить шесть пенсов; это же много, а? ... Я с них беру только один пенни, ведь это немного, а?

Я пытался понять, что она имела в виду; это было связано с низостью Сусанны. Затем она посмотрела в окно.

Габриела: У кого-то сад на крыше; забавно. Я туда не залезу. Интересно, как они поливают цветы? Открывают окно железной палкой и поднимают воду по трубе, а потом тонкой струйкой направляют на цветы, вот так все и поливают. Засовывают ложку в трубу и собирают внизу всю воду, а потом все это делают снова. [Немного погодя продолжает:] Это ваш навес? Ой! Туда же не достать, а? Это искусственные цветы?

Я: Нет, настоящие.

Габриела: Мне нравится пластик. Они из пластика [на самом деле нет].

Я: Тебе нравятся настоящие дети и зверята или пластмассовые? [Она высказалась за настоящие].

Габриела: Что это за деревянная штука? [Она за- метила кончик деревянной цилиндрической линей- ки, которую оставил среди книг другой ребенок]. Достать?

Я: Давай.

Габриела: Для чего это?

Я: Это линейка.

Габриела использовала линейку как скалку, как будто это было как раз то, что она искала. Преж- де всего, для раскатывания теста. Так возникла еще одна роль — роль кухарки, и я ей указал на это. Раскатывание превратилось в игру, для которой потребовалась вся комната.

Габриела: Когда приходит женщина чинить вещи, кухарка делает вид, что засыпает. Нужно ее разбудить, и тогда она еще что-нибудь приготовит.

Она пыталась выразить, что происходит с дру- гими ролями Винникотта, когда Винникотт высту- пает в одной роли. Доктор Винникотт, который занимается починкой, уехал в отпуск, остался мистер Винникотт, который готовит. Когда ей нужна починка, возвращается доктор Винникотт. При этом она пошла к газовой плите.

Габриела: Как зажигать газовую плиту?

Я подошел и показал.

Я: Теперь Винникотт, который чинит, и Вин- никотт, который готовит, ушли, и есть другой Винникотт — который учит. А потом есть еще и Винникотт, который играет.

(Для меня при данном стечении обстоятельств самой ценной из четырех ролей, вне всякого сомне- ния, является та, которая состоит в игре, особен-

но той игре, где Габриела, как я это называю, действует “одна в моем присутствии”). Была еще одна роль, о которой она вспомнила, относящаяся к использованию корзины для макулатуры, что можно было бы назвать Винникоттом, который помогает ей отделаться от того, с чем она уже покончила (“Винникоттом, как мусорным ящиком”).

В течение этого времени, Габриела организовала такую игру, в которой мы катали линейку взад и вперед, и она подвигалась все ближе и ближе так, что когда Габриела катила линейку, та стучалась о мои колени. И здесь она отводила мне уже пятую роль, в которой я был важен для нее, — роль кого-то, на которого она налетала, когда двигалась, и кого, таким образом, можно было использовать для того, чтобы различать, где не она и где она сама. Один раз, когда линейка ударила меня по колену, я повернулся и ответил Габриеле с таким жаром, что должно было дать то удовлетворение, которое ей было нужно. (Для ребенка такого возраста невозможно получать какой-либо толк от игры, если в эту игру *не играют и не получают от этого удовольствия*. Принцип, которым руководствуется психоаналитик, состоит в том, что, прежде чем содержание игры становится предметом интерпретации, должен быть установлен факт получения удовольствия). Казалось, Габриела закончила составлять список тех ролей, в которых она меня использовала. Наконец, наступил период, когда она почувствовала, что задерживается у меня немного дольше, чем обычно, *просто потому, что ей нравится быть со мной, когда она не испытывает страха*, может получать удовольствие и позитивным образом выражать свое отношение ко мне как к человеку. В самом конце она добавила еще одну роль к своему списку и сказала: “Я тебя оставлю и пойду собираться”. И ушла, очень старательно и плотно закрыв дверь. Забрала своего отца из приемной. На этот раз я открыл дверь и сказал им обоим “до свидания”, потому что это был некий жест, который

я должен был проявить по отношению к отцу, и я почувствовал, что Габриела сказала мне все, что хотела сказать.

Комментарий

1. Распределение взрослых по детям — безраздельное владение мною.
2. Развитие способности “починить саму себя”.
3. Поезд (анализ) шел медленно, но до самого Лондона = пункта назначения.
4. Грусть из-за будущего окончания (анализа).
5. Уверенность относительно своего места в моей жизни.
6. Прочно сколоченный образ; теперь она довольна и созидательно настроена.
7. Перебирание различных ролей, для которых она использовала Д.В.В.

Письмо от родителей (написанное во время отдыха за границей)

“Габриела показала нам Ваше письмо; Вы были столь добры назначить ее на прием.

Во многих отношениях она в отличной форме, пышет здоровьем, полна энтузиазма и в определенной мере проявляет созидательный подход к выбору игр и песен.

Здесь она гуляет часами, плещется в ледниковой воде, наслаждается преодолением трудностей, непосредственно испытывает то, что она называет собственным “бычьим упорством”.

В общении с незнакомыми людьми, особенно мужчинами, она застенчива, очень ранима и реагирует с удручающе поддельной женственностью. Незнакомцев обычно гораздо быстрее привлекает

ее сестра, Сусанна, курчавая, общительная и дерзкая, чем пытливо разглядывающая их Габриела.

Габриела очень близка с Сусанной, обращается с ней с величайшей предусмотрительностью, умасливает ее, часто выступает посредником между нею и нами. Нас поражает то, как часто она старается добиться своего, отвлекая внимание Сусанны или что-нибудь изобретая, вместо того чтобы действовать прямым наскоком, хотя иногда становится жалкой и беспомощной жертвой ревности, и Сусанна ничего не может сделать правильно. На днях, в разгар бешеной стычки, она вдруг поцеловала Сусанну и сказала: “А ты мне нравишься”. Это ее очень отличает от Сусанны, которая поочередно смотрит на Габриелу с пылкостью и безжалостно стремится уничтожить ее превосходство”.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

18 марта 1966 года

Габриелу (теперь ей четыре года и шесть месяцев) привез отец. Она явно была очень рада, что снова приехала. Я стоял в дверях, а она незаметно прокралась позади отца в дом. Сразу направилась в комнату и сказала: “Я сниму пальто” и бросила его на пол. И тут же к игрушкам. Стала расставлять их, не переставая разговаривать: “Эдод, эдод, дам; ой, этот запутался”. Я понял, что у нее очень заложен нос. Вскоре она начала еще и кашлять, в остальном была физически в очень хорошем состоянии.

Габриела: Так, так. Правильно.

Она была поглощена своими делами на полу, повернувшись спиной ко мне, и увязывала себя с другими посещениями. Слова Габриелы описывали ее действия. В какой-то момент она сказала: “Это действительно так надо делать или не так?” Она проявляла Супер-Эго, с которым легко идентифицировалась. Я сказал: “Да, думаю так, но ты можешь сделать это как тебе нравится”.

Габриела продолжала разбираться с игрушками. Ей казалось, что она оставила их в одном пакете, а теперь выяснилось, что две находятся в одном и две — в другом. Она пыталась составить вместе вагоны разных поездов. Потом дала мне что-то приладить, как часто просила и раньше. Пока я это делал, она подошла к другой игрушке на книжной полке — маленькому мальчику, тянувшему санки, в которых сидела маленькая девочка.

Габриела: Это с Рождества? Красивый. Работает?

Я: Работает, только если ты представишь себе, что он работает.

Потом она пришла за тем, что я приладил.

Габриела: Спасибо. Я сейчас вытащу все игрушки.

Она свалила все в одну большую кучу на полу, возобновив контакт со своими старыми друзьями.

Габриела: Смотри, на этой корзинке клубничные пятна, и на этой тоже.

Стало быть, обе были корзинками для клубники. С восклицанием она взяла корзинку и высыпала все ее содержимое на другие игрушки.

Габриела: Это должно быть здесь, да?

Она вынула ослика и тележку, которые обычно стоят на книжной полке.

Я: Как это оказалось среди других вещей?

Габриела: Потому что мы сняли их оттуда.

В этот момент она коснулась моей ноги. Взяла барашка и сказала: “Что случилось с собачкой?” Я дал ей конверт с остатками от собачки.

Габриела: Почему она там? [Заглянула внутрь.] Ты ее еще не починил? Это же нехорошо с твоей стороны! Ты должен ее починить.

Потом она взяла какую-то неизвестную вещь и сказала: “Что это такое?” Мы никогда не знали, что это такое; вероятно, часть волчка.

Габриела: Что это? Это никуда не годится.

Я сказал, что это танкер для нефти. Она имела в виду, что у него нет крюков. Она уже заканчивала процесс возобновления контакта и сказала: “У тебя тут есть где-нибудь морская ракушка? Мне нужен звук”. В этот момент она сидела на моей ноге, и я говорил о сидении на берегу моря с отцом. Это было так, как если бы она чувствовала связь с тем, что для нее означало взморье, и не могла поверить, что нет звука моря.

Она взяла поезд с множеством колес и перечислила колеса, называя их цвета. С нежностью гладила этот паровоз, и хватала его губами, терла о свои бока и возила по голове с затылка на лоб. Это превратилось в игру, так что паровозик съехал по ее лицу и с грохотом упал на пол. Она попыталась прицепить его к вагону, но из этого ничего не получилось. Взяла фигурки старика и мальчика и посадила их, приговаривая: “Вы сидите здесь. Вы сидите здесь”. Затем, все еще перебирая прежние забавы, сказала: “А можешь нарисовать [на лампе]? Сделай зигзаг вверх и вниз. Это и вправду лампа”. Я ее уронил.

Габриела: Ее нужно на свет.

Теперь она практически закончила заниматься с игрушками и спросила: “Ты ходишь в церковь?” Я не знал, что ответить.

Я: Ну, иногда. А ты?

Габриела: Я хотела бы пойти, но мама и папа не хотят. Не знаю, почему.

Я: А почему люди ходят в церковь?

Габриела: Не знаю.

Я: Это связано с Богом?

Габриела: Нет.

В этот момент она держала в руках домик, хватая его губами. Потом вспомнила что-то из предыдущих сеансов и сказала: “А где та палка-скалка?”

Она имела в виду ту цилиндрическую линейку, которую оставил у меня один пациент. Я ее нашел, и Габриела теперь устроила игру, которая стала главным средством общения со мной. Своими корнями игра уходила в прошлое, поэтому у нас появилось много разных способов для быстрого взаимопонимания. Мы встаем на колени друг против друга в передней комнате. Она катит линейку ко мне и таким образом меня убивает. Я умираю, а она прячется. Потом я оживаю и не могу ее найти.

Постепенно я сделал из этого своего рода интерпретацию. К тому времени, когда мы повторили это много раз (и при этом иногда я ее убивал), стало ясно, что игра была связана с грустью. Например, если она меня убивала, то, когда я оживал, я не мог ее вспомнить. Это выражалось в том, что Габриела пряталась, но я в конце концов ее находил и тогда говорил: “Ой, я вспомнил то, что забыл”. Хотя эта игра доставляла большое удовольствие, в ней таились тревога и печаль. Тот, кто прятался, должен был прятаться так, чтобы у него что-нибудь, например нога, была видна, чтобы ужас из-за невозможности вспомнить потерянного человека не был длительным или абсолютным. Это было связано, в частности, с тем, что происходило, когда она не видела меня в течение длительного времени. Постепенно игра преобразовалась так, что главным в ней стало прятаться. Например, мне нужно было проползти позади стола, за которым она пряталась, и тогда мы оба оказывались там. В конечном счете, было довольно ясно, что свою игру Габриела связывала с мыслью о рождении. В какой-то момент я отметил, что одна из причин, почему она была счастлива, состояла в том, что я принадлежал только ей одной. В связи с этим, когда она вышла через парадную дверь, я слышал, как она сказала отцу: “Где Сусанна?”

В конце концов мне пришлось повторять внезапное появление из-за занавеса, что казалось своего рода рождением. Потом я должен был стать домом,

*Работа над
различными ре-
акциями на от-
деление и пре-
ращение*

и она заползала внутрь дома, быстро увеличиваясь в размере до тех пор, пока я уже не мог больше ее вмещать и выталкивал. По ходу игры я говорил: “Я тебя ненавижу” и выталкивал ее.

Эта игра возбуждала Габриелу. Внезапно она почувствовала боль между ногами и вскоре вышла пописать. Кульминация в данном случае связывалась с потребностью матери освободиться от ребенка, ставшего слишком большим. К этому добавлялась грусть от того, что растешь и стареешь, и от того, что труднее становится играть в эту игру, изображая, что ты внутри матери и вот-вот должен родиться.

Занятие кончилось тем, что она схватилась за два занавеса посреди комнаты и стала на них раскачиваться взад и вперед.

Габриела: Я — ветер; берегись!

В этой игре не было большой враждебности, и я обратил внимание на дыхание, существенный элемент жизнеспособности и нечто такое, чего не было до рождения.

Теперь она была готова ехать домой.

Комментарий

1. В согласии с Супер-Эго.
2. Свидетельство потенциальной возможности получения генитального удовольствия.
3. Тщательная проработка реакций на длительное отделение и подготовка к прекращению.
4. Тема рождения.

ПЯТНАДЦАТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

3 августа 1966 года

Габриела (теперь ей уже почти пять лет) приехала со своим отцом. Она выглядела очень хорошо и казалась уже очень взрослой. Мы поговорили немного об отдыхе (она только что ездила отдыхать) и о моем доме, где сейчас орудовали сантехники. Она направилась прямо к игрушкам (а отец пошел в приемную) и до того, как я занял свое место на низеньком стуле у маленького стола, где вел свои записи, она сказала: “Милая собачка”, взяв остатки старого волчка. “Мне теперь четыре года — в августе” (значит, сейчас уже скоро пять). Многое из того, что произошло, невозможно было записать, потому что пришлось как бы стенографировать во всех подробностях все, что извлекалось из кучи игрушек.

Габриела: Кораблики. У меня штанишки видны. А где скалка?

Я показал ей цилиндрическую линейку, которую она использовала для особой игры на предыдущем сеансе.

Габриела: Это мило. Будем играть в эту игру...

Я перешел в центр комнаты, и мы заняли исходные позиции. Я сделал вид, что не уверен в том, как надо играть, и она показала мне, как катать скалку взад и вперед. Когда скалка ударила меня по коленям, я упал, убитый, и тогда началась игра в прятки. Я стал это записывать, а она

сказала: “Ты всегда пишешь”. Я сказал, как я веду записи, чтобы помнить все, что происходит, в деталях.

Я: Я помню все и без записей, но не могу уловить детали, а я хочу помнить все, чтобы потом это обдумать.

Мы играли в догонялки со скалкой, а потом в прятки, начиная с того, что она меня убивала. А потом я ее убивал и прятался, чтобы она меня искала. Я сказал: она сообщает мне, что забывает меня и что я забываю ее, когда мы расстаемся или уезжаем на отдых, но на самом деле мы знаем, что

*Сепарация без
отчаяния*

можем найти друг друга. Вскоре Габриела закончила выражение тех мыслей, которые хотела передать языком игры в прятки, и вернулась к игрушкам. Затем она сделала совершенно преднамеренный обольстительный жест. Она взяла маленькую электрическую лампочку с нарисованной на ней рожицей и приставила ко рту, многозначительно поглядывая на меня, а затем подняла юбку и приложила ее к штанишкам. Это было похоже на кафешантанное приглашение. Заодно сказала, что знает озорной пересказ сказки про доброго короля Венцесласа, которую рассказывает ее мать.

Габриела:

Добрый король Венцеслас выглянул в окошко,
На пир Стефана взглянуть, ну совсем немножко.
Но снежок попал ему прямо на сопатку
И скривил ее совсем, просто без остатку;
Хоть светила в ту ночь яркая луна,
Королю было невмочь, было не до сна,
Еле выждал до утра и лишь на заре
Прибыл доктор ко двору на своем осле...

В течение этого эпизода, выражавшего какое-то обобщенное волнение, я нарисовал собачку, в

сотрудничестве с ней. Начал ее рисовать с копирования рожицы на лампочке.

Габриела: Я покажу тебе, что могу нарисовать. Еле-еле нарисовала уши. У него длинные волосы, прекрасные волосы — смотри, они перешли на другую бумагу и на стол. Это какие-то каракули...

Тут я сказал, что она сделала такой рисунок, как будто хотела показать мне сон, и часть этого сна перешла в явь. Казалось, это было именно то, что она хотела, так как теперь она рассказала мне сон, и получалось так, что это было именно то, ради чего она и приехала.

Габриела: Мне приснился про тебя сон. Я постучала в дверь твоего дома. Я увидела доктора Винникотта в бассейне в его саду. И я туда нырнула. Папа увидел, как я в бассейне обнимала и целовала доктора Винникотта, и тогда он тоже нырнул. Потом нырнула мама, потом Сусанна [она перечислила всех других членов семьи, в том числе четырех дедушек и бабушек]. Там были рыбы и все. Вода была сухая и мокрая. Мы все вылезли и пошли по саду. Папа выбрался на берег. Это был хороший сон.

Итог работы, выполненной в ходе психоанализа

Я понял, что она все перевела теперь в перенос и таким образом перестроила свою жизнь, исходя из опыта позитивных отношений с субъективным образом психоаналитика и его внутренним миром.

Я: Бассейн здесь, в этой комнате, где все и произошло и где все воображимое может произойти.

Она что-то сказала насчет того, что у нее мокрые руки, потому что она плавала.

Габриела: Я сейчас нарисую то, что могу, на лампочке.

Сейчас она была совершенно счастливой и спокойной и высыпала все маленькие игрушки и части игрушек. Пела на тему “Вместе”.

Габриела: Какой беспорядок у тебя на полу!

Мне надо было починить крюк. Она много говорила, пока пускала в ход все игрушки. Потом взяла фигурку отца (сантиметров восемь длиной, очень похожую на него, сделанную на основе трубочиста) и принялась истязать ее.

Габриела: Я выкручиваю ему ноги [и т.д.].

Я: Ой! Ой! [в порядке интерпретации принятия изготовленной мне роли].

Габриела: Я выкручиваю его еще — да, теперь его руку.

Я: Ой!

Габриела: Теперь его шею!

Я: Ой!

Габриела: Вот, ничего не осталось — всего выкрутила. Сейчас еще тебя повывкручиваю. Давай, плачь.

Я: Ой! Ой! У-у-у-у-у!

Она была очень довольна.

Габриела: Теперь ничего не осталось. Все скручено, и нога у него оторвалась, а сейчас и голова оторвалась, вот и плакать не можешь. Я тебя просто-напросто выбрасываю. Никто тебя не любит.

Я: И Сусанне я так и не достанусь.

Габриела: Все тебя ненавидят.

Теперь она взяла похожую фигуру мальчика и повторила операцию.

Ненависть за ненависть (ср. предыдущий сеанс)

Габриела: Я выкручиваю мальчишке ноги [и т.д.].

В разгар всего этого я сказал: “Так, Винникотт, которого ты выдумала, был целиком твой, а теперь

с ним покончено, и он никогда никому больше не достанется”.

Она требовала, чтобы я еще плакал, но я возразил, сказав, что у меня уже больше нет слез.

Я: Все выплакал.

Габриела: Никто к тебе больше не придет. Ты доктор?

Я: Да, я — доктор и мог бы быть доктором Сусанны, но Винникотта, которого ты выдумала, больше нет.

Габриела: Я тебя сделала.

Она возилась с поездом (издавая типичные для поезда звуки).

Габриела: Я хочу его отцепить.

Я: Он не отцепляется.

На самом деле она знала, что трактор прицеплен к повозке с сеном и его нельзя отцепить.

Габриела: Ай, боже мой, не отцепляется.

Затем она сказала, что все видит голубым, оказалось, что она взяла две глазные ванночки “Оптрекс” и смотрела на все через них. Спросила, как их привязать к глазам. Это давало ей ощущение, что она плавает или находится под водой. И вот мы сощурились друг на друга. Я удерживал ванночки своими глазничными мускулами, и после небольшой тренировки она тоже смогла одну удерживать.

Габриела: Я хотела бы взять их с собой домой.

Потом она стала рассказывать об обломках керамики, найденных у дороги во Франции, и при этом высказала мне свое детское представление об архео-

логии, т.е. о находках, которые относятся к далекому прошлому. Затем исследовала коробку с цветными мелками и нашла или вновь открыла “Секкотин” (клей). Именно это она и хотела и начала свою последнюю игру (но ей еще надо было кое-что сказать — получил ли я письмо, которое она мне послала? И так далее).

Она взяла лист бумаги и поставила посередине “Секкотин”, а также квадратную рамку. Она хотела знать, сколько еще больных я приму.

Я: Ты последняя перед моим отпуском.

Габриела: Совсем скоро мне будет пять.

Она дала понять, что хотела приходить ко мне на прием, чтобы получать это лечение — Винникотт закончил его, когда ей было еще четыре года.

Я: Я тоже хотел бы закончить с тобой, чтобы я мог быть Винникоттом во всех других случаях, а не только выдуманном тобой Винникоттом для этого особого лечения.

Я видел, что из “Секкотина” она делала нечто вроде надгробия или памятника тому Винникотту, который был уничтожен и умерщвлен. Следуя ее намеку, я взял листок бумаги и нарисовал на нем Габриелу. Потом я стал выкручивать ее руки, ноги и голову и спросил Габриелу, было ли больно. Она засмеялась и ответила: “Нет, щекотно!”

Она разрисовала все вокруг “Секкотина”, в том числе и красным цветом. Это можно было взять домой, Сусанне будет приятно.

Габриела: Нужно добавить немножко голубого.

Листок сложился, весь “Секкотин” кончился и мне пришлось помочь ей проделать дырочку, чтобы привязать бечевку. Получился змей.

Габриела: Надо пойти к папе и попросить красивых плиток, на которых изображен мальчик-весельчак.

Оставив меня присматривать за змеем, она пошла и принесла две старинные плитки (с изображением мальчика-весельчака), купленные ее отцом, которые были завернуты в бумагу, вроде бы для подарка — предположительно для матери. Я вынул их и принялся рассматривать.

Она продолжала объяснять отцу.

Габриела: Он весь вышел. Никто не хочет на прием к Винникотту. Весь вышел. Я порвала его на части. Я сделала это, как подарок для Сусанны. Он воняет, ужасно — я использовала весь “Секкотин”. Тебе придется еще купить, здесь больше нет.

Я добавил, что надо вынуть затычку, чтобы указать на фекальное значение разломанных мужских фигур и мемориальную доску. Это ей понравилось.

Габриела: У меня все руки в этом. Я играю с ужасным, вонючим, липким веществом. Как оно называется? Ах да, “Секкотин”, ужасное название, ужасный запах. Мы-то используем “Юху”, та совсем не пахнет...

Мне было понятно, что она приехала, для того чтобы покончить со мной во всех слоях и во всех смыслах, и я так и сказал. Она ответила: “Да, чтобы покончить с тобой”.

Я: Так что, если я приеду к вам домой и осматриваю Сусанну, это будет другой Винникотт, не тот, которого ты изобрела и который был целиком твоим, а теперь с ним покончено.

Габриела: А клей весь вышел, что будем делать? Весь Винникотт распался на кусочки, что нам де-

лать, когда ничего не останется? Я буду рада не видеть Винникотта, раз он так воняет и такой липкий. Никому он не нужен. Если ты к нам приедешь, я скажу: “Это липкий человек едет”. Мы убежим.

На этом закончилось.

Габриела: Мне нравится рисовать красками, когда я уезжаю в... Это красивая бумага. Мне пора ехать?

Я: Да, почти.

Габриела: Мне нужно умыться — я вернусь попроситься. Раскрась его [змея] красным!

Я держал его за бечевку, пока она умывалась. Она вернулась за ним и ушла вместе с отцом, волоча и пытаясь запустить своего тяжелого, мокрого, липкого змея.

Комментарий

1. Расцветает в процессе соответствующего ее возрасту созревания.
2. Справляется с разлукой и знает, что возможность новой встречи существует.
3. Использует женскую обольстительность.
4. Обобщает психоанализ, перестроив свою жизнь в позитивном переносе.
5. Таким образом, ненависть безопасно испытывать и проявлять, поскольку она не уничтожит хороший интераналитический опыт.

ШЕСТНАДЦАТАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

28 октября 1966 года

Габриеле теперь уже пять лет и два месяца. Этот сеанс не был похож на все предыдущие. По сути дела, он выглядел скорее как встреча друзей. Вместе с отцом они подождали пять минут, поскольку приехали раньше назначенного времени, затем отец прошел в приемную, а Габриела, быстро ознакомившись с различными изменениями в комнате, стала заниматься тем, чем она, очевидно, и намеревалась заниматься.

Тот час, который мы провели вместе, был поделен на три части, из которых первая была наиболее важной. Она попросила паровой каток — цилиндрическую линейку. Мы 25 минут без большого энтузиазма занимались старой игрой, но с интенсивностью, присущей играм, в которые играют в пятилетнем возрасте. Она катала паровой каток ко мне, и когда он ударял меня по коленям, я умирал. Когда я был мертв, она пряталась. К этому времени мы очень хорошо знали все пути в углы. В ходе игры она одну за другой занимала свои позиции: я должен был оживать, начинал вспоминать, что был кто-то еще, кого я забыл, и потом постепенно искать ее. Наконец, я ее находил. Иногда таким же образом умирала она; потом она искала меня. Так продолжалось до тех пор, пока Габриела не почувствовала, что с нее достаточно, и вышла из игры. И перешла ко второму этапу.

Пока я сидел на маленьком стуле и вел свои записи, как в прежние времена, она сидела на полу, ко мне спиной, “одна в моем присутствии”. Разговаривала со зверюшками и игрушками, и только время от времени давала мне понять: предполагалось, что я слышу. Вначале она брала барашка и говорила: “Где собачка?” Я находил конверт, в котором хранились остатки собачки, а Габриела рассказывала мне все про дырочку в ней и исследовала дырочку пальцем. Она сказала, что собачка не такая уж выпотрошенная, чтобы не могла стоять, и ставила ее рядом с барашком. Потом на-

чинала вынимать игрушки и опорожнять корзинку. Какое-то время составляла поезд, говоря разборчиво, но сама с собой. Один раз сказала: “Смотри, какой я сделала длинный поезд!” Но он не был длинным, потому что она только вспоминала, каким он был на прошлых сеансах, когда игра шла не с целью общения.

Я: Ты вспоминаешь то, что игрушки для тебя значили, когда ты была маленькой Пиглей, а не большой Габриелой.

Габриела: Давай еще играть.

И она аккуратно убрала несколько игрушек, которые вынула, и в полном порядке сложила их под книжной полкой. Занимаясь этим, она заботливо обращалась с корзинкой и другими игрушками и говорила что-нибудь вроде: “Ну, вот так”. В это время ее голова касалась моего локтя. Это не было чем-то преднамеренным, и она не отодвигалась. Просто так получалось. Габриела убрала собачку в конверт и сказала “до свидания”. И поставила рядом с конвертом барашка. Потом сказала: “Теперь!” — что означало: мы переходим к чему-то другому.

Мы встали, и сначала показалось, что мы продолжим играть с паровым катком (в прятки). Однако она нашла детскую книжку с картинками. Я сел с ней рядом, и мы стали эту книжку перелистывать. Габриела смотрела на книжку с большим вниманием и, казалось, ей нравились те обрывки сведений, которые я мог дать о ней. Потом мы посмотрели другую книжку, в которой была масса картинок, но сама книжка была несколько сложноватой. Так что мы взяли другую, тоже с картинками, но и с текстом. Я пересказал ей текст, пока она переворачивала страницы. Наконец, она решила посмотреть книжку о животных. Она называла животных, если знала, и была очень счастлива и довольна. Я дал ей возможность рассказывать мне о чем она хотела; иногда в рассказах попадалось слово “черный”, и я напомнил ей о черной маме.

Я: Ты стесняешься говорить мне что-то из того, что думаешь.

Она согласилась, но как-то нерешительно.

Я: Я знаю, когда ты на самом деле стесняешься — когда хочешь сказать мне, что ты меня любишь.

Габриела очень уверенным жестом выразила согласие.

Пора было уезжать, и она была совершенно готова ехать и пошла за отцом. Было очевидно, что Габриела получила удовольствие от этого посещения, и я не мог обнаружить никаких признаков какого-либо разочарования, как если бы она намеревалась сделать что-то еще и упустила это из виду. Она казалась совершенно естественной, когда прощалась, и у меня сложилось впечатление о действительно естественной и психиатрически нормальной пятилетней девочке.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

родителей Пигли

Возможно, некоторым читателям интересно знать, что пережили в данном случае родители и что с этим ребенком сейчас.

Для родителей разрешение участвовать в процессе роста и выздоровления дочери имело огромное значение. Это предотвратило то, что можно часто наблюдать: появление у родителей чувства, что их бросили в их беде, и ощущения, что они стали жертвой соперничества и конкуренции с терапевтом; или, возможно, чувства зависти к терапевту или ребенку, или ощущения, что для того, чтобы избежать таких болезненных чувств и возможного создания коварных помех, родители могут отступить, выйти из сферы действия сил, связанных с прямыми взаимоотношениями с ребенком, и просто передать его в руки более квалифицированного и знающего авторитета.

Хотя у некоторых читателей может возникнуть ощущение опасности непрофессиональной мешанины, ее, видимо, удалось избежать благодаря такту, “чувству” и большому опыту терапевта, которые, судя по всему, основаны на таком обширном знании, которое представляется как бы вновь забытым и используемым свободно и спонтанно, с уверенностью контакта, на который можно положиться.

Возможно, родителям будет разрешено сказать свое слово в любой дальнейшей дискуссии относительно “за” и “против” лечения “по требованию”.

В то время мы чувствовали, что не могли бы принять лечение на какой-нибудь другой основе. Более того, примечательно было сформировавшееся общее мнение о том, что время для проведения нового сеанса лечения наступило, и мы были поистине поражены, узнав из записей о том, как пациентка подхватила нити предыдущего сеанса, как будто между ними не было никакого перерыва во времени, и она теперь готова к следующему шагу.

Однако, если в таких рамках лечение не может состояться, когда это требуется (как, например, между одиннадцатым и двенадцатым сеансами), последствия могут быть очень тяжелыми и, как в данном случае, пациент может оказаться на грани внутренней катастрофы.

Возможно также, читатели захотят узнать, в каком состоянии находится пациентка сейчас и каковы конечные результаты такого процесса лечения.

Габриела — раскованная, непосредственная девушка, очень похожая на своих сверстниц по школе. Судя по всему, она вновь обрела чувство душевного равновесия, которое утратила перед началом лечения. В возрасте около восьми лет у нее были трудности с учебой (в школе ей было скучно и нелегко учиться читать), но сейчас она очень компетентна в своей работе и всегда может найти в ней что-нибудь интересное. По своим склонностям она не девчонка-сорванец, а скорее домоседка. Кажется, в настоящее время хочет стать учителем биологии. Ее главное увлечение — выращивание домашних растений. Ее уверенность в знании ценностей, внутренняя независимость суждений и, возможно, умение находить общий язык со многими людьми порождают вопрос, не действует ли по-прежнему закваска удовлетворительного опыта и достижение взаимопонимания на глубоком уровне.

Более поздних комментариев о сеансах лечения почти нет, не считая, возможно, очень редких замечаний о памяти или какой-либо игре. Печальное известие о смерти доктора Винникотта было принесено случайным посетителем, и ее непосредственная реакция была скрыта в социальной обстановке. Доктор Винникотт очень тонко подготовил ее к неизбежности своей смерти, и она с тех пор два раза вспоминала об этом занятии, когда это было к месту.

Доктор Винникотт обычно вел записи во время сеансов, и Габриела думала, что он пишет свою автобиографию и она каким-то образом в ней участвует: “Он бывало писал, а я играла”.

Когда с ней обсуждался вопрос о возможности опубликования данного материала (который она не видела), Габриела сначала колебалась, но потом подумала, что, может быть, это будет полезно другим — и, надо надеяться, это действительно так — и дала свое согласие.

1975 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Волшебная сказка о психоаналитическом лечении маленькой девочки. <i>Предисловие М.Н. Тимофеевой</i>	5
Предисловие Клэр Винникотт и Р. Д. Шеперда	7
Ицхак Рэмзи. Вступительное слово редактора	9
Введение	14
Пациентка	17
Первая консультация	20
Вторая консультация	31
Третья консультация	43
Четвертая консультация	56
Пятая консультация	65
Шестая консультация	73
Седьмая консультация	83
Восьмая консультация	90
Девятая консультация	99
Десятая консультация	109
Одиннадцатая консультация	118
Двенадцатая консультация	130
Тринадцатая консультация	143
Четырнадцатая консультация	154
Пятнадцатая консультация	159
Шестнадцатая консультация	167
Послесловие родителей Пигли	170

Дональд Вудс Винникотт
“ПИГЛЯ”
Отчет о психоаналитическом лечении
маленькой девочки

Перевод с английского
Л.Н. Боброва

Научный редактор
М.Н. Тимофеева

Редактор
И.В. Тепикина

Компьютерная верстка
С.М. Пчелинцев

Главный редактор и издатель серии
Л.М. Кроль

Научный консультант серии
Е.Л. Михайлова

Изд. лиц. № 06174
Гигиенический сертификат
№ 77.99.6.953.П.169.1.99. от 19.01.1999 г.
Подписано в печать 12.02.1999 г.
Формат 60×88/16
Усл. печ. л. 11. Уч.-изд. л. 6,5

ISBN 5-86375-110-X (РФ)

М.: Независимая фирма “Класс”, 1999
103062, Москва, ул. Покровка, д. 31, под. 6.
www.igisp.ru E-mail: igisp@igisp.ru

www.kroll.igisp.ru
Купи книгу “У КРОЛЯ”